

Пермь как текст

Алексей Иванов

Вячеслав Раков

Лев Баньковский

Идея проекта Алексея Иванова

Пермистика

Лев Баньковский

Вячеслав Раков

Алексей Иванов

Пермистика

Пермь 2009

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус)6
Б 23

Урал, Пермский край, город Пермь – не просто территории, обозначенные на географической карте России, а единое пространство истории, культуры и смысла. Лев Баньковский, Вячеслав Раков и Алексей Иванов, каждый по-своему, осваивают это уникальное пространство. Работы трех авторов, написанные в разное время и в разных жанрах, тем не менее перекликаются между собой и решают общую задачу – они дают возможность прочесть Урал и Пермь как своеобразное осмысленное и одухотворенное целое.

ISBN 978-5-88187-386-8

Издание осуществлено при поддержке
министерства культуры и массовых
коммуникаций Пермского края

- © Л. Баньковский, текст, 2009
- © В. Раков, текст, 2009
- © А. Иванов, текст, 2009
- © Д. Ризов, предисловие, 2009
- © О. Давыдычева, оформление, 2009

На пути от Руси к России

Городишко, в котором прошли первые два десятка лет моей жизни, приютился в пазухе пологих «домашних» гор. Первое же мое путешествие за окраинные домики, взбирающиеся в гору, привело к открытию: в седловине вершины оказались воронки. Да какие! Самый огромный мужик скрылся бы в них с головой, даже если бы посадил при этом себе на плечи второго мужика.

Воронок было несколько, они примыкали друг к другу. Внутри, как и снаружи, росла степная трава. Правда, почва там была победнее, покаменнее. Забавно было сбегать вниз и выкарабкиваться наружу, навстречу ласковому, душистому ветерку. На юге, за близким отрогом горы, видна широченная речная пойма, поделенная на квадратики огородов,

в дальнем конце ее – полосой железная дорога, басовитые голоса паровозов тут едва были слышны.

Странными были эти воронки.

В моем доме, в самодельном книжном шкафу, стоял томик Бориса Пастернака, в томике – многозначительная строчка: «Здесь прошелся загадки таинственный ноготь...».

Другие строчки стихотворения меня мало трогали, но вот тайна, отмеченная ногтем... Эти слова явно относились к любой тайне на свете, в том числе и к воронкам на вершине горы. Откуда эти воронки взялись, что они значат?

Похоже, кроме меня этими вопросами никто в городе не задавался. Взрослые жили текущим днем, что им было до тайн из прошлого... И в городском музее тоже ничего не знали о воронках. Разгадывать их тайну любознательному ребенку пришлось одному. Я, к примеру, уже знал, что в двадцатых годах мой городок был втянут в перипетии Гражданской войны, которая кого только не зацепила, в том числе и мою семью. В городке в ту пору бывал Фрунзе, чапаевцы (одного из них я даже знал лично, этот старик-чапаевец жил за три дома от нас, летом сторожил огороды за рекой, ночуя в душистом шалаше). И чехи тут побывали.

Меня осенило: это их следы. Это они обстреляли наш городок с железной дороги. Да, видать, неважнецкие оказались артиллеристы, снаряды рвались не в городе, а на горе, воронки – следы от их разрывов.

Так я решил и успокоился. Тайна оказалась разгадана.

Вот таким образом возникают человеческие знания – «пришей кобыле хвост». В плену этого самородного доморощенного «знания» я и оставался очень долго. Мне все это время даже в голову не приходило, что воронки на горе, обнаруженные потом и на сухой низине за горой (целое поле воронок), никак не соответствовали силе снарядных разрывов. Слабоваты были орудийные снаряды, чтобы такие следы оставлять.

И еще мне не приходило в голову, что воронки на наших горах могли находиться тут уже и тогда, когда на месте моего городка вообще ничего не было – одна естественная природа. Моя чудесная родина тогда еще ничьей родиной не была: тогда люди здесь друг друга не рожали, занимались

этим делом в других местах. А была тут родина дроф, куропаток, сусликов, жаворонков и прочей живности.

Позже, разговаривая с Львом Баньковским, когда он еще только задумал свою «Пермистику», я понял, что воронки в окрестностях моей родины могли быть следами поисков и разработок пришлыми людьми медных руд. Зброшенные маленькие руднички потом от времени провалились, образовав воронки. Это следы, быть может, еще бронзового века. Но вернее всего - семнадцатого. В эту пору – «поиск рудных месторождений на Урале и в Предуралье вели 67 экспедиций и партий» (Лев Баньковский, «Пермистика»).

Как тут не задуматься над тем, что родина наша, Россия, была и ныне остается крайне неоднородной. Она состоит, как минимум, из двух частей, условно разделенных Волгой. То, что от Волги справа, – Русь, слева, начиная с Заволжья, – Россия.

Когда мы говорим о тысячелетней древности нашей страны, это относится прежде всего к Руси. Начало России положено в пятнадцатом веке. Тогда начался второй этап освоения нашей нынешней родины русскими. Процесс этот и ныне не завершен. Перефразируя Алексея Иванова («Город со смыслом»), вполне можно сказать: наша нынешняя родина, большая Россия, географически занимающая очень значительное место на земле, – не ровесница этому месту. В этом ее уникальность.

Тем большая ответственность лежит на каждом из нас, для начала надо хотя бы знать, как это географическое пространство из «Нероссии» стало Россией, в ходе этого процесса густо пропитавшись кровью и потом наших предков, наполняясь плодами их труда и плодами наших собственных трудов. И, что не менее важно, наполняясь сугубо русскими смыслами, выявленными и еще пока не выявленными нами.

Книга, которую вы держите в руках, как раз об этом – об узнавании некоторых трудовых и духовных смыслов нашей части России. От точности и надежности этого узнавания (теми, кто имеет в этом нужду) в конечном итоге зависит, как долго наша родина будет оставаться... нашей родиной, укрепляться она будет или окончательно выпадать сначала из душ русских людей, потом из их рук.

При этом не забудем: народы России – а они, собственно, и есть без всяких кавычек новые русские, живущие в XXI веке, – слишком долго были кочевниками, в основном невольными, на ее просторах, а значит, мало укорененными людьми. Пренебрежительное отношение части населения Руси, ее центров и столиц к России как к конгломерату глуповатых периферий – следствие глубочайшего недопонимания специфики нашей страны той частью ее граждан, которые присвоили себе чванливое право именоваться «элитами». Такое недопонимание уже очень дорого встало России.

Я убежден: предстоящее укрепление России будет осуществляться не путем дальнейшего развития ее столиц, как бы ни хотели этого их жители (мы в этом деле уже явно перебрали), а путем укрепления, наполнения содержанием и смыслами ее многочисленных периферий, которые, собственно, в сумме своей и есть сама нынешняя Россия.

Да и пора ее, наконец, как следует познать!

Когда-то, в конце девятнадцатого века, основываясь на только что прошедшей переписи населения России, Д. И. Менделеев написал замечательную работу, названную им «К познанию России». Тогда, как, впрочем, и теперь, большинство наших провинций были удалены из сознания современников... в непознанное. Менделеев попытался начать процесс познания Россией – России. Однако задача эта оказалась непосильной даже для гениального одиночки. Тем более что в двадцатом веке начинание великого ученого и мыслителя подхвачено не было.

Я очень рад, что содержание этой книги в основе своей соответствует замыслу Менделеева – познанию одной из частей России, нами еще слишком мало понимаемой.

Дмитрий Ризов

Лев Баньковский

Пермистика

Культурологическое исследование

Пермский геологический период

В длинном временном ряду геологических систем «пермским» именуется период, завершивший палеозойскую эру – эру древней жизни. Предшествовал пермскому периоду каменноугольный, или карбоновый, а следующим за пермским был период триасовый. Продолжался пермский период с 285-го по 230-й миллион лет тому назад. «Пермская система» – это группа геологических отложений, образовавшихся в пермский период. Современные геологи подразделяют пермскую систему на нижний и верхний отделы, а их, в свою очередь, на несколько ярусов: ассельский, сакмарский, артинский, кунгурский, уфимский, казанский и татарский. В Пермской области на земную поверхность выходят породы всех ярусов этой системы. Геологические

разрезы западного склона Урала и востока Русской платформы являются мировыми эталонами пермской системы.

Еще в XVIII столетии известные путешественники П. Паллас, П. и Н. Рычковы заметили протянувшуюся по всему Приуралью полосу большой мощности пестрых пород, содержащих медные руды. Знаменитый русский естествоиспытатель И. Лепёхин назвал эти осадочные отложения «биармийскими» в честь легендарной страны Биармии, располагавшейся некогда на территории Пермь Великой.

Извлекая из горных пород окаменевшие останки животных и растений, первые палеонтологи еще только по слогам читали каменную летопись Земли.

В июне 1841 года в Приуралье начала работу экспедиция Родерика Импи Мурчисона. Член, а затем и председатель Лондонского геологического общества, директор Геологического музея в Лондоне, член академий наук многих стран – такова в самых общих чертах научная биография Мурчисона. Хорошо представляя существо трудностей столь дальнего путешествия и исследований в малоизученной местности, Мурчисон пригласил в свою экспедицию по России опытного палеонтолога и ботаника Эдуарда Вернейля.

Предусмотрительность Мурчисона, взявшего для повседневной экспедиционной работы специалиста по ископаемым растениям, оказалась вполне оправдана добытыми на Урале уникальными палеонтологическими материалами. Но, кроме всего прочего, Мурчисон сам восхищался увиденными им впервые русскими цветами – целыми зарослями орхидеи – башмачка настоящего – по берегам реки Чусовой, цветами чистеца и горошка. Кстати сказать, не был чужд миру растений и побывавший на Урале незадолго до Мурчисона Александр Гумбольдт, восхищавшийся куртинами ковыля в окрестностях Кунгура. Перед отъездом в Россию Мурчисон счел обязательной встречу с Гумбольдтом, очень доброжелательно его напутствовавшим. В помощь Мурчисону русское правительство выделило молодых геологов А. Кейзерлинга и Н. Кокшарова.

В экспедиции, рассчитанной на два года, Мурчисон так сэкономил время, что вел полевые исследования в Приуралье с раннего утра и до наступления полной темноты. Убедив-

шись «на самом поприще изысканий» в «очевидных доказательствах самостоятельности самобытной системы пластов», он уверенно писал: «...мы решили обозначить их особым наименованием: оно имеет географический корень от древнего царства Биармии или Пермии...». Мурчисон назвал новую геологическую систему пермской точно так же, как открытая им в Англии силурийская система была названа в память о древней британской области Силурии, а девонская – в честь графства Девоншир.

В 1845 году в Лондоне на английском языке выходит первый том книги «Геология Европейской России и хребта Уральского», составленный на основании наблюдений Мурчисона и его спутников по экспедиции. Второй том книги, общий объем которой более тысячи семисот страниц, был издан в Париже. Об огромном интересе западноевропейских геологов к Уралу и Приуралью говорит тот факт, что в составлении второго тома книги приняли участие самые видные представители тогдашней геологической науки – А. Броньяр, Л. Агассис, А. Орбиньи и многие другие. В 1849 году эта книга и две приложенные к ней геологические карты Восточной Европы и Урала изданы в России.

Далеко не все геологи-современники Мурчисона соглашались с тем, что на основании изучения пестроцветных отложений России нужно выделять совершенно новую геологическую систему, да еще называть ее пермской. Ведь одновозрастные отложения в Западной Европе естествоиспытатели начали изучать чуть ли не на столетие раньше, и такие старинные названия, как «красный лежень» и «цехштейн», уже прочно вошли в обиход западноевропейских геологов еще с 1756 года, со времени издания книги геолога Лемана.

На эти возражения Мурчисон приводил обстоятельные данные о том, что пестроцветные отложения Западной Европы составляют только небольшую часть пермской системы, которая наиболее полно представлена в России: «нигде, ни в целой Германии, ни в Великобритании не представляется подобный свод усугубленных доказательств, приводящих к сознанию независимости какой-либо системы геологической».

В том же самом году, когда экспедиция Мурчисона изучала Урал, профессор Д. Филлипс предложил считать всю геологическую историю Земли состоящей из трех больших эр: палеозойской, мезозойской и кайнозойской или иначе – эр древней, средней и новой жизни. Мурчисон правильно считал Урал типично палеозойской горной системой и полагал, что пермские отложения были снесены с Урала на завершающем этапе роста палеозойского хребта.

Вступая в спор с теми геологами, которые относили верхние ярусы или даже все пермские отложения к началу мезозойской эры – ее триасовому периоду, Мурчисон приводит в доказательство своей правоты неслыханное до тех пор количество окаменелостей от 188 видов пермских животных. Ученый писал, что «появление нового рода огромных животных, так называемых ящеровидных (текодонтозавров, палеозавров), ясно обозначает конец длинной палеозойской эры и начало нового порядка зоологических условий». И вся огромная мощность пермских отложений самого разнообразного минералогического облика насыщена останками одной и той же животной и растительной жизни, свойственной только этому геологическому периоду.

Однако многие западноевропейские специалисты, изучавшие только пестроцветы Германии и Англии и никогда не выезжавшие в Россию, не могли разглядеть смены геологических условий на границе пермской и триасовой систем.

Мурчисон до глубокой старости решительно отстаивал свое открытие пермской системы и передал эту убежденность своим главным последователям – плеяде русских геологов. Н. Головкинский, А. Карпинский, А. Штукенберг, П. Кротов, А. Нечаев и многие другие ученые посвятили защите и обоснованию пермской системы капитальные научные труды.

Ни одна геологическая система не подвергалась столь длительной и неизменно бесполезной критической осаде, как пермская. Сейчас она окончательно утвердилась. Ни у какой другой системы нет такой богатой интересными событиями истории становления и развития. При распространении ее по всему земному шару геологические разрезы западного склона Урала и востока Русской равнины остаются ее мировыми эталонами.

Из книги Р. Мурчисона, Э. Вернейля, А. Кайзерлинга
«Геологическое описание Европейской России
и хребта Уральского». Санкт-Петербург, 1849

...В некоторых местностях с Сибирской стороны путешественник может составить более верное заключение о размерах Уральских гор... Цепь представляется в виде зубчатого, оголенного, крутостенного хребта, который воздымался над лесами и давал вид настоящего горного кряжа.

...В недавнее время Гумбольдт открыл космическую важность этой цепи, объясняя, что вместе с другими хребтами, имеющими, как он выражается, меридиональное направление, Урал представляет общие признаки, указующие распределение золота и других металлических сокровищ.

...Оставалось сличить и установить тождество переломанных толщ хребта с первообразами в других странах, сравнить их с осадками, залегающими в равнинах России, возраст которых был определен нами, и составить геологическую карту всей цепи.

...Мы пересекали Уральские горы в семи различных направлениях. Подразделившись на две различные партии и съезжаясь изредка для обмена и сличения наблюдений, мы были в состоянии исследовать одновременно европейский и азиатский отклоны хребта и, следовательно, успели сделать в одно лето, на что одна партия должна бы посвятить два года. В дополнение к поперечным переездам через кряж мы предпринимали и боковые, и продольные экскурсии. На следующий год один из нас перенес исследования на хребет Тиманский, огромный северо-западный отрог Урала, до того времени вовсе не описанный.

...Путешествуя от гор к сравнительно низшим показателям губерний Пермской и Оренбургской на запад, вдоль ли берегов рек Чусовой и Белой или следуя проезжим дорогам, всякий опытный наблюдатель убедиться может, несмотря на многочисленные сдвиги, переломы, взбрасывания, обращения к хребетной оси, что нижние палеозойские образования (силурийские и девонские) перекрыты местами осадками каменноугольными, а эти, в свою очередь, – пермскими.

... Читатель не упустит из виду, что хребет Уральский был выдвинут над лоном первобытного океана в эпоху весьма отдаленную, непосредственно следовавшую за образованием угольного известняка, он приведет себе на память, что довольно существенная часть смещения осадков пермских, раскинутых над прилегающей плоской страной, заимствована из обломков древних уральских пород; в осадках этих погребены ископаемые растения, прозябавшие на сопредельных горах, и в них рассеяны медные руды, нанесенные, может быть, рудоносными растворами, состоящими в тесной связи с метаморфизмом Урала или образовавшиеся в недрах хребта в период весьма древний.

...Строение западных предгорий хребта доставляет возможность определить соотношение загадочных толщ Урала с пластами безошибочно и положительно распознаваемыми и возраст которых точно известен – напротив того, отклон сибирский не представляет такой ясности, но даже и там имеем мы возможность разгадать разрозненную последовательность от пластов силурийских до каменноугольных только на огромных расстояниях и при явлениях случайных уклонений от естественного порядка залегания.

...Мы собрали все нужные данные для выводов, заключив, что в древнейшие периоды вся страна эта и, вероятно, далеко в Сибирь занята была осадками пластов силурийских, девонских и каменноугольных, рядовыми возвышениями толщ гранитных по некоторым направлениям или порфиоров и зеленых камней по другим с севера на юг, эти осадочные породы были взброшены, выдвинуты и образовали цепь до отложения осадков пермских. При отсутствии последних на восточном склоне позволительно догадываться, что в этот отдаленный период огромная площадь Сибири, примыкающая к Уралу, была также приподнята с моря и повышена над водами, низвергавшими осадки медистых песчаников в сопровождении с остатками морских животных.

...Пермские образования, занимающие страны, орошаемые Камой и притоком ее Сылвой, снесены с огромных пространств западных отклонов гор Уральских, доставивших им немалую примесь пород обломочных. Простираясь до Кунгура, эти красноцветные медь со-

держащие осадки, заключающие огромные скопления гипса, теряются под пространным покровом чернозема между Кунгуром и почтовой станцией Моргуново.

...Мы вменили себе первым старанием передать читателю ясное понятие о последовательности разнородных осадочных пластов, составляющих твердую основу этих стран. Исполняя это, мы старались действовать как добросовестные и беспристрастные историки и признаем долгом сказать, что исследование коренной почвы России весьма много расширило и усовершенствовало общее познание событий, совершавшихся на поверхности земного шара в эпохи древнейших и более новых накоплений.

Пермские ящеры

Одно дело заявить об открытии новой геологической системы, совсем другое – собрать доказательства, подтверждающие его. Не будь рядом с Мурчисоном французского палеонтолога Эдуарда де Вернейля, год открытия пермской системы отодвинулся бы на несколько лет. Именно он, молодой, но опытный и знающий палеонтолог, член различных парижских и лондонских ученых обществ в течение трех лет после завершения Уральской экспедиции тщательнейшим образом описал 188 видов ископаемых пермских животных, среди которых были и особо примечательные – ящеровидные. Так Мурчисон и его спутники называли ископаемых пресмыкающихся пермского геологического периода. Мы же их будем называть для краткости пермскими ящерами.

Первыми исследователями ящеров в Прикамье были русские путешественники И. Лепёхин и Н. Рычков. Более двухсот лет назад в своих путевых записках они упоминали об удивительных окаменевших костях, обнаруженных на приуральских медных рудниках.

«По наружному виду, – писал Лепёхин, – это должны быть кости рогатой скотины». Уже с позиций современных палеонтологов, располагающих более чем полутора десятками подобных причудливых черепов, можно сказать, что эпитет «рогатый» вполне понятен. Куполообразные возвышения на задней части черепа, костные выросты на конце морды, по бокам черепа и над глазами придают животному поистине фантастический вид.

В 1838 году петербургский профессор С. Куторга отнес большую часть прикамских находок к ранее неизвестным родам млекопитающих – бритопусу, ортопусу и сиодону. Животных, обладавших черепами с непонятными костными выростами, Куторга назвал дейноцефалами, то есть «страшноголовыми». Академик Ф. Брандт поправил своего коллегу, признав зубы сиодона за останки не млекопитающего, а «большой ящерицы».

Шесть лет спустя после появления работы Куторги английский палеонтолог Р. Оуэн описал ранних пресмыка-

ющихся из отложений Южной Африки. Отмечая большое сходство пермских рептилий с млекопитающими, американский ученый Э. Коп выделил вновь открытых животных в особую группу зверообразных пресмыкающихся и обосновал идею происхождения от них млекопитающих.

В России дальнейшее изучение ископаемых пресмыкающихся постепенно приостанавливалось по мере закрытия вырабатываемых медных рудников, откуда в основном извлекались окаменевшие кости. С середины XIX столетия каждая находка останков древних ящеров стала значительным научным событием, о котором сообщали даже «Пермские губернские ведомости». Так, в 1860 году газета писала о находке костей на заброшенном Лушниковском руднике в двенадцати верстах от Мотовилихи. Окаменевшие кости ранее находили на Ахматовском руднике недалеко от Гайвы, на Каме ниже Таборов и около деревни Меливой. Отдельные кости рептилий были извлечены из обнажений близ Оханска, Верхнечусовских городков, деревни Юговской, станции Усьва.

В начале XX века ученые Ф. Хюне и Р. Брум отметили сходство приуральских пермских рептилий с пеликозаврами Северной Америки. Соглашаясь с этими выводами, венгерский палеонтолог Нопш заметил, что ящеры из Приуралья могут служить «мостом над пропастью» между их североамериканскими предшественниками из Техаса и южноафриканскими потомками. Подобное сравнение приуральских и африканских рептилий впервые произвел палеонтолог Л. Бунстр.

К сожалению, большинство из сделанных в Пермском Прикамье находок костей рептилий по разным причинам не попало в музейные коллекции и потерялось. Новые же находки были так редки, что центр интересов специалистов по зверообразным пресмыкающимся быстро переместился в места богатых местонахождений древних рептилий на берегах рек Волги, Мезени и Северной Двины.

Шестнадцатилетним юношей будущий палеонтолог и писатель И. А. Ефремов прочел в журнале «Природа» статью академика П. П. Сушкина о коллекции уникальных пермских ящеров с Северной Двины. Ефремов тут же написал

академику письмо и вскоре получил от него сначала приглашение в Геологический музей для беседы, потом – рекомендацию для поступления в Ленинградский университет. В девятнадцать лет Ефремова ждало направление на самостоятельную работу на Южный Урал, затем – Шарженгу, Ветлугу, Оренбуржье, Башкирию, Пермское Прикамье.

В годы Великой Отечественной войны Ефремов выполнял специальное геологическое задание Наркомата обороны на Урале и одновременно изучал останки уральских пресмыкающихся пермского геологического периода. Основные находки были впервые сделаны в рудниках по добыче медистых песчаников. В XVIII – XIX веках по всему Приуралью работали тысячи таких рудников, а вот ископаемых рептилий находили в них очень редко, да и многие останки, даже описанные в трудах различных ученых, не сохранились до нашего времени.

Ефремов решил вновь начать специальный поиск останков древних пресмыкающихся в заброшенных приуральских рудниках, нередко уже с обрушившимися или полузасыпанными выработками, заросшими сверху лесом. В этой опасной работе ему помогали краеведы и старые горнорабочие. В 1954 году, вспоминая об этих исследованиях, ученый писал: «Два года я лазал по заброшенным подземным выработкам старинных рудников, в которых еще в конце восемнадцатого и начале девятнадцатого века наши наблюдательные горняки находили кости интереснейших ящеров – самых древних, какие только были найдены на территории Советского Союза».

После настойчивых поисков Ефремов с огорчением вынужден был констатировать, что за давностью лет, прошедших после прекращения добычи медной руды в Приуралье, полевые исследования, за исключением единичных находок отдельных ископаемых костей рептилий, не дали ожидаемых результатов.

И все же Ефремов не оставил задуманной им большой работы. Ученый отправил письма во все естественно-исторические музеи мира, куда в давно минувшие времена при самых различных обстоятельствах попадали останки ископаемых рептилий из Приуралья. В Москву, на адрес Палеон-

тологического института Академии наук, стали приходить от его зарубежных коллег подробные описания редких музейных палеонтологических экспонатов, гипсовые слепки отдельных костей и скелетов древних пермских животных. Неожиданное, очень неприятное сообщение пришло от немецких ученых: большие музейные коллекции пермских пресмыкающихся, присланные в XIX веке с Урала горным инженером и палеонтологом В. Кваленом и долгое время хранившиеся в Берлинском, Зенкенбергском и Штуттгартском музеях, оказались полностью уничтоженными во время войны.

Несмотря на все сложности кропотливых исследований останков пермских пресмыкающихся Приуралья, постоянное участие во многих дальних, в том числе и монгольских, палеонтологических экспедициях, Ефремов завершил, пожалуй, самую трудно доставшуюся ему книгу, над которой работал почти полтора десятилетия. Так, в 1954 году появилась ныне известная всем специалистам по древним рептилиям замечательная монография Ефремова «Фауна наземных позвоночных в медистых песчаниках Западного Приуралья». Первым открывателем фауны медистых песчаников, безымянным горнорабочим старых медных рудников посвятил эту книгу автор.

Палеонтологи впервые получили в свое распоряжение капитальный труд, в котором подведены итоги почти двухсотлетнего изучения медистых песчаников Приуралья и сохранившейся в них ископаемой фауны. При работе над этой книгой Ефремов широко использовал новейшие достижения по существу им же основанной новой отрасли палеонтологии – тафономии – науки об условиях захоронения и образовании местонахождений останков древних животных и растений. В 1952 году специально посвященная этим проблемам книга Ефремова «Тафономия и геологическая летопись» была удостоена Государственной премии. Это разработанное Ефремовым на стыке геологии и биологии новое научное направление позволило ему успешно произвести реконструкцию приуральского климата и рельефа, получить очень важные для геологов точные данные о времени существования фауны медистых песчаников и ее

относительном положении в напластованиях пермских горных пород.

В 1952 году в статье «О стратиграфии пермских красцветов СССР по наземным позвоночным» Ефремов сформулировал основные задачи по изучению пермских земноводных и пресмыкающихся. Ряд районов Прикамья ученый назвал перспективными для первоочередного исследования этих животных. И не ошибся.

В девяти километрах от Очёра, у деревни Ежово, школьник Павел Касьянов нашел в старой каменоломне проявления минерала волконскоита. Проверая это открытие, геологи заложили на склоне речной долины линии шурфов и обнаружили в этих шурфах массивные кости очень крупных животных.

В 1952 году сотрудники Палеонтологического института Академии наук начали первые исследования Ежовского местонахождения рептилий. А в 1957, 1958 и в 1960 годах здесь под руководством известного палеонтолога П. К. Чудинова производились первые в нашей стране раскопки костеносных слоев с помощью бульдозеров. За эти три года в Палеонтологический институт было отправлено более двухсот ящиков ценнейших научных коллекций.

Результаты раскопок в Ежово превзошли все ожидания. Группа найденных здесь зверообразных пресмыкающихся составила совершенно новую для палеонтологов «очёрскую фауну». Из одиннадцати обнаруженных в Ежово родов древних четвероногих пермского периода только один род был известен прежде.

Очень своеобразным оказался основной состав очёрской фауны – териодонты, дейноцефалы и аномодонты. Из териодонтов, или иначе зверозубых, наиболее примечательными являются хищные рептилии размером до полутора метров, вооруженные мощными саблевидными зубами и клыками.

Некогда выделенные Курторгой сиодон и архесиодон из надотряда дейноцефалов, возможно, питались падалью, а вот огромная пятиметровая рептилия со сложным названием эстемменозух-венценосный был животным растительноядным. К аномодонтам, то есть необычнозубым, относятся

всеядные хищники очериины – пресмыкающиеся с треугольным черепом и большими глазницами. Эти животные вели, скорее всего, полностью наземный образ жизни и являлись очень близкими предками первых на Земле млекопитающих.

Как же оказались останки столь разнородных по виду и образу жизни рептилий в одной костеносной линзе среди пермских песчаников и глин? Может быть, избыток меди и хрома в воде, почвах и растениях тех древних времен и привел к массовому отравлению рептилий? Однако такая гипотеза кажется большинству исследователей не очень убедительной. Дело в том, что медное оруденение не сосредоточено в медистых песчаниках, а распространяется и в костеносные слои. Если и играла эта медь какую-нибудь роль в судьбе рептилий, то только в том, что после их гибели способствовала столь длительной сохранности костей, своеобразной консервации их на целые две сотни миллионов лет.

Изучив состав и строение окружающих горных пород, ученые полагают, что массовое захоронение различных животных в одном месте произошло в дельте полноводной реки, выносившей на равнину с разрушающегося Уральского хребта громадные количества песка и глины. Объясняя причины нахождения останков разных рептилий в одном и том же месте, Ефремов обычно приводил пример захоронения североамериканских аллигаторов во время больших наводнений на реке Миссисипи. В каждом таком случае быстрый спад воды приводит к гибели массы животных, остающихся в мелких рукавах и протоках.

Ежовское местонахождение рептилий раскопано пока далеко не полностью. Здесь и у соседней деревни Лужково, вероятно, будут еще обнаружены новые пресмыкающиеся очёрской фауны. Немалый интерес для естествоиспытателей представляет также открытие новых по времени образования местонахождений древних рептилий, помогающих, как говорят палеонтологи, «наведению мостов» между лишь очень приблизительно состыкованными одна с другой группами пресмыкающихся разных районов нашей страны.

Из очерка Ивана Антоновича Ефремова
«Космос и палеонтология».
Сборник «Научная фантастика». М., 1972

Какому искателю знания не мечтать о палеонтологических раскопках на Марсе, Венере.

Даже если планеты окажутся необитаемыми, то, может быть, пласты горных пород на их поверхности сохранят остатки когда-то бывшей и исчезнувшей жизни.

...Палеонтология – фактическая документация пути исторического развития земной жизни.

Сумма палеонтологических данных дает нам непроверяемую общую картину постепенного усложнения и усовершенствования растительных и животных форм по мере хода геологического времени. Лестница этого восхождения непрерывна и последовательна, несмотря на вымирание одних групп, расцвет других или угнетенное, скрытое существование третьих.

Вместе с тем характер палеонтологической документации таков, что еще в недавнее время порождал представление о прерывистом, скачкообразном развитии жизни, о периодах расцвета, сменявшегося повсеместными катастрофами и массовыми вымираниями. Подобная картина возникала из-за непонимания особенностей хода эволюционного процесса. Приспособление к условиям существования путем естественного отбора мелких мутаций позволяло отдельным видам животных или растений процветать и обильно размножаться.

В результате область, или, точнее, та совокупность внешних условий обитания, которую биологи называют экологической нишей, заселялась все плотнее и плотнее, пока эта плотность не достигала критической точки.

«Ниша» – меткое название, подразумевающее ограниченность места, вовсе не обязательно географическую, но гораздо чаще чисто биологическую. За пределами ниши не было ни пищи, ни других жизненно важных условий для вида, приспособленного именно к этой области. Неограниченное размножение в результате успешного приспособления вызывало голод или эпизоотию и массовую гибель процветающего вида. Подобную же массовую гибель вызывало и небольшое изменение

режима внешней среды, к которому узко приспособленные виды с большой численностью особей очень чувствительны.

Массовая смертность обуславливала образование больших скоплений остатков, заставляя нас воображать чудовищные катастрофы. Ввиду общей пространственной разорванности палеонтологической документации частные случаи казались распространенными чуть ли не по всему земному шару. На самом деле эти случаи нисколько не отражались на других видах, кроме связанных кормовой базой с гибнущими, и вовсе не означали серьезных потрясений нашей планеты.

Более того, неуклонное восхождение исторического развития от низших форм к высшим (считая высшими более сложные и более универсальные), вне всякого сомнения, доказывает чрезвычайно длительную устойчивость среды обитания на поверхности нашей планеты, отражающую постоянство радиации Солнца и спокойное состояние вещества в недрах Земли. Особенно очевидно это для наземных организмов, не защищенных водой. Чтобы пройти путь от первичных рыбообразных позвоночных до высших млекопитающих, потребовалось около 400 млн. лет. За этот громадный промежуток времени наше светило ни разу не подвело наземную жизнь.

Пермская медь

Самый первый металл, с которым познакомился человек, была не бронза, но медь (а бронза – это ее сплав с другими металлами). Урал стоит на меди. Она дала толчок развитию промышленности, городов, просвещения.

История основания и становления Перми в начале XVIII века тесно связана с открытием и разработкой на Урале и в Прикамье месторождений медных руд.

На берегах Камы первую промышленную разведку медных руд выполнила специальная московская экспедиция, прибывшая сюда на поиски золота. Так, неподалеку от Соликамска, на реке Камгорке, уже в 1634 году появился Пыскорский медеплавильный завод. За последние три четверти XVII века поиск рудных месторождений на Урале и в Приуралье вели 67 экспедиций и партий. На основании добытых ими новых геологических сведений в 1713 году был построен Кунгурский медеплавильный завод, и появилась возможность строительства нескольких других подобных предприятий, способных работать на местных медных рудах.

В 1720 году руководителем казенных горнорудных дел на Урале был назначен горный инженер, ученый и видный государственный деятель В. Н. Татищев. Благодаря его активной деятельности, а также соратника В. И. Генина, за полтора десятилетия на Урале было возведено около тридцати медеплавильных заводов. Один из этих заводов – Егошихинский, построенный в 1723 году, – положил начало городу Перми.

К середине XVIII века, благодаря медеплавильным заводам Урала, Россия стала крупнейшей мировой производителем меди с годовой выплавкой около 3,1 тыс. тонн (Англия – 1,8-2,8 тыс. тонн; Швеция – 0,9 тыс. тонн). Три четверти производства этой меди обеспечивалось рудой из медистых песчаников Пермского Приуралья.

До 20-30-х годов XIX века Россия была одним из главных поставщиков меди за границу. В середине века центр медеплавильного производства переместился из Прикамья в область Уральского хребта и Зауралья, в места широкого распространения более богатых медью древних вулкано-

генно-осадочных пород. С этих пор выплавка меди на территории Пермского Прикамья сворачивалась, хотя некоторые медеплавильные заводы, например, Юговские, продолжали работать даже на рубеже XIX – XX веков.

По подсчетам геолога Н. К. Разумовского в 1925 году, более чем за двухсотлетний период разработки медистых песчаников Приуралья было разведано не менее семи с половиной тысяч промышленных точек, из них четыре тысячи – на территории нынешней Пермской области, 2800 – в Оренбургском крае и Башкирии, 700 – в Казанско-Вятском крае.

Ученые Пермского университета провели учет не менее семи тысяч рудников и приисков Пермского Прикамья, из них около тысячи только на территории города Перми и его окрестностей.

Вся медь Приуралья была выплавлена из медистых песчаников пермской системы, которые принято называть пермскими медистыми песчаниками. Это обломочные средне- и мелкозернистые породы, возникшие в результате цементации песков и таких характерных медных минералов, как халькозин, борнит, халькопирит. При высоком содержании меди медистые песчаники отличаются от окружающих пород, особенно при включениях изумрудно-зеленого малахита, синего лазурита.

Характерной особенностью меденосных толщ является их общая красноцветность и пестроцветность, обусловленные сочетаниями и чередованием красных, пурпурных, буро-красных, серых, зеленовато-серых, темно-серых, фиолетовых, палевых, желтых, оранжевых, бурых и даже голубоватых и белых слоев. Преимущественно красная окраска рудовмещающих пород объясняется цветом мельчайших кристаллов железистых минералов-красителей: гематита, гетита и других.

В 1859 году геолог Барбот де Марни назвал пермские красноцветные породы «геологическим хамелеоном». Дано было такое название не столько из-за разнообразия их цветов и оттенков, сколько за обманчивый облик, позволяющий геологам всех поколений до сих пор жарко спорить о происхождении этих удивительных пород.

Известный русский геолог, профессор Горного корпуса и Петербургского университета Д. И. Соколов о начале пермского геологического периода писал так: «Огромными потопами началась эта новая эпоха на Земле». Другой геолог, профессор Казанского университета Э. И. Эйхвальд проводил через территорию Пермского Прикамья восточную границу древнего Пермского материка и выделял соответственно «бассейны разных горных формаций» как результат «более или менее общих наводнений» и со стороны Черного моря, и со стороны Северного Ледовитого океана.

В 1861 – 1864 годы И. Ф. Леваковский на основе геологических карт осветил взаимные отношения воды и суши в пермский период. Пять карт древних морей и континентов выполнил в 1863 году Г. А. Траутшольд. В конце XIX века древние географические карты Перми составили А. А. Штукенберг и А. П. Карпинский, а в начале XX столетия – Ф. Н. Чернышёв. Опираясь на работы своих предшественников, М. Э. Ноинский определил положение меденосной полосы Приуралья в зоне «борьбы моря и суши». Л. В. Пустовалов ограничивал места формирования красноцветных меденосных пород на побережьях речными дельтами.

В конце XIX – начале XX столетия немецкий ученый И. Вальтер пришел к выводу, что красноцветные отложения относятся к пустынным образованиям. Ярко и образно описывал Вальтер древние красные материки: «... скалистые горные системы, одетые карминно-красными покровами, воздымаются высоко к голубому небу. Их вершины покрыты вечным снегом, из-под которого в большинстве случаев текут в долины голубые глетчеры, а кругом, насколько хватает глаз, лежат красные или желтые песчаные пустыни...»

В дополнение к красным и желтым позднепермским пустыням геологи Ю. В. Сементовский и В. И. Игнатьев выделили «белую» каменистую пустыню – почти безжизненный белый равнинный континент, возникший в раннепермскую эпоху и сложенный преимущественно известковыми и соляными отложениями. Огромные пространства пустыни, простиравшейся примерно на 2500 км по меридиану и более чем на 1500 км по широте, в какой-то мере напоминали современные пески Сахары и такыры Средней Азии. «Однако, –

пишет Игнатьев, – это была пустыня не сравнимая ни с одной из современных пустынь планеты, ибо по закону необратимости, исчезнув с лица Земли, ни один ландшафт уже не может быть восстановлен заново».

А может быть, пермские медистые песчаники обязаны своим происхождением огромным речным равнинам? Еще Мурчисон и Кокшаров связывали возникновение медных руд с деятельностью стекающих с Урала рек. В дальнейшем на возможную роль рек в формировании меденосности пермских отложений указывали и многие другие исследователи, в том числе и автор «пустынной» концепции И. Вальтер, который признавал существование периодов временного увлажнения пустынь и активной рудообразующей деятельности речных потоков. Геолог А. Н. Мазарович, изучив широкий спектр красноцветных пород, пришел к выводу, что в целом они представляют собой отложения блуждающих по предгорным равнинам рек, без устьев и дельт. Известный петербургский ученый-геолог, геохимик и планетолог Б. Л. Личков назвал огромные пространства древних речных долин, не уступающих по размерам самым большим пустыням мира, «великими аллювиальными равнинами». В последние годы в пользу происхождения медистых песчаников в речных руслах свидетельствуют как исследования общих обстановок осадконакопления – фациальный анализ всей меденосной толщи, так и изучение ее отдельных минеральных компонентов, например, редчайшего на Земле минерала – волконскоита.

Зеленый и зеленовато-коричневый цвет этого минерала объясняется большим содержанием окиси хрома. Несколько веков назад иконописцы Перми Великой приготавливали из него устойчивые краски с различными оттенками зеленого цвета. Однако минерал встречался так редко, что секрет получения этих красок был надолго утрачен.

Знаменитый путешественник И. Георги в 1773 году, возвращаясь из Сибири, побывал на речке Бабке неподалеку от Перми и записал в своем дневнике о «гнездах медной охры» зеленого цвета, куски которой на воздухе быстро распались. Из всех известных зеленых горных пород и минералов Прикамья свойством крошиться на воздухе обладает только

волконскоит. Образцы, о которых упоминал Георги, к сожалению, не сохранились, и более чем через полвека минерал пришлось открывать заново.

В 1830 году чиновник Пермского горного правления Волков получил от крестьянина Куликова несколько кусков «затвердевшей глины, густо проникнутой раствором хромниего окиса». Свое название новый минерал получил в честь участника Отечественной войны 1812 года П. Волконского.

С большим трудом различные исследователи определили сложный состав минерала, который как только ни называли: и «хромовой глиной», и «водянистым кремнеглиноземом», и «хромосодержащим силикатом». Впоследствии выяснилось, что волконскоит содержит остатки древесин, пропитанных хромосодержащими растворами водных потоков, некогда сбегавших с разрушавшихся Уральских гор.

Однажды через газету «Правда» Пабло Пикассо обратился к советским художникам с просьбой обеспечить производство художественных красок из редчайшего минерала волконскоита. Но во всем мире этот минерал обнаружен пока только в Пермской и Кировской областях, в Удмуртии и Татарии, причем лишь в Пермском Прикамье найдены его промышленные залежи. На письмо французского художника откликнулись геологи Пермской комплексной геологоразведочной экспедиции. Запасы минерала отправили в Подольск, где были расположены предприятия художественного фонда, и в Ленинград на завод художественных красок. Из нашей страны во Францию ушли краски, изготовленные из редкого прикамского минерала.

Из книги Василия Никитича Татищева
«Общее географическое описание всей России»

Медных руд в Сибири по разным местам разных качеств находится неоскудно и сусче: 1)Колчеданная, что немцы зовут купферкис. 2)Кремневая или горнъерц, в которой часто видима самородная медь. 3)Лазорева или лазуръерц, сия или с песком или с илом. 4)Гороховая, в которой много черных, белых и красноватых камешков жестких, подобны гороху и крупняе. 5)Песчаная, что

с мелким песком смешана, и в сих многократно видима мелкая самородная медь. б) Шиферная находится токмо в Перми, а в Сибири еше нигде не сыскано, но где какие более находятся, о том при тех заводах или городах опишется.

Из книги Р. Мурчисона, Э. Вернейля, А. Кайзерлинга
«Геологическое описание европейской России
и хребта Уральского». Санкт-Петербург, 1849

Принимая в соображение краткий промежуток времени от заселения Сибири, и как недавно еще гористые страны ее были покрыты непроходимыми лесами, в которых бродили на севере идолопоклоннические племена вогулов и остяков и на юге последователи Магомета башкиры, невольно удивляться должно той необыкновенной поспешности, с какою разлилось здесь просвещение через водворение европейской людскости и горнозаводской промышленности. Пётр Великий определил с гениальной проницательностью надежнейшие средства возвеличивания своей империи, приказав кузнецу Демидову разведать железные руды в горах Уральских, тем положил основание неиссякаемому источнику богатств, извлекаемых из недр земных, столь почетно выставляющему Россию из семьи народов, ее окружающих. Древнейшие заводы, учрежденные по воле великого государя (они составляют и донныне средоточие наиболее усиленной деятельности) послужили образцами, по которым возведены были другие заводы и правительством и частными промышленниками.

...Русские горные люди, переняв первые начала своего дела от иностранцев, образовали сословие самобытное, в посторонней помощи не нуждающееся, а начальники их – питомцы Горного корпуса и Института – описали литологические признаки и разведали рудоносность страны около мест своего пребывания с большой верностью и отчетливостью.

...По справедливости сказать должно, в округах этих препятствия и преграды не устояли против настойчивости и предприимчивости русских горных людей. Непроходимые леса сделались реже, трудами

русских сооружены огромные, нередко великолепные постройки, болота осушены, в удобных местах учреждены водоскопы (вода составляет при горнозаводских производствах почти исключительного действующателя) и окрестности заводов покрыты народонаселением, более просвещенным и образованным, нежели где-либо удавалось нам встречать в большей части Российской империи. Ни одно географическое или статистическое сочинение не может передать ясного понятия о блестящем состоянии этих средоточий промышленности, каждое из них и более населено, и находится в более цветущем положении, нежели многие города, обозначенные на карте крупными буквами... при горных заводах и правительству и частным лицам принадлежащих находятся многие тысячи мастеровых и непрременных работников, которых жилища и домовитость редко уступают мануфактурным городам Европы. При посещении этих заведений господствует дух радушия и патриархального гостеприимства.

Пермская соль

Соль по латыни – sal. От него родилось слово Salarius, что значит соляной паек. Такой паек в Древнем Риме выдавали вместе с деньгами наемникам. Именно от него и произошло французское слово salaire – жалование.

Однако многие народы Земли поклонялись соли не только как символу благополучия («у него есть соль» – так говорили о зажиточном человеке, богатом городе), ее ценили как минерал, дающий людям мужество и мудрость:

Господь, святой Твоей рукой

Вложи крупицу соли в разум мой!

– так написано на ратуше одного из старых германских городов Вассербурга.

Многие на Земле города начинались от соли. Вот и у нас в России: Соль Переславльская, Соль Галичская, Соль Вычегодская, Соль Камская, Соль Илецкая обозначили исторический путь русского человека за солью. В 1430 году вслед за Сольвычегодском в Пермском Прикамье строился Соликамск, в 1606-м году – Усолье, в 1610-м году – соляные промыслы Лёнвы, в 1670-м году – Рождественское Усолье, впоследствии горный город Дедюхин.

К концу XVII – началу XVIII века Верхнекамье превратилось в быстро растущий крупнейший центр российского солеварения, производящий более половины всей реализуемой в стране соли. Если в 70-х годах XVII века двести варниц у Соликамска ежегодно вываривали до 112 тысяч тонн соли, то два столетия спустя – 320 тысяч тонн.

Пермская соль – «пермянка» – обеспечивала потребности не только европейской части страны, но и Сибири. На «соляные» деньги в значительной степени развивались и другие отрасли горнозаводского Урала.

Многовековая история развития соляной промышленности Пермского Прикамья интересна и богата. Во многом она отражена в экспозициях краеведческих музеев края. Логическим ее продолжением может стать подземный музей соли в одном из отработанных рудников Соликамска или Березников.

История музейного дела знает интересную экспозицию польской соляной промышленности в прикарпатском городе Величка, получившем свое имя от урочища и рудников с давним названием Соль Великая. Не останавливая ведущуюся в течение многих веков разработку крупного месторождения, польские горняки много лет совершенствуют проведение экскурсий по горным выработкам в толще самих солей. В Величкинских соляных копиях студентом побывал еще Коперник, в книге отзывов почетных посетителей оставили свои записи Гёте, Шопен, Менделеев. Экскурсанты спускаются под землю на глубину более 60 метров по деревянной винтовой лестнице, а затем по наклонным штрекам опускаются еще ниже, вглубь соляного массива. На традиционном трехкилометровом экскурсионном пути из стен штреков и подземных камер выступают вырубленные из соли фигуры горняков и многофигурные композиции из жизни копей и соляного города Велички. По причудливым подземным коридорам туристы попадают в огромные залы, где есть озеро с мостами и паромом, кинолекторий на 120 мест, кафе, магазин сувениров и почтовое отделение со своим штемпелем. В нескольких подземных залах размещены древние деревянные подъемные машины, коллекции минералов и ископаемых организмов, рудничных канатов, орудий труда рудокопов, средств перевозки соли, а также оригинальные исторические и геологические документы.

Еще в начале XIX века некоторые русские горняки, которых департамент горных и соляных дел посылал за рубеж «для приобретения практических познаний в горном и заводском делах», посещали и описывали копи и музей Велички. Их отчеты и записки публиковались в «Горном журнале».

В наше время большинство естественно-научных музеев превратились в крупные научно-исследовательские лаборатории. Например, по соседству с Кунгурской ледяной пещерой много лет успешно работает местный стационар Уральского отделения Академии наук. Сотрудники стационара ведут не только сложные исследования в области карстоведения, гидрогеологии, инженерной геологии, спелеологии, но и специальные наклономерные наблюдения за динамикой приливных волн в земной коре, обусловленных силой

тяготения Луны, Солнца и других небесных тел. Соликамский подземный музей соли и соляного дела также может стать своеобразным научно-исследовательским центром. Ведь соляные толщи Верхнекамья, как, впрочем, и пласты ископаемых солей во всем мире, до сих пор представляют собой совокупность многих сложных проблем для геологов, палеонтологов, палеогеографов и других специалистов.

Среди важных проблем происхождения солей особенно примечательны объяснения самого факта наличия в соляных толщах весьма заметного количества разнообразных органических остатков. На территории Верхнекамского месторождения в мощных соляных залежах найдены фрагменты стволов и ветви древних деревьев. Один из стволов семиметровой длины – явный представитель тропического или субтропического леса. Еще более труднообъяснимое известие пришло из Донбасса, где в аналогичных, несколько более древних по возрасту соляных отложениях найдены не только остатки деревьев, но и высокого качества пространственные отпечатки животных пермского геологического периода.

На Артёмовском месторождении каменной соли в шести метрах от кровли соляного пласта были обнаружены отпечатки полусотни звероящеров, лягушкоящеров и других животных, обитавших на суше в условиях теплого и влажного климата. Поскольку вокруг современных морских лагун с интенсивным солеобразованием на многие десятки и сотни километров простираются пустыни с редкими оазисами, то очень трудно представить, каким образом стволы деревьев и неразложившиеся трупы сухопутных животных из тропических лесов могут переноситься через большие пространства в солеродные лагуны пустынь. Можно спорить о том, что и в самих песках нет совершенно безжизненных пространств, что под камнями и в норах скрывается множество ящериц, черепах, змей и других неприхотливых обитателей пустынь. Может быть, представителей растительного и животного мира, найденных в соляных толщах пермского геологического периода, следует отнести к разделу именно таких пустынных животных? Но крупные сухопутные животные, как травоядные, так и хищники, могли жить только в местах, богатых влаголюбивой растительностью, то есть в теплом

и влажном климате. Изучаемые толщи солей относятся ко времени широкого распространения на Земле земноводных и пресмыкающихся животных, обитающих в условиях очень узкого интервала температур. Например, современные американские крокодилы уже при снижении температуры до двадцати градусов тепла настолько охлаждаются, что становятся вялыми, а при тридцати градусах, если нет возможности скрыться в воде или закопаться в ил, погибают от перегрева.

Таким образом, находки в пермских отложениях богато и интенсивно развивающейся фауны крупных пресмыкающихся и земноводных свидетельствуют о существовании в Прикамье в этот период истории весьма устойчивого тепло-го и влажного климата и заставляют более критически взглянуть на многие устаревшие научные концепции о происхождении солей.

Многие научные исследования показывают, что ископаемые соли возникали в результате интенсивного испарения морской воды с поверхности мелководных морей, лагун и заливов. Площадь этих геологических образований древности значительно отличается от подобных же современных и оценивается иногда в миллионы квадратных километров. Иной точки зрения на формирование месторождений ископаемых солей придерживаются те ученые, которые имеют дело с находками в соляных толщах включений отдельных химических элементов, минералов и горных пород явно глубинного происхождения. Нередко встречающиеся в солях разнообразные высокотемпературные минералы позволяют предположить, что формирование залежей ископаемых солей происходило при значительном участии глубинных термальных вод. Также не являются случайностью открытия в соляных толщах вулканических и магматических пород. И многие исследователи делают вывод о том, что соли образовались не на дне высыхающих морей, а глубоко под землей в свободных подземных пространствах, периодически сообщаящихся как с земной поверхностью, так и с горячими недрами Земли.

Согласно новым воззрениям, земная кора состоит из многих этажей чешуйчато перекрывающихся друг друга тектони-

ческих глыб, плит и пластин. Эти своеобразные кирпичики каменной оболочки Земли образовались на медленно сокращающейся земной коре в результате действия тектонических напряжений скола или сдвига и поэтому имеют не ровные горизонтальные или наклонные, а несколько криволинейные основания. При взаимных смещениях всегда подвижных тектонических глыб, плит и пластин в их основаниях образуются постоянно изменяющиеся по форме и объему свободные пространства.

Соляные толщи образовались и продолжают формироваться в основаниях подвижных «кирпичиков» земной коры как за счет притока с поверхности морских соленых вод, так и при участии глубинных растворов. Немало предстоит исследователям затратить сил на всестороннюю проверку этой точки зрения, объединяющей неправомерно далеко разошедшиеся и ставшие противоположными теории поверхностной и глубинной геологии. Оказывается, что эти крайние воззрения не столько противостоят, сколько дополняют друг друга.

Неповторимы эстетические ценности уральских недр. Во многих музеях нашей страны и за рубежом представлены образцы камских калийных солей. Но несравненно более красивы сами горные выработки, пройденные по пестрым силвинитам и караналлитам. Редкие сочетания разнообразных синих, голубых, розовых, красных и желтых оттенков и кристаллов навсегда остаются в памяти символом первозданной красоты природы.

Из книги Никиты Саввича Попова
«Хозяйственное описание Пермской губернии», 1804

Как производится выварка соли. Варение соли начинается по большей части с половины июня, когда разлившаяся камская вода, потопляющая все варницы, сбует, и когда по стечению вод очистятся трубы, и машины поправятся, также варничные печи, называемые здесь подциренными местами, расчищаются от наплывшей грязи и вновь окладутся камнем.

Варение продолжается обыкновенно до половины апреля следующего года, а иногда и до мая, когда все

пространство, занимаемое варницами, покрывается разлившеюся водою, и когда настает время заниматься другими заботами, относящимися до нагрузки соляных судов и приготовления к их отправлению. Тогда-то уподобляются некоторым образом соляные заводы (Дедюхинские и Новоусольские) островам, окруженным со всех сторон водою и наполненным многочисленным народом, стекшимся из разных мест здешней губернии (а иногда Вятской на одни Дедюхинские) для нагрузки и сплавки соляных караванов. Время от начала до окончания варения соли составляет варничный год, в котором считают 22 варничные недели, из коих каждая содержит в себе по 12 дней, по чему в варничном году считается только 264 дня. Действие начинается таким образом:

а) Из ларя пущается рассол по особливым желобам на цирены; и смотря по жару и кипению, дается оно (по варничному наречию) от 3 до 5 напусков на одну варю, продолжаемую обыкновенно через одни сутки, на что употребляется варничных дров, бросаемых в подциренные ямы по 6 сажень и более, если дрова не столько хороши, как можно видеть ниже в приложенной таблице. Чем гуще на цирене становится рассол, тем более мешают его деревянными, на шести насаженными скребками. По окончании вари через сутки осевшая на дне цирены соль пригребаётся теми же скребками к боркам ее, выкладывается на полати для просушки и, высушенная через суточное время, вынашивается мешками в амбары или перевозится на лошадях. На место ее поднимается из цирены на полати соль следующих суток и так далее.

Из каждой вари соли (т. е. через каждые сутки) выходит от 50 до 60 мешков или от 150 до 180 пудов (считая в каждом мешке по три пуда); однако ж сие столько случается различно, что никогда почти один месяц на другой не походит количеством вываренной соли на одной и той же варнице, не говоря о том различии, какое видеть можно на разных как в казенных, так и частных промыслах; что происходит как от разной доброты рассолов, так и от дров и других причин. Потому что выварка успешнее бывает от лучшей доброты рассолов и дров, также от хорошей ясной и теплой погоды...

Пермская нефть

Со времени первого упоминания о нефти в нашем крае прошло более четверти тысячелетия. В 1735 году управляющий уральскими горными заводами В. И. Геннин записал, что на реке Вишере «в горе находитца в подобие густого дехтя, или яко невь». Р. Мурчисон связывал появление нефти в пермских горных породах с деятельностью горячих источников в районах, близких к некогда очень активным вулканам Урала.

В конце XIX столетия геолог А. А. Краснопольский обнаружил включения нефтяных битумов в породах на реке Косье у Губахи, а также по правому берегу Камы недалеко от Хохловки. Любопытное природное явление – просачивание по трещинам нефтеобразной жидкости – наблюдалось во время сильнейшего на Урале шестибалльного землетрясения в августе 1914 года. И произошло это не где-нибудь, а всего лишь в нескольких десятках километров от юго-восточной границы нашей области, в бассейне реки Чусовой.

Вишера, Косьва, Кама, Чусовая – это уже достаточно много признаков нефти для того, чтобы начать ее основательный поиск по всей области. Решающий аргумент в пользу существования нефтяных месторождений Прикамья дали калийщики.

Осенью 1928 года по указанию П. И. Преображенского на месте очень древних солеварен в Верхнечусовских Городках была заложена скважина, предназначавшаяся для выяснения положения южной окраины Верхнекамского месторождения калийных солей. Скважина прошла все подземные горизонты, где могли бы быть соли, но ничего не было обнаружено. По предложению Преображенского скважину продолжали углублять. 16 апреля 1929 года эта скважина дала первую прикамскую нефть.

Академик И. М. Губкин, возглавивший тогда поиск и разведку нефти по всему Урало-Поволжью, разработал для этой территории особую стратегию поиска. В своем прогнозе ученый опирался на работы известного русского геолога А. П. Павлова, который еще в 1885 году пытался связать

поиски приволжской нефти с открытой им тектонической линией. Он писал: «Весьма вероятно, что детальные геологические изыскания вдоль намеченного мною пути дислокационной трещины приведут к открытию месторождений нефти и асфальта».

Первая нефтяная скважина Прикамья была большой удачей исследователей недр. Но несколько лет последующих безуспешных буровых работ поставили под сомнение возможность открытия промышленных залежей нефти. В апреле 1936 года в Москве состоялось совещание по перспективам исследований нефтеносности Пермского Прикамья. После первого обстоятельного доклада о результатах деятельности Прикамской нефтеразведки намечалась дискуссия о целесообразности дальнейших поисков уральской нефти. Однако дискуссия даже не была начата. Начальник Главного геологического управления И. М. Губкин зачитал телеграмму, только что полученную в адрес совещания. В ней сообщалось о первом нефтяном фонтане Краснокамска. Потом были открыты Полазненское и другие месторождения, особенно крупные на бортах так называемой Камско-Кинельской системы прогибов, расположенной на тектонической линии Павлова-Губкина.

Так с Пермского Прикамья началось открытие и освоение огромной Волго-Уральской нефтегазоносной провинции, сразу получившей понятное всем название «второе Баку». В годы Великой Отечественной войны именно на «второе Баку» легла главная задача обеспечения всех фронтов всеми видами моторных топлив смазочных масел. В начале 50-х годов Волго-Урал по добыче нефти опередил восстановленное нефтяное Баку и в течение четверти века был ведущей нефтегазоносной областью нашей страны, передав затем эстафету новому нефтяному материку – Западной Сибири.

Новые работы по освоению запасов недр Прикамья предстоит вести в сложных природных условиях. Значительное количество нефти настолько крепко связано с вмещающими ее породами, что начать добычу можно будет лишь после существенного усовершенствования уже известных и открытия новых технологий. Перспективными на этом пути являются способы термогазохимического воздействия на нефтяные залежи, шахтные и другие способы обработки

нефтяных месторождений. В ближайшие годы в Пермской области будут осваиваться все более глубокие нефтегазные этажи (до глубин в пять, шесть и более километров). И, наконец, залежи нефти в природе отнюдь не исчерпываются хорошо известными выпуклыми, экранированными сверху ловушками. Существует обширный класс субгоризонтальных и наклонных пластовых залежей, так называемых неантиклинальных залежей, которые пока еще в полной мере не поддаются поиску и разведке общепринятыми геофизическими методами.

Необходимо отметить, что увеличение добычи нефти, расширение и повышение эффективности поисково-разведочных работ во многом зависят от быстро углубляющихся современных научных представлений о природе, о происхождении нефти. Вопрос этот далеко не простой, но существенно перекликающийся с проблемами происхождения солей и медистых песчаников, и от этого тем более важен и интересен.

В работе «О слоях земных», написанной в 1759 году, М. В. Ломоносов отметил, что нефть, асфальт, каменный уголь «растениями свое происхождение должны доказать». Прошло еще около ста двадцати лет, прежде чем взглядам Ломоносова на природу нефти оказалось возможным достаточно обоснованно возразить. В спор вступил Д. И. Менделеев, предложив концепцию неорганического происхождения нефти в недрах Земли. В настоящее время разрабатываются и совершенствуются обе гипотезы происхождения нефти. В обиходе геологов-нефтяников более распространена первая концепция: ведь нефть содержит самые разнообразные остатки растений и животных – споры, пыльцу, микроорганизмы. Однако сторонники неорганического синтеза не сдаются и утверждают, что нефть могла образоваться на больших глубинах, но, поднимаясь к земной поверхности, постепенно вобрала в себя органическое вещество из окружающих горных пород. Одним из самых интересных доводов в пользу глубинного происхождения нефти является в общем одинаковый углеводородный каркас нефти, добываемой из самых глубоких скважин на разных материках.

Но однотипность первичных глубинных углеводородов нефти может быть также объяснена и тем, что верхняя часть

каменной оболочки планеты, сформировавшаяся за последние 500 – 600 миллионов лет, на глубину нескольких километров насыщена остатками древних животных и растений.

Нефтяные геологи, использующие в работе плодотворную идею органического происхождения нефти, вероятно тоже не во всем правы. Некоторые из них считают, например, что нефть может образоваться из остатков органического вещества, рассеянного по всей массе осадочных горных пород. И поэтому эти исследователи пытаются увидеть даже в монолитных породах поры и микротрещины, двигаясь через которые мельчайшие органические частицы могли бы собираться вместе и образовывать нефтяные залежи. Нефтяники-неорганики убедительно доказывают, что таким образом нефть возникнуть не может. И как специалисты, хорошо владеющие методикой расчета сложнейших природных химических реакций, разъясняют, как же на самом деле могла образоваться нефть. Для появления нефти в массивах горных пород, оказывается, желателен глубинный вакуум. И соответствующие условия могут возникнуть во время то ускоряющихся, то замедляющихся, но идущих непрерывно процессов деформаций земной коры. Многие геологи, начиная с прошлого века, испытывали разнообразные модели деформирующихся слоистых толщ. При боковых сжатиях такие модели расслаивались, ломались, а между отдельными слоями и по поверхностям сколов всегда возникали некоторые свободные пространства. Считается, что и при современных деформациях земной коры во время ее медленных движений и землетрясений образуются глубинные свободные полости – вакуумные реакционные камеры. И если это главное место, где рождается нефть, то возникает новый вопрос об облике таинственного первичного нефтематеринского вещества.

Геологоразведочные работы последних лет дают возможность ответить на этот вопрос. Выдержанные по мощности пластообразные нефтеносные горизонты, как правило, залегают в основаниях региональных подвижных «кирпичиков» земной коры – глыб, плит и пластин. Большая неоднородность вещества каменной оболочки планеты неизбежно приводит к тому, что упомянутые «кирпичики» прилегают

к своим основаниям не по плоскости, а по криволинейным поверхностям и не целиком, а лишь многими отдельными участками. Поэтому между элементарными геологическими массивами всегда существуют обновляющиеся по мере их движения свободные пространства, которые постепенно заполняются отложениями периодически оживающих подземных ручьев и рек. Большинство из этих глубинных водных потоков, несомненно, берет начало на земной поверхности. Подземные реки разносят по недрам Земли органическое вещество поверхностного происхождения, откладывают всю эту органику многометровыми слоистыми толщами в основаниях тектонических глыб, плит и пластин.

Время от времени, подчиняясь общим закономерностям развития Земли, планетные «кирпичики» приходят в движение, и в их основаниях образуются сложные системы вакуумных реакционных камер, в которые из окружающих трещин и разломов лавинообразно устремляется нефтематеринское органическое вещество. Проходит какой-то срок, успокаиваются подземные стихии. А нефть, медленно просачиваясь к земной поверхности, заполняет все встречающиеся на этих путях подземные ловушки. Так появляются отдельные нефтяные залежи и их большие группы – крупные месторождения.

Шаг за шагом проникают в тайны образования нефти геологи. В XIX веке о подземных реках знали лишь немногие исследователи пещер, да еще Жюль Верн написал о них в своей знаменитой книге «Путешествие к центру Земли». Конечно же, и современным исследователям по-прежнему многих трудов стоят попытки так или иначе заглянуть в глубокие недра нашей планеты. Закладываются ныне новые, необычайно глубокие шахты и рудники, бурятся сверхглубокие скважины, геофизики с каждым годом все тщательнее просвечивают земную кору сейсмическими волнами. Все это – очень важные пути к тайнам Земли, к тайнам нефтяных ловушек.

Из книги Филиппа Б. Кинга
«Геологическое развитие Северной Америки». М., 1961

Автор не может закончить данную главу без того, чтобы не остановиться подробнее на строении наиболее

интересного для него лично бассейна, расположенного в Западном Техасе.

...Мы видели эту крупную нефтеносную провинцию тогда, когда здесь было пробурено лишь несколько нефтяных скважин и имелось очень мало данных о ее глубинном строении, когда вся ее сложная геология была еще покрыта тайной. Для того чтобы раскрыть эти тайны и выявить геологические законы развития провинции, мы должны были идти тяжелым путем – путем медленного процесса накопления опыта и ошибок.

Здесь автор отступает от стиля изложения остальных разделов книги и позволяет себе в большей степени обратиться к своим личным воспоминаниям лишь для того, чтобы попытаться восстановить дух того времени, когда зародились современные представления о строении региона.

...Западнотехасский бассейн в специальных журналах и местными жителями называется пермским бассейном Западного Техаса. Сочетание слова «пермский» и названия провинции говорит о большой мощности пермских пород, достигающей здесь местами более 300 м. Пермские породы первыми дали нефть в этой провинции, и хотя с тех пор найдены более глубокие и более древние нефтеносные горизонты, все же в настоящее время на долю пермских отложений приходится более половины общей добычи нефти в бассейне.

Наши техасские друзья очень часто применяют слово «пермь». В Мидленде, центре нефтяной промышленности, имеется «Пермский небоскреб» («Пермиан-Билдинг») и «Пермская нефтяная компания» («Пермиан Ойл-компани»); некоторые национальные технические общества имеют «отделения Пермского бассейна». Как помнится автору, пермская система была выделена в 1841 г. английским геологом сэром Р. И. Мурчисоном, который назвал ее по городу Пермь и Пермской губернии, расположенным западнее Уральских гор в Европейской части СССР. Однако техасцы, возможно, имеют не меньше прав на пермскую систему, чем кто бы то ни было.

...Как и любой закончивший колледж студент, в 1924 г. автор был озабочен поисками работы и неопределенностью своей будущности.

...Западный Техас представлял собой в то время «Сибирь» геологов-нефтяников – место, куда компании посылали неудачников и любителей, с которыми они не знали, что делать... Этот регион был первой исследованной на нефть областью, в которой продуктивные горизонты имели такие сложные взаимоотношения с поверхностными породами; это было первое столкновение геологов-нефтяников со структурой «слоеного пирога»... Дело здесь было в самих породах, не подчинявшихся закономерностям, с которыми тогда были знакомы геологи.

...Частные предприниматели, которые начали бурить здесь без поддержки со стороны нефтяных компаний (за исключением, возможно, «Галф Ойл»), наткнулись на нефть, полностью опровергнув все выработанные ранее теории о Пермском бассейне Западного Техаса.

...Профессор Чарльз Шухерт, который руководил работами, рассказал автору, что, по мнению геологов, работавших здесь раньше (Дж. А. Адден и Эмиль Безе), мощные массивы известняков могут представлять собой рифы... К 1929 г. «рифовая теория», как теория, объясняющая особенности стратиграфии пермских отложений этого региона, была принята почти всеми исследователями. В течение последующих лет накопилось много новых данных, подтвердивших правильность рифовой теории, и в настоящее время рифы рассматриваются в качестве одного из основных факторов, обуславливающих геологическое строение пермского комплекса Западного Техаса.

...Рифы, узкие барьеры известняков в Западнотехаском бассейне являются, конечно, не единственным типом отложений перми, но лишь наиболее существенной составной частью этого комплекса отложений, развитых на обширной территории. Многие отличные друг от друга части комплекса там, где среди них имеются пористые породы и соответствующие структуры, превращаются во вмещающие нефти.

Исследование Пермского бассейна Западного Техаса продолжалось; закладывавшиеся с большой степенью риска опережающие разведочные скважины проникли сквозь толщу перми в свиты раннего палеозоя и обнаружили в них скопления нефти, располагавшиеся по всему разрезу вплоть до нижнего ордовика.

Пермская школа геологов

Соликамск, Усолье, Дедюхин, Пермь, Кизел, Березники, Гремячинск и другие города нашего края обязаны своим возникновением близким залежам полезных ископаемых. Не случайно в старину некоторые из них носили особое название – горный город. Но не только по причине редкого сочетания различного минерального сырья за этими городами долгое время сохранялось название горных. Не так уж много на земле таких исторических городов, где бы возникали совершенно новые области геологического знания. А в Перми в одном только XVIII веке возникло две новых геологических науки – палеонтология и карстоведение.

Вот как это произошло.

В 1719 году Петр I поручил своему сподвижнику 33-летнему Василию Никитичу Татищеву заниматься отнюдь не только военными делами, которым тот так долго и упорно обучался и в которых так преуспел, прославившись в битвах под Нарвой и Полтавой. Отныне наряду с обычными государственными заботами необычно просвещенному Татищеву вменялось в обязанность составление общероссийской географии.

Во время первых же служебных знакомств с горными инженерами и чиновниками Сибирского Приказа, Приказа рудокопных дел и вновь созданной Берг-коллегии Татищев столкнулся с поразительными заблуждениями и предрассудками. Некоторые его собеседники без тени сомнения утверждали, что доставляемая в Петербург с Урала и из Сибири «мамонтова кость» происходит от неведомых зверей «великостию с великого слона и больше, живущих всегда под землею; с места на место приходящих, очищая и преутоворяя путь себе имущими рогами, якобы некоторыми снастьми».

Привыкший к обстоятельной работе, Татищев проводил свои естественнонаучные изыскания по всегда надежному плану. Он начинал со сбора «сказаний обывателей», долго еще продолжал осведомляться «о мнениях разных» и, наконец, принимался за «следование мое». И когда в 1720 году по новому распоряжению Петра I Татищев приехал на Урал

для поиска рудных мест и строительства новых промыслов и заводов, он «по улучшению свободного времени» и «немедленно» начал искать сведущих людей, от которых можно узнать нечто «подлинное» о мамонтах. Но, увы, рассказы очевидцев, видевших скелеты и замороженные мамонтовые трупы, были настолько сбивчивы и противоречивы, что Татищев, «оставя сие, приложил труд мой в начале к собранию разных костей одного зверя, дабы те, видя, удобнее разсудить и понять мог».

Изучение бивней, черепов и многих других костей убеждало Татищева в том, что все это «суть слоновые, а не иного зверя кости». Но как убедительно доказать, что никаких живущих под землей слонов нет и не было? И Татищев начинает сам исследовать те рвы, которые местные жители считали ходами мамонта. Ученый сразу же обратил внимание, что это вовсе не рвы, а, скорее всего, цепочки круглых воронок, различных глубины и поперечника. И причина образования этих провалов совсем иная: «Оные поля или леса в Пермии Угори, где наиболее тех ям я видел, суть на плоских высоких горах и от рек, текущих саженами 10-ю и 20-ю выше Земли, сверху пещаные, внизу имеют известной или гипсовый камень». Это значит, что снеговые и дождевые воды, просачиваясь сквозь песок в известняки и гипсы, ищут в них проходы к реке. Эти подземные русла постепенно размываются водой и расширяются до значительных пустот. В них-то и проваливается «верхняя земля». И мамонты здесь совершенно ни при чем.

В доказательство правильности таких выводов Татищев привел несколько примеров формирования провалов на глазах человека. Сам Татищев наблюдал, как над Кунгурской пещерой образовалась в поле широкая воронка. Человек, посланный в пещеру, доложил, что один из ее проходов оказался засыпанным новым обвалом. Именно с этих, впервые научных исследований пещер начинаются в России две смежные отрасли знания – карстоведение и спелеология.

По новому приказанию Петра I в декабре 1724 года Татищев едет в Стокгольм. И снова, как в России, Татищев вступает в обычные для того времени горячие дискуссии о происхождении окаменелостей, о мамонтах. Палеонтология как

самостоятельная наука об ископаемых животных и растениях в начале XVIII века еще не существовала. «Окаменелостями и подземностями» занимались тогда историки и археологи. Материал для своих теоретических исследований они нередко черпали из очень немногочисленных находок ископаемых костей и записок путешественников.

Пораженный неожиданными, глубокими знаниями русского коллеги о мамонтах, шведский историк Э. Бензель предложил Татищеву опубликовать добытые им «в Пермии» и Сибири новые сведения по этой проблеме. И Татищев по памяти написал первое в мире палеонтологическое исследование о мамонтах, которое отдельной брошюрой на латинском языке вышло в 1725 году в Стокгольме.

Первыми же пермскими профессиональными геологами, по-видимому, можно назвать А. А. Полканова и Б. К. Поленова, приехавших в 1916 году преподавать геологию в только что открытом Пермском университете. После революции Академия наук начинает развертывать работу по изучению производительных сил страны, в том числе и Урала. С 1925 по 1930 год многие пермские геологи участвовали в детальной геологической съемке Кизилковского угольного бассейна. В эти же годы развернулся талант старшего геолога Геологического комитета П. И. Преображенского, ранее профессора Пермского университета. Под руководством Преображенского была открыта и разведана значительная часть Верхнекамского месторождения калийных солей, дала первую уральскую нефть скважина, пробуренная по его указанию.

В связи с широким размахом геологических исследований Уралу потребовались новые высококвалифицированные кадры геологов.

В 1931 году, учитывая положительный пятнадцатилетний опыт преподавания геологии в Перми на университетских кафедрах минералогии и геологии, Народный комиссариат просвещения РСФСР направил на Урал специальную комиссию под руководством академика А. Д. Архангельского с просьбой высказать свое мнение о возможности организации в Пермском университете геологического факультета.

Научные интересы Архангельского тесно связывали его с Уралом. Он глубоко изучил геологическое строение и гео-

логическую историю Урала, хорошо был знаком с кадрами уральских геологов, постоянно выступал за развитие уральской геологической службы. Архангельский подробно ознакомился с работой геологических кафедр университета и поддержал в Наркомпросе предложение открыть в Пермском университете геологический факультет. В 1931 году в университет пришли первые студенты-геологи.

Задолго до образования факультета имена преподавателей геологических кафедр университета Б. К. Поленова, А. А. Полканова, П. И. Преображенского стали широко известны в научных кругах. Среди работ видных пермских геологов-нефтяников и солевиков следует особо отметить деятельность Н. П. Герасимова, который в короткий срок организовал в Перми геологическую службу по поискам и разведке нефти. В Приуралье впервые под его руководством начали проводиться структурно-геологические съемки, были внедрены в практику геофизические методы разведки нефтяных месторождений. При его участии открыты Краснокамское и Северокамское месторождения нефти. Работая в университете заведующим кафедрой исторической геологии и палеонтологии, Герасимов продолжал консультировать начатые им работы по поискам и разведке нефтяных месторождений. Одновременно он с коллективом кафедры изучал органические остатки и порядок напластования пермской, каменноугольной и девонской геологических систем, что было необходимо для более целенаправленных поисков нефти, солей, угля и других полезных ископаемых.

В 1940 году вышла в свет написанная Герасимовым большая книга «Геологическое строение Восточной нефтеносной области» – первая в литературе сводка материалов по геологическому строению и нефтеносности Западного Урала и Приуралья. Во время Великой Отечественной войны, когда потребность в совершенной методике поиска нефтяных месторождений была особенно велика, Герасимов провел огромную работу по изучению последовательности напластования и условий образования части пермских осадочных отложений, так называемого кунгурского яруса.

Постоянной научной работой и большим увлечением в жизни Герасимова были исследования ископаемых организмов,

существовавших на Земле в отдаленные геологические эпохи. Особенно интересовали ученого различные виды моллюсков и простейших животных. На основе большого палеонтологического материала Герасимов написал обстоятельную работу о некоторых факторах видообразования, доложенную им в Москве в академическом Палеонтологическом институте.

Талантливый педагог Герасимов с увлечением воспитывал будущих геологов и палеонтологов. Среди его учеников такие известные выпускники Пермского университета, как доктора геолого-минералогических наук И. А. Печёркин, Б. С. Лунёв, доктора биологических наук палеонтологи Б. И. Богословский, Ф. А. Журавлёва, П. К. Чудинов, многие известные ныне нефтяники-производственники и ученые.

Стратиграфические и палеогеографические исследования Герасимова послужили основой для разработки методики расчленения девонских, каменноугольных и пермских осадочных толщ. Обширный фактический материал, накопленный Герасимовым и сотрудниками его кафедры, вошел в стратиграфические схемы, которыми ныне пользуются все геологи Урала и Приуралья для расчета местоположения и глубин залегания нефтегазовых, угольных и других месторождений полезных ископаемых.

Особенно значительными были исследования Герасимова, связанные с изучением пермской геологической системы, представляющие большой интерес для всех геологов мира.

Сменивший Герасимова в заведовании кафедрой исторической геологии и палеонтологии Павел Александрович Софроницкий – один из ведущих специалистов нашей страны по пермским отложениям, член постоянной комиссии по пермской системе Урала. Ученый определил высокую перспективность поисков и разведки нефти и газа в Уфимско-Соликамской впадине.

Ученые геологического факультета Пермского университета были равнодушны к минералогии и петрографии. На протяжении трех десятилетий здесь преподавал минералогию и заведовал кафедрой доцент В. К. Воскресенский. Десять лет во главе кафедры стоял выдающийся ученый с мировым именем – профессор П. Н. Чирвинский. Сфера его

научных исследований была очень широка. Известна всем геологам книга Чирвинского о химическом составе минералов различных горных пород, определенном с помощью специально разработанной ученым методики геометрихимического анализа. Он способствовал также определению среднего химического состава земного шара. Чирвинский одним из первых исследователей обратил внимание на поразительное сходство химического состава метеоритов и изученного спектроскопистами солнечного вещества. Он был одним из инициаторов изучения активности Солнца в течение всей геологической истории. Никто иной, как петрограф Чирвинский открыл для науки такую захватывающе интересную область знаний как палеогидрогеология – наука о явлениях, связанных с деятельностью подземных вод в минувшие геологические времена. Ученый не только смог разглядеть и изучить в образцах горных пород следы «окаменевших водных струй», но и стал автором первого в нашей стране вузовского курса и первого оригинального учебника по палеогидрогеологии.

В течение всей своей жизни, куда бы ни заносила геологическая судьба П. Н. Чирвинского – на Дон, на Кольский полуостров или в другой уголок страны, – он всегда находил время, чтобы обратиться к проблемам геологии Урала. Задолго до переезда на постоянное место жительства в Пермь ученый вел основательные исследования Оханского метеорита, магматических пород Ильменских гор и многих других объектов и уголков Урала. Начиная еще с 1908 года в журнале «Записки Уральского общества любителей естествознания» печатались статьи Чирвинского. Работая на Урале, он посвятил немало времени изучению калийных солей и других полезных ископаемых Прикамья. Именем Чирвинского назван минерал – чирвинскит, одна из возвышенностей в районе падения Тунгусского метеорита, два открытых им закона метеоритоведения.

Многие выпускники Пермского университета с признательностью вспоминают своего учителя – П. Н. Чирвинского. Ученики его – Н. П. Старков, известный в нашей стране исследователь магматизма Западного Урала, и А. М. Кропачев – видный специалист по геохимии микроэлементов.

Ф. А. Курбацкая, Б. М. Осовецкий и их коллеги изучали строение, состав и развитие земной коры Урала и сопредельных регионов, выясняли закономерности размещения полезных ископаемых. Большой вклад в развитие минерально-сырьевой базы Урала, в совершенствование методики эксплуатации месторождений калийных солей, хромитов, золота, оптического кварца внесли сотрудники кафедры методики поисков и разведки полезных ископаемых И. П. Шарапов, В. Ф. Мягков, Б. С. Лунёв.

В поисках и разведке месторождений минерального сырья немалое значение имеют геофизические методы. В 1954 году на геологическом факультете была создана кафедра геофизики, которой более тридцати лет руководил профессор А. К. Маловичко. Кафедра возглавила в Пермской области исследования по обработке и интерпретации гравитационных, электрических, магнитных и сейсмических полей при разведочных работах на нефть и газ.

Еще в довоенные годы на геологическом факультете под руководством профессора Г. А. Максимовича сформировалась школа карстоведов, гидрогеологов и гидрогеохимиков. За научные труды в этих областях Максимовичу были присвоены премия и золотая медаль имени Ф. П. Литке Географического общества страны, премия Шестого международного спелеологического конгресса. В 1964 году им создан при кафедре динамической геологии и гидрогеологии Институт карстоведения и спелеологии на общественных началах, ставший впоследствии общероссийским. Долгое время директором этого института был профессор И. А. Печёркин – член Международной ассоциации по инженерной геологии, Международного спелеологического союза, председатель академической Комиссии по карсту. Он – создатель кафедры инженерной геологии.

На геологическом факультете Пермского университета работают ныне более пятидесяти докторов и кандидатов наук. В числе подготовленных факультетом специалистов есть лауреаты Государственных премий, заслуженные геологи РСФСР, более двадцати докторов и около двухсот кандидатов наук. Трудно назвать область нашей страны, где бы не работали геологи – питомцы Пермского университета.

Пермская флора

Эти два слова устойчиво соединились в одно понятие более чем за столетие до открытия пермской геологической системы. Так должна была называться книга, над которой работал выдающийся натуралист и путешественник Георг Вильгельм Стеллер. Немало интереснейших строк посвятил биографии Стеллера академик В. И. Вернадский в своей рукописи «Первые годы Академии наук». Однако большая же часть жизни этого талантливого естествоиспытателя изучена пока еще очень отрывочно. И лишь сравнительно недавно, благодаря интенсивной работе соликамского журналиста и краеведа В. Свалова в архивохранилищах Ленинграда, Москвы, Екатеринбурга и Казани, стали известны причины, побудившие Стеллера приняться за работу над «Пермской флорой».

Начало XVIII века примечательно особым интересом к ботаническим исследованиям, которые не обошли и Средний Урал.

Летом 1731 года в Соликамске произошло два заметных в городе события – женитьба Григория Демидова на Наталье Суровцевой и посадка молодыми в своей усадьбе большого сада. Никто бы не удивился, если сын заводчика и дочь солепромышленника заложили бы домну или промысел, а то – прутики и цветочки. Через год в Соликамске появился возмущенный Акинфий Демидов, увез сына в Суксун насильно приучать к заводскому делу. Но на все крутые меры отца у Григория был, вероятно, один безошибочный ответ: «А царь Петр?!»

Задал вот задачку Петр Великий всем российским обывателям: и железо ковал, и плотничал, и порченные зубы вырывал, но не всю ведь жизнь. А к растениям у Петра I был интерес до самых последних дней жизни. В начале XVIII века в московском аптекарском огороде он сам сажал травы и собирал гербарий. После Полтавской битвы приказал завести такие же огороды на Украине, потом в Петербурге и Астрахани. По приказу Петра I большие гербарии собирали и составляли списки растений лейб-медики царской свиты

Г. Шобер, Р. Арескин, Г. Поликала, военные врачи, служащие походных военных канцелярий, врачи русских посольств. Из многих поездок Пётр I неизменно слал своему всезнающему помощнику Я. Брюсу ботанические книги на всех языках с требованием отдать переводчикам и приобщить к присланным ранее. Во время поездки по Европе царь приобрел у нидерландского естествоиспытателя и врача Ф. Рюйша большой гербарий, положивший начало еще большему гербарии Санкт-Петербургской кунсткамеры. По желанию Петра I ботаники французской Академии наук писали для русских экспедиций правила сбора полных научных гербариев. Управитель Кунсткамеры и лейб-медик царя Л. Блюментрост и ботаник И. Буксбаум больше всего помогали Петру I создавать Петербургскую академию наук. Первым ее президентом стал Блюментрост. В 1719 году через Соликамск проследовал доктор Д. Мессершмидт, ехавший по Петровскому указу в Сибирь изучать лекарственные растения. На обратном пути в 1726 году ученый работал в Соликамске около восьми месяцев. Григорию Демидову было тогда одиннадцать лет.

Своеобразный поединок слишком далеко и невозвратно разошедшихся сына и отца Демидовых кончился тем, что Григорий все-таки вернулся к своему ботаническому саду. Сама история шла ему навстречу. Уже в следующем 1733 году в Соликамск по Каме прибыли вместе с экспедиционными грузами участники второй камчатской экспедиции В. Беринга – историк Г. Миллер, ботаник И. Гмелин с помощником С. Крашенинниковым. Старшему было 28 лет, младшему – 22 года. Гмелин и Крашенинников были рады встрече с самодеятельным уральским ботаником, начавшим на свой страх и риск создавать первый в России ботанический сад. 24-летний профессор Петербургской академии наук Иоганн Гмелин за несколько дней пребывания в Соликамске просветил Г. Демидова ботаническими знаниями.

Хотя первый в мире ботанический сад основан Теофрастом более двух тысяч лет тому назад, но и в начале XVIII века почти повсеместно преобладали медицинские сады и огороды, ставившие своей целью сбор, выращивание и изучение лекарственных трав. Осознание научных, образовательных и просветительных задач ботанических садов

пришло в эпоху создания европейских университетов и академий наук. Первый проект Петербургского ботанического сада был разработан французским доктором медицины и ботаники П. Дешизо в 1725 году, а в мае следующего года канцелярия Академии наук обратилась к обер-архитектору Санкт-Петербурга с просьбой выделить для сада место на Васильевском острове. Но отъезд Буксбаума, а затем и Гмелина задержал создание в России первого ботанического сада. Демидову было рекомендовано высадить в своем саду растущие на Урале растения, выписать многое из европейских садов. Вскоре после отъезда путешественников Великой северной экспедиции воспламененный идеей создания невиданного ботанического сада Григорий Демидов приступил к делу. Он высадил в оранжереях и открытом грунте многие десятки видов растущих на Урале, в Предуралье и Западной Сибири деревьев и кустарников. Сад раздвинул свои границы, пополнился интереснейшими растениями. В 1735 году из Петербурга пришло свидетельство о том, что на Васильевском острове Академией наук нанят так называемый Боновский дом с обширным подворьем, где и будет размещен академический ботанический сад. Заведовать этим садом поручено приглашенному на русскую службу энергичному ботанику И. Амману. Демидов установил связь с Амманом, и вскоре в обмен на соликамские семена получил семена очень редких растений, которые были высажены в оранжереях сада.

Первые результаты ботанико-географических исследований на Урале Г. Демидова, И. Кириллова, П. Рычкова позволили В. Н. Татищеву в 1736 году уверенно провести границу между Европой и Азией по Уральскому хребту. Сделано это было с помощью ботанических материалов очень правильно и дальновидно, хотя десятилетие спустя некоторые известные путешественники проводили эту границу по рекам – Енисею и Оби. В 1736 году Татищев заезжал в Соликамск, но встречался ли он с Григорием Демидовым – пока не установлено.

В 1739 году Соликамский ботанический сад приобрел себе нового авторитетного куратора в лице адъюнкта Петербургской академии наук Г. Стеллера. К большой удаче Демидова, Стеллер, ожидая свои плывущие реками экспедиционные грузы, почти три месяца прожил в Соликамске.

За это время ученый привел в должный научный порядок весь ботанический сад, определил растения, семена, помог привести в систему большой гербарий, завести специальные книги учета с краткой характеристикой каждого растения, таблички на грядках, в аллеях и оранжереях сада. Стеллеру понравилась внушительная демидовская коллекция местных растений, и он пополнил ее своими сборами. Уже тогда было ясно, что именно в этом направлении должны сосредотачиваться усилия лучших ботанических садов. Стеллер рассказал Демидову в подробностях о создании и деятельности ботанического сада в Петербурге, о том, что Амман издает в этом году первое обстоятельное, хорошо иллюстрированное описание растений всей России. Вот уже три года Амман переписывается с талантливым натуралистом Швеции К. Линнеем, который прислал в подарок Амману фундаментальные ботанические книги – «Систему природы», «Лапландскую флору» и многие другие, где автор пытается в корне преобразовать всю ботаническую науку.

На обратном пути из Сибири в 1846 году Стеллер снова несколько месяцев провел в Соликамске у Демидова, продолжая флористические исследования Пермского края и проводя интенсивный сбор материалов для капитального труда о пермской флоре. Время торопило ученого, ведь были уже составлены такие важные ботанические работы, как «Московская флора» Т. Гербера, «Флора Самарской Татарии» и «Флора Татарии Оренбургской» И. Гейнцельмана, «Волжская флора» Г. Трауготта, начата И. Гмелиным подготовка пятитомной «Сибирской флоры». Стеллеровская «Флора Пермии» могла бы стать ключом к пониманию флоры Урала как важнейшего горного узла, с характерным глубоким взаимным проникновением флор сибирских и европейских.

Но, к великому сожалению, не довелось Стеллеру дописать многих начатых книг. 18 августа 1746 года ученый был арестован за то, что, находясь на Камчатке, самовольно освободил из тюрьмы нескольких политических заключенных. Приказом Сената предписывалось везти Стеллера обратно в Иркутск «для производства о нем следствия». На этом пути давние, нажитые в суровых северных экспедициях болезни подточили здоровье ученого. 12 ноября 1746 года

он умер в Тюмени, оставив поручение Григорию Демидову должным образом распорядиться новыми сибирскими коллекциями. Демидов сохранил их, передал в Академию наук, послал дубликаты в Упсалу к К. Линнею. Сам глава ботаников в то время напряженно работал над капитальным трудом «Виды растений», куда включал и все известные ему растения Урала и Сибири. Ученый давно уже через Гмелина искал связи с Демидовым, реформатору ботаники важно было получить как можно более подробные сведения о растительном мире России.

Пятнадцатилетняя переписка с Линнеем, регулярный обмен посылками с растениями и семенами были плодотворны и для Демидова, и для ботаники в целом. В ботаническом саду в Упсале произрастало 118 видов уральских и сибирских растений, а в новую номенклатуру растительности земного шара Линней включил около трехсот видов растений, произрастающих в России. Это существенно облегчило и продвинуло вперед дальнейшие ботанические исследования на Урале. Наряду с интенсивным развитием разных отраслей ботаники, ее возрастающей ролью в экономике страны, неопределимое значение имела также помощь Линнея в подготовке специалистов не только приглашенных в Россию из-за рубежа, но и русских ботаников. По приглашению Линнея в 1760 году Григорий Демидов отправил учиться ботанике в Упсалу всех трех своих сыновей. Однако через год они вынуждены были вернуться на Урал в связи со смертью отца.

В июне 1771 года И. И. Лепёхин, будущий директор академического сада в Петербурге, проезжая через Соликамск по пути из Оренбурга в северную экспедицию, подробно описал ботанический сад в Красном Селе. Это описание приведено в книге «Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства». Несмотря на то, что после смерти Григория Демидова прошло десять лет, сад еще сохранял свой первоначальный облик. Лепёхин насчитал в нем 524 вида растений, что было значительным богатством. В 1772 году Соликамский ботанический сад вместе с Красным Селом был продан другому известному заводчику А. Турчанинову. В дальнейшем сад постепенно увядал, и в 1810 году прекратил свое существование после раздела

всего соликамского имения Турчанинова между его родственниками и наследниками.

Дело Григория Демидова было продолжено его братом – Прокопием Демидовым, но уже не на Урале, а в Москве. На основе привезенных в столицу соликамских коллекций был создан новый ботанический сад – предшественник нынешнего Главного ботанического сада.

После смерти Стеллера на много десятилетий затормозилась начатая в Соликамском ботаническом саду работа по созданию сводного труда «Пермская флора».

Только во второй половине XIX века в Перми двадцатилетний аптекарский ученик Порфирий Крылов приступил к такому обстоятельному труду. И то, что ранее по многим причинам было недоступно профессионально подготовленным ботаникам, оказалось по плечу увлеченному флорой молодому человеку.

В 1870 году Крылов, опираясь на знания, достигнутые самообразованием и благодаря знакомству с пермским ботаником Сергеевым, начал свое растянувшееся на девять лет путешествие по огромной территории Пермской губернии, по всем ее уездам на восток до Кургана и до горы Юрма на Южном Урале. Все это громадное пространство один-единственный человек не только смог охватить своими маршрутами и необходимыми ботаническими сборами, но и вполне справился с изданием большого четырехчастного научного труда под названием «Материал к флоре Пермской губернии». По существу, для решения именно этой, вначале казавшейся непосильной задачи молодой человек окончил Казанский университет. Впоследствии Крылов стал основателем нескольких региональных ботанических школ, написал семь тысяч страниц оригинальных научных работ.

В главном труде Крылова по пермской флоре описано 119 видов растений, указано их распределение по территории на специальной карте. В 1876 году, отчитываясь перед университетским обществом естествоиспытателей, частично финансировавшим его экспедиции, Крылов подразделил Пермскую губернию по характеру флоры на четыре растительных области: альпийскую, каменистую, лесную и лесостепную, причем понятие «лесостепь» им было введено

впервые в мировую ботаническую литературу. Большую часть растений изученной территории ученый разделил по трем группам и пришел к важным выводам о сложном характере взаимопроникновения на Урале множества видов европейских и сибирских растений. Превосходя труды многих предшествующих ботанических экспедиций в тщательности изучения распределения флоры и растительности, Крылов впервые обозначил на уральской карте ареалы тех европейских растений, которые не смогли преодолеть Уральский хребет, распространяясь из Азии на запад.

В числе главных открытий Крылова было и обоснование совершенно нового раздела ботаники – фитосоциологии. В настоящее время эта наука называется фитоценологией. В бытность Крылова изучение фитоценозов – экологически обусловленных группировок растений – было весьма запутанной задачей. О связанных с борьбой за существование «мире социальных отношений» среди растений писал в 1888 году коллега Крылова по Казанскому университету С. И. Коржинский, впервые предложивший использовать понятие «раса» для растений. Младший современник упомянутых ученых ботаник-«романтик» И. К. Пачоский рассматривал флору как своего рода организм, который постоянно находится в развитии и в движении по отношению к смежным флористическим районам. В 1896 году в польском журнале Пачоский опубликовал свою знаменитую статью под названием «Общественная жизнь растений».

П. Н. Крылов не только сформулировал общие основания фитоценологии, но и разработал ряд оригинальных методов изучения растительного населения, среди которых особенно эффективным оказался фитостатистический метод, позволяющий анализировать такие важные параметры растительного мира, как количественные соотношения во флоре района между представителями тундровой, лесной, лесостепной и степной растительности.

Благодаря фундаментальным пионерским исследовательским работам Крылова другой выдающийся пермский ботаник П. В. Сюзёв подготовил и издал в 1912 году новую подобную же капитальную работу «Конспект флоры Пермской губернии».

В последние десятилетия ботанические исследования в Пермской и Свердловской областях с большой убедительностью показали редкое своеобразие и даже уникальность флоры Среднего Урала как совокупности растительных миров нескольких крупных горных узлов, всегда бывших важнейшими перекрестками не только на современных, но и на древних миграционных путях растений. О многократно происходивших в минувшие времена расселениях вдоль Уральского хребта арктических растений на юг, а «южан» на север размышляли многие поколения ботаников, изучавших жизнь растений в эпохи похолоданий, распространявшихся со стороны Северного Ледовитого океана, в эпохи периодических дальних продвижений к северу южных пустынь и степей. Широтные миграции растений между, казалось бы, всегда равнинной Европой и всегда равнинной Западной Сибирью изучать было гораздо сложнее. Однако и эта, долго не поддающаяся решению задача уступила, наконец, натиску науки.

В 80-е годы XIX века ботаники В. Я. Цингер, С. И. Коржинский, А. Я. Гордягин показали значение древнего Известнякового кряжа как пути расселения в ледниковое время альпийских растений от Карпат в направлении Среднего Урала. Несколько позже ботаники Д. И. Литвинов, А. Н. Краснов, И. М. Крашенинников, А. Н. Пономарёв и другие обосновали «вклад» в среднеуральскую флору растительного царства Сибири. И уже в наше время была открыта геологами древняя Тимано-Алтайская складчатая система – вполне конкретный путь расселения сибирских растений в Европу, а европейских – в Сибирь.

Впервые взглядевшись в снимки Урала из космоса, геологи «ахнули». Это был совсем «не тот» Урал, к которому все мы так привыкли по традиционным изображениям на географических и геологических картах. Огромная система глубинных разломов и островных возвышенностей пересекала Урал по диагонали, образовав на пересечении несколько выдающихся горных узлов. Геологи и раньше догадывались о существовании так называемых поперечных или секущих структур Урала и связанных с ними гор Доуралид, но, чтобы эти, вначале казавшиеся столь спорными геологические

образования складывались в строгую систему, простиравшуюся от Кольского полуострова до Монголии, никто не ожидал.

В 1971 году один из ведущих уральских геологов А. А. Пронин рассказал в своей книге «Основные черты тектонического развития Урала» о формировании Тимано-Монгольской складчатой системы, гораздо более древней, чем сам Уральский хребет. Новое, теперь уже по космическим снимкам, открытие трансрегиональной горной системы представляет собой значительное достижение современной науки, весьма важное и для ботаники. Теперь стало возможным более убедительно обосновать положение и этого, и других древних «коридоров» и «мостов» расселения растений в минувшие геологические времена, существенно уточнить генеральные границы распространения современных растений. Открытие Тимано-Алтайского хребта еще более подчеркнуло значение горных узлов Среднего Урала как мест сосредоточения древних реликтовых и специфических уральских эндемичных растений.

Таким образом, впервые сформулированная Г. Стеллером задача разработки сводного труда по пермской флоре по-прежнему остается в числе первоочередных проблем отечественной ботаники.

Из книги Порфирия Никитича Крылова
«Прогресс в природе». Харьков, 1915

Ничтожнейшей частице вселенной, атому мироздания – планете Земля – присуще великое явление – жизнь. Она разлита могучим потоком всюду по ее лицу. Носители этой сложной формы энергии, организмы, наполняют как поверхность суши и неглубокие ее горизонты, так и воды и прилежащие слои атмосферы.

Жизнь бьет ключом. Мы наблюдаем это великое явление, принимая сами в нем участие. А было время, когда Земля, да и вся породившая ее солнечная система, находились в состоянии раскаленных газов, то есть в условиях, не допускающих возможности существования органической жизни, и она могла зародиться лишь

впоследствии, когда эти условия изменились и стали для нее благоприятными.

Человеческая мысль, стремящаяся к раскрытию истины, уже в силу логики должна была остановиться на предположении о неизбежности такого зарождения и стала искать фактов, подтверждающих такую возможность. Упорно искала, но не нашла их.

...Тайна происхождения жизни осталась тайной. Человеческая мысль, не добившись разрешения ее на Земле, устремилась в небесное пространство и стала искать там источника земной жизни. Признавая, что на мириадах небесных тел в бесконечной Вселенной должны быть где-либо, подобно тому как и на Земле, сочетания условий, благоприятных для органической жизни, мысль склонилась к предположению, что эта сложная форма энергии могла быть заимствована с других планетных систем вместе с носителями ее, зародышами каких-либо микроорганизмов.

Такая сложная форма энергии, каковой является жизнь, может быть функцией лишь тоже очень сложной формы материи.

Можно думать, что первоначальная жизнь была примитивнее той, какую мы наблюдаем в простейших организмах. На это указывает постепенное дальнейшее усложнение жизненной энергии совместно с усложнением ее субстрата – организмов.

Есть также основание предполагать, что усложнение материи не прерывалось и после возникновения жизни, а продолжалось, вероятно, и будет продолжаться и в период дальнейшего совершенствования сформированных из нее организмов.

...На низших ступенях развития жизни разум едва мерцает, но далее постепенно усиливается и в высшем проявлении жизни, у наиболее сложной формы материи, каковой является человек, разгорается уже в яркое пламя, освещающее ему окружающий его мир.

Совершился великий акт – природа дошла до самопонимания.

Но человек еще далеко не представляет конечной фазы совершенства материи и энергии, отчего и истина о природе, во всем своем объеме, ему не доступна. Она является для человека слишком многогранной, и он

может раскрывать ее лишь малыми дозами, употребляя на это большие усилия своего еще весьма несовершенного ума.

Из книги С. В. Мейена
«Следы трав индейских». М., 1981

Я не знаю, все ли области науки доступны для популяризации. Наверное, не все. Иногда мне кажется, что и популяризация палеоботаники – дело безнадежное. О чем бы ни повел палеоботаник речь, ему придется так или иначе употреблять множество слов, незнакомых широкой публике. Чем-то их заменить невозможно, а без них совершенно невозможно рассказать о самом важном и действительно интересном. Короче говоря, чтобы читать популярную книгу по палеоботанике, надо освоить некий новый язык со словами «спорангий», «птеридоспермы», «карбон», «Гондвана». У кого хватит терпения все это держать в голове?

...Меня ободряет то, что среди ее (книги) читателей будет достаточное количество географов, геологов и ботаников, а среди них и те, кто интересуется ископаемыми растениями, но не в силах следить за огромной палеоботанической литературой. Полагаю, что та глава геологической летописи, о которой сейчас пойдет речь, интересует ботаников прежде всего. Я собираюсь говорить о происхождении и расселении покрытосеменных, или цветковых.

Для человека, неплохо знакомого с палеоботаническими документами, происхождение покрытосеменных не составляет какой-то экстраординарной проблемы. Да, мы знаем их предков и не знаем, как они возникли. Что ж из того, что в этом особенного? Много ли крупных групп растений, происхождение которых известно? Если отвечать честно и не выдавать шаткие и валкие домыслы за хорошо обоснованные гипотезы, то таких групп не окажется вовсе. Что мы знаем о происхождении цикадовых, гинкговых, хвойных (и вообще голосеменных), папоротников, членистостебельных, мхов, разных групп водорослей? А почти ничего не знаем.

И все же ситуация с покрытосеменными несколько особая. Это самая крупная группа современных растений.

О значении покрытосеменных для человечества нет нужды говорить. Покрытосеменные – это хлеб, овощи, фрукты, топливо, строительная древесина, цветы на окнах и в цветочных магазинах, лекарства в аптеках. Классификация покрытосеменных – не отвлеченная научная проблема. Разобраться же в предложенных классификациях и отобрать наиболее удачную без понимания эволюции всей группы почти невозможно.

Поразительно разнообразие покрытосеменных. Достаточно вспомнить ряску и дуб, пшеницу и кактус. Много ли общего между прекрасным цветком магнолии и скромным ржаным колосом? Откуда взялось это невероятное разнообразие, как понять его? Все это волнует ботаников уже несколько столетий. С тех пор как в ботанику и биологию вообще проник исторический метод исследования, возникла, да так и не исчезла проблема происхождения покрытосеменных.

Пермские флоры

Очень интересно, что после открытия пермской геологической системы понятие «пермская флора» сразу же стало двузначным, то есть обозначающим и современную флору Пермского края, и флору всей Земли в пермский геологический период. Однако прошло несколько десятилетий, и многие специалисты стали называть флору пермского геологического периода не в единственном, а во множественном числе: «пермские флоры». Выяснилось, что разные древние материки отличались на удивление не похожими друг на друга флорами, такими специфически многообразными по составу, каких не было ни в предшествующем каменноугольном периоде, ни в последующем – триасовом.

Пермские флоры стали в настоящее время одним из центральных и наиболее изученных объектов науки об ископаемых растениях – палеоботаники, которая в значительной степени создавалась при изучении образцов растений из пермских отложений. Ведь на рубеже палеозойской и мезозойской эр, то есть пермского и триасового периодов, формировались «почти что из небытия» покрытосеменные растения – наиболее многочисленные, самые сложные и самые загадочные во всем растительном мире Земли.

В распоряжении современных палеоботаников есть лишь пыльца да отпечатки листьев первых покрытосеменных растений. А какими были первые цветы? Крупными, как у магнолии, или какими-то иными? Если бы они были крупными, то их лепестки должны были бы сохраниться в древних отложениях. Но, увы, таких свидетельств пока не найдено. И потому возможно предположение о том, что первые на Земле цветы были похожи на мелкие соцветия, собранные в кисть. И произошли они от какой-то из групп голосеменных растений. А вот какая группа была прародителем покрытосеменных, об этом пишутся статьи, ведутся споры. Раскрыть тайну можно лишь неустанно исследуя ископаемые остатки и соединяя воедино сведения из палеогеографии, стратиграфии и многих других геологических и смежных наук.

Вероятно, не без воспоминаний об Урале М. В. Ломоносов в 1757 – 1759 годы написал такие слова: «Еще чуднее, что в холодных климатах показываются в каменных горах следы трав Индейских (так тогда говорилось по поводу растений Индии и окружающих территорий) с явственными очертаниями, уверяющими в подлинности их породы». Участники первых академических экспедиций по Уралу и Приуралью описывали находки ископаемых деревьев «обугленных» или «превращенных в роговик», «покрытых кварцевыми хрусталами», «проникнутых кремнеземом» или «смолистым веществом, медной зеленью и лазурью». Заинтересованный этими находками, президент Российской Академии наук А. А. Нарттов не пожалел времени, чтобы самому перевести и издать в 1784 году книгу немецкого палеоботаника И. Вальха «Окаменелое царство».

В самом начале прошлого столетия в своем знаменитом «Хозяйственном описании Пермской губернии» преподаватель Пермского народного училища Н. С. Попов о приуральских окаменелостях писал так: «Природа не перестает производить своих сокровищ, преобразуя в недрах земных дерево и другие органические тела в камень и в самые руды». И еще: «Все части растений к тому способны, по чему можно видеть окаменелое или проникнутое рудами дерево, кору, сучья, шишки и орехи...»

В 1804 году немецкий палеоботаник Ф. Шлотгейм впервые применил к ископаемым растениям линнеевскую ботаническую номенклатуру, и образцы ископаемой флоры точно так же, как и современные растения получили родовые и видовые латинские, русские и других языков имена. В первой трети XIX века на русский язык были переведены и прокомментированы в научных и популярных журналах основополагающие труды об ископаемых растениях и животных, труды, принадлежащие перу Ж. Кювье, А. Броньяра и других ученых. Броньяр был одним из ряда немногих европейских палеоботаников – Агасиса, Лансдейля, Орбиньи, Морриса, Оуэна и Гепперта, которые длительное время изучали образцы ископаемых растений из Приуралья. Эти образцы вскоре после открытия пермской системы привез в Европу спутник Мурчисона Вернейль, впервые составивший цельное пред-

ставление об ископаемых флорах пермских отложений. В Британском музее в Лондоне до сих пор хранятся палеоботанические сборы Мурчисона, Вернейля и представителей английской горной компании, некогда проводившей разработку медистых песчаников в рудниках Оренбуржья.

Один из пионеров и выдающихся популяризаторов русской палеоботаники преподаватель Корпуса горных инженеров и Петербургского университета Я. Г. Зембницкий в течение многих лет работал с большими коллекциями ископаемых растений, извлеченных из медистых песчаников в окрестностях Пыскорского, Воскресенского и других медеплавильных заводов Пермской губернии. В 1830 году ученый оперировал уже 528 видами известных тогда ископаемых растений, отмечал сходство многих из них «с живущими в странах полуденных». Благодаря исследованиям Я. Зембницкого, Г. Фишера, С. Куторги, Э. Эйхвальда не только сложились разветвленные естественные системы ископаемых пермских растений, но появились весьма обстоятельные по тем временам реконструкции ландшафтов пермского геологического периода. Приведем несколько строк ландшафтной характеристики пермского периода из книги «Палеонтология России» профессора Казанского университета Э. Эйхвальда, изданной в середине XIX века: «С осадками медистого песчаника исчезли последние остатки первобытного океана, а вместо его выступил, еще более к востоку России, большой материк,.. на нем не только возвышались леса древовидных папоротников, но и леса огромных хвощей-каламитов и хвойных деревьев араукарий; сверх того саговые пальмы и странные древовидные растения, вовсе не известные в других странах и принадлежащие как отличительные роды Пермскому медистому песчанику». И далее: «Флора медистого песчаника образует первую флору материков...» Впоследствии, после обнаружения крупного и представительного комплекса пермских ископаемых растений на берегах реки Ангары, Пермский материк, о котором писали Мурчисон, Эйхвальд и другие исследователи, был назван Ангаридой.

Во второй половине XIX столетия территория России оказалась уже настолько подробно изученной палеоботаниками, что стало очевидным мировое значение уральских

и приуральских местонахождений пермских флор в одном ряду с пермскими флорами Донбасса, Кузбасса и некоторыми другими. Эти местонахождения стали классическими для всей разноязычной палеоботанической литературы. Вклад в изучение пермских флор известных русских ботаников К. Мерклина, И. Шмальгаузена и в XX веке М. Залесского, его коллег и продолжателей необычайно велик, а вся исследовательская работа в нашей стране в этом направлении достигла такого размаха, которого не знало никакое другое государство.

Расширение сферы пермского раздела палеоботаники; повсеместное использование более глубоких методов изучения ископаемого материала; освоение, в частности, споро-пыльцевого анализа и далее вплоть до исследований клеточного строения древних растений; достижения в смежных областях знания – все это неизбежно привело к качественным сдвигам в понимании истории пермской системы, эволюции ее растительного мира. Определилась в подробностях граница древнего каменноугольного и пермского материка Ангариды: она протянулась по Тиману, пересекла Урал, ушла по Западной Сибири и Северному Казахстану к озеру Балхаш, на территорию Монголии. То есть на всем своем протяжении граница совпала с внешним юго-западным контуром Тимано-Монгольской горно-складчатой системы. Этот факт свидетельствует о том, что в каменноугольный и пермский периоды история растительного мира на всей территории севера Евразии определялась эволюцией не столько Уральско-Тимано-Алтайского хребта. Хребет же этот в пермский период был, несомненно, весьма значителен. Он разделял субтропические флоры и флоры умеренно влажного климата. Ни в одном геологическом периоде, вплоть до пермского, палеоботаники и палеоклиматологи не знают таких четких границ ботанико-географических зон.

Появление ботанико-географической зональности обозначает начало эпохи становления крупных и крупнейших лесных массивов планеты, лесной растительности, полностью оторвавшейся от океана и начавшей осваивать глубины материков. В пермский период на весь огромный Тимано-Алтайский водораздел вышли разнообразные хвойные леса,

особенно скученные по межгорным впадинам и речным долинам, вероятно, также занявшие и вершины гор. Растительное богатство хребта и прилегающих территорий было беспрецедентным по отношению к минувшим геологическим периодам. Многие исследователи не случайно выделяют как региональный центр формообразования растений Западную Ангариду, то есть Камское Приуралье. Здесь, в месте пересечения Урала, Известнякового кряжа и Тимано-Алтая, находился тектонически и вулканически активный горный узел, где на основных миграционных путях сталкивались флоры Юга и Севера, Запада и Востока. Разнообразные микроклимат, рельеф, почвенные условия, наличие различных биологических ниш способствовали возникновению новых групп растений.

Благодаря быстрой эволюции в горах и предгорьях многих групп голосеменных, в том числе и хвойных растений, на стыке зон субтропического и умеренного климатов создались условия для появления и развития предков цветковых или покрытосеменных растений. Семена их были вначале защищены относительно несложными по строению сомкнутыми капсулами, снабженными приспособлениями для улавливания пыльцы. Впоследствии эти капсулы трансформировались в плодолистики и плод цветковых растений, обеспечив им высокую степень эволюционной пластичности, устойчивости к неблагоприятным условиям сухости и холода. Ч. Дарвин, А. Энглер, А. Сьюорд, И. Бейли, Д. Аксельрод и другие естествоиспытатели полагали, что родиной цветковых растений могли быть ближайшие окрестности древних земных полюсов или тропики. Современные палеоботаники больше склоняются к признанию тропической «колыбели» растений. И в то же время очевидно, что в умеренной зоне северного полушария найдены наиболее развитые предки покрытосеменных, они в значительной степени определяли уникальную флору Ангариды. Интенсивная перестройка горных систем и речных долин, динамичные климат, микроклимат и сезонные явления способствовали быстрой эволюции в пермский период продвинувшихся вперед предков цветковых растений. В следующую, мезозойскую эру цветковые покорили всю планету.

Из книги Р. Мурчисона, Э. Вернейля, А. Кайзерлинга
«Геологическое описание Европейской России
и хребта Уральского». Санкт-Петербург, 1849

Медные руды весьма часто расположены в промежутках около окаменелых стволов и ветвей... Тесная связь между распределением медных руд и ископаемыми растениями замечена около г. Перми.

Соотношение между ископаемыми древесными стволами и медною рудою здесь так повсеместно и обыкновенно, что нередко открытие выхода или оголения окаменелого древесного ствола руководствовало рудоискателей к преследованию его до большей глубины в самую породу и вследствие того к открытию благоденных меднорудных месторождений.

...Иногда медные руды проникают между волокнами окремненных дерев, в других местах проходят непрерывным слоем между скоплением листьев, бывают перемешаны с песком, так что небольшое гнездо растительных веществ оказалось источником значительного богатства. Медь, проникающая обугленные волокна, бывает обыкновенно в виде медной сини.

Общим правилом может быть принято, что песчаник обыкновенный и грубый и слои сланцеватой глины, в которых встречаются растительные остатки, служат главным местами медных руд...

Парма – приуральская тайга

Тайга – самый характерный тип ландшафта нашей страны. Слово это якутское, тюркское, обозначающее у коренных лесных жителей как хвойные леса, так и залесенные горы. Обычно тайгой называют и горы, и леса. А в большинстве лесных мест народный термин «тайга» используется для обозначения темнохвойных лесов. На Урале и в Приуралье тайга зовется пармой, пармами, пармицами, то есть словами по происхождению пермскими, прикамскими. Так местное население всегда называло приуральские увалы и невысокие горные гряды, покрытые густыми, очень глухими «нешевелеными лешими» темнохвойными лесами, преимущественно пихтово-еловой тайгой.

В предгорьях Урала на всех современных физических картах обозначены две крупные прерывистые цепи таежных возвышенностей: ближняя к Уральскому хребту, состоящая из Большой Пармы (Ыджид-парма), Высокой и Ямжачной Парм, а также цепь из несколько более удаленных к западу Очпармы, Жезимпармы и парм Коми-Пермяцкого национального округа. Территория распространения парм в целом совпадает с областью произрастания Камско-Печорско-Западноуральских темнохвойных лесов и напоминает очертания огромного равнобедренного треугольника с вершиной на Полярном Урале. Восточная грань этого треугольника проходит по большим водоразделам Восточного склона Урала, западная – пересекает реку Вычегду к востоку от Сыктывкара и уходит к реке Ветлуге. Основание же треугольника ограничено линией, соединяющей устья рек Камы и Белой. В пределах этой огромной территории темнохвойных лесов заключены как предтундровые редколесья, так и северо-, средне- и южнотаежные темнохвойные леса.

Таким образом, парма – это сборное понятие, и облик отдельных приуральских парм весьма различен.

На пологих склонах предгорий и выровненных вершинах припечорских парм господствуют заболоченные осоковые и хвощовые сфагновые темнохвойные леса, чаще всего еловые со значительной, до 30 – 40 процентов, примесью кедра

и пихтовым стлаником. По верхним течениям рек Печоры, Вычегды и Камы проходит широкая полоса среднетаежных преимущественно зеленомошных елово-пихтовых лесов на типичных подзолистых почвах. Верхние и нижние части бассейнов рек Вятки и Камы занимают южнотаежные темнохвойные леса на дерново-подзолистых почвах с густым и почти сплошным травяным покровом.

Таковы основные разновидности парм в самых общих чертах. Преобладающей лесной породой в пармах является ель. Наряду с пармами из темнохвойных пород на описываемой территории на наиболее благоприятных карбонатных или речных наносных почвах встречаются темнохвойные смешанно-лиственничные леса с преобладанием лиственницы в долинах рек и изредка на водоразделах. Это в местном обозначении – ния-пармы, или лиственничные пармы. Разной степени заболоченности еловые пармы имеют местные названия: алькес-парма, билевая парма, ключевая парма, кюнь-парма, оль-парма.

В статье, посвященной ботанико-географическому делению Среднего Урала, выдающийся пермский ботаник П. В. Сюзёв обращал внимание на своеобразные обозначения сплошных хвойных массивов заготовщиками товарного леса. Собственно пармой они называли горную тайгу по увалам, верхпармицей – разновидность этой тайги по хребтам. Оль-пармой обозначался темнохвойный лес в равнине или низине, согрой – по болотистым местам, раменьями – непроходимые завалы упавших стволов в низинах, логами – травяные ельники по долинам рек и ручьев на сырых почвах.

Давно было известно, что область распространения парм неоднородна по составу флор и растительности, но степень этой неоднородности выяснилась сравнительно недавно и оказалась просто поразительной.

Известный уральский археолог, профессор О. Н. Бадер в ряде работ, написанных в 1950 – 1953 годах, обратил внимание на факт исторически недавнего появления парм на территории Пермского Прикамья. Наблюдая остатки пней и стволов разных деревьев в крупных болотных массивах Урала и Приуралья, Бадер выделил всюду хорошо заметный поч-

венный горизонт, насыщенный ископаемыми древесинами, и открыл таким образом существование в первом тысячелетии нашей эры особо теплого и даже засушливого климатического периода. В течение этого периода обширные южные степные и лесостепные пространства распространились далеко в сторону Ледовитого океана, захватив северные районы Прикамья.

Бадер определил время зарастания лесом торфяных болот первым тысячелетием нашей эры, что подтверждалось и собственно археологическими данными: «На западных склонах Урала, в Прикамье, южные степные формы в материальной культуре появляются в таком большом количестве, что даже привели некоторых исследователей к выводу о смене местного населения степным».

«На грани между III и IV веками, – писал в 1913 году Бадер, – в Среднем и Верхнем Прикамье впервые появляется совершенно чуждый здесь обычай погребения под курганами, столь свойственный племенам степных районов». В своих археологических изысканиях ученый обнаружил ковыль на берегу реки Обвы и обратил внимание на совпадение мест находок степных растений со следами деятельности древних степных народов харинской культуры.

В эти же годы новые интересные подробности о происхождении прикамских лесостепных островов получили пермские ботаники. Профессор Пермского университета А. Н. Пономарёв показал, что лесостепная флора как севера, так и центральных районов Пермской области является по своей природе сибирской. Появилась она в Прикамье с юго-востока во время сильного потепления – так называемого термического оптимума, в ксеротермический период. Пономарёв отметил работы своих предшественников – ботаников Р. Поле, Д. Литвинова, А. Толмачёва и других, неоднократно подчеркивавших значение дальнего расселения лесостепной флоры Урала и Приуралья на северо-запад европейской части нашей страны, в бассейны рек Пинеги и Кулоя. Приводя места находок степных растений в истоках уральских рек Щугора и Северной Сосьвы, киевский ботаник Ю. Д. Клеопов назвал Уральский хребет важнейшим путем миграции степных растений в Арктику.

В 1958 году, учитывая большую роль флористических условий в расселении древних степных скотоводческих племен в северных районах Прикамья, Камская археологическая экспедиция поручила известному пермскому ботанику Э. Э. Аникиной решить вопрос о времени появления степных и лесостепных растительных сообществ в тех местах Пермской области, где было найдено наибольшее количество памятников харинской археологической культуры. Аникина открыла вдоль путей расселения коневодов-харинцев целый ряд местонахождений степных и лесостепных растений, подчеркнула сближение или совпадение во времени перемещения степных кочевых племен и распространения на север до излучины Камы самой степи.

Представляет огромный интерес выяснение конкретных причин относительно быстрой смены степной и лесостепной растительности Пермского Прикамья темнохвойными лесами. По подсчетам О. Н. Бадера, максимум тепла в нашем крае и расцвет харинской культуры относились к шестому веку нашей эры. В десятом веке арабские и русские письменные источники уже свидетельствовали о Прикамье как лесном крае. Поэтому не случайно процесс смены степных пространных пармами за считанное число веков А. Н. Пономарёв называл не иначе, как «вторжением темнохвойной тайги».

Из книги В. Н. Белицера «Очерки по этнографии народов Коми XIX – нач. XX в.». М., 1958

У коми существовал культ растительности, хотя выражен он был у них слабее, чем у других финно-угорских народов. Коми верили, что душа человека заключена в дереве. «Каждый человек имеет свое дерево, в котором заключена человеческая душа. Если человек найдет свое дерево и срубит его, из него брызнет человеческая кровь», – говорится в сказании о богатыре Иркапе. Согласно древним представлениям, душа человека вселяется в дерево после его смерти. Ольху коми называют «ловпу», то есть дерево души. До христианизации у коми-зырян особо почитались береза, ель, рябина и черемуха.

Из жизнеописания Стефана Пермского известно, что у коми-зырян была особо почитаемая священная береза – «кыдз», которая якобы обладала чудодейственной силой. На ее месте была выстроена Архангельская церковь в селе Усть-Вымь. По преданию, коми в бытность их язычниками поклонялись этой березе, вешали на нее меха.

У коми-пермяков также в прошлом были такие деревья, и православные храмы очень часто строили на местах священных рощ. Так, например, в с. Керчево Чердынского уезда еще в начале XX в. сохранялась колокольня, которая своим видом напоминала высокую башню. При исследовании этой постройки оказалось, что в середине колокольни были заключены остатки дерева, толстые ветки которого, выходящие из сруба, образовывали пять столбов яруса звонницы и поддерживали конусообразную крышу. Аналогичная часовня с заключенным в ней деревом была открыта в семидесятых годах XIX в. в Вологодской губернии.

В начале XX в. около многих деревень коми заботливо сохраняли березовые рощи, которые считали священными. Такие березовые рощи существовали в Айкинской, Коквицкой и других волостях, лежащих ниже по Вычегде. Вблизи Кудымкара росла священная береза, под которой, согласно местному преданию, был зарыт клад. Рубить березу было запрещено.

Свидетельство о культе деревьев имеется в жизнеописании Трифона Вятского. Он срубил священную ель у остояков вблизи с. Нижне-Мулинского на известном гляденовском городище в Пермском уезде. Обожествляли деревья и другие финно-угорские народы, жившие на территории Приуралья и Поволжья.

Пермский карагай

Пермский карагай и лиственница – это одно и то же, хотя за каждым из этих слов – свое собственное прошлое. Многие исследователи полагают, что латинское обозначение лиственницы – «ларикс» – переводится как «богатое смолой», а карагай – это тюркское название лиственницы. Сочетание же слов «пермский карагай» – родом из Венеции, ему, по крайней мере, около двухсот лет.

В 12-томной истории Венеции, написанной известным итальянским историком Христофором Тентори в XVIII веке, есть такие строчки: «Благополучие населения Венеции обеспечивается всемирной торговлей и прочностью свайных сооружений города на островах – пермскими карагаями». 400 тысяч свай из приуральских лиственниц от раннего Средневековья до сих пор несут на себе тяжесть дворцов и домов медленно погружающегося в лагуну города. Нет сомнения в том, что они привезены из пермских земель, то есть земель Пермь Великой, иначе бы деревья не называли «пермскими карагаями». Ведь сама по себе лиственница поныне растет в Северной Италии, на отрогах Альп, и поныне из этой лиственницы добывают живицу, которая с незапамятных времен зовется «венецианской смолой».

У этого замечательного дерева есть очень древнее и вполне определенное применение. Его всегда использовали в строительных работах преимущественно там, где больше всего заботились о долговечности. Еще тысячелетия назад степные кочевники везли это дерево за тридевять земель, чтобы сделать гробницу и насыпать над ней курган. Из лиственничных бревен строили мосты и основания для первобытных свайных поселений. Необычайной долговечностью лиственница обязана своей плотной, насыщенной смолой древесине.

Лиственница отличается редкой экологической пластичностью, она хорошо растет в самых разных климатических условиях: на вечной мерзлоте огромных сибирских равнин и едва ли не на вершинах многих, чуть ли не целый год заснеженных гор, но так же неплохо чувствует

себя в горных степях и жарких полупустынях Монголии. Дерево весьма неприхотливо и по отношению к различным горным породам. На Урале и в Приуралье оно обычно встречается на известняках, а если таковые далеко, то осваивает глинистые сланцы, миаскиты, перидотиты, змеевики и многие другие породы. Видимо, благодаря такому особенному жизнелюбию дерево продолжает расти в течение трех и более веков, а доживает иногда до полутора тысяч лет.

Ботаники полагают, что на Урал и в Приуралье, а также и в самые западные районы Европы лиственница пришла из южной части Сибирского плоскогорья, Алтае-Саянской горной страны и Хангая. В этих местах и сейчас распространен древний ландшафт холодной степи, который в доледниковое, ледниковое и послеледниковое время простирался во всю ширину Евразийского континента – от Атлантического до Тихого океана. Растительный комплекс холодных приледниковых низкогорий был наиболее развит в плейстоценовую эпоху и представлял собой лесостепь из сосны, лиственницы, березы и ряда травянистых растений. Вся эта совокупность деревьев и трав известным уральским ботаником И. М. Крашенинниковым названа «холодной плейстоценовой лесостепью» или, что более распространено, «плейстоценовым флористическим комплексом».

Растения этого комплекса при распространении евразийского материкового похолодания с востока на запад постепенно расселялись из Южной Сибири и Северного Казахстана в Европу. Они доминировали в самые холодные времена ледникового и послеледникового периодов на огромных пространствах, значительно больших, чем современная, все еще немалая территория лиственничных лесов. Во время умеренных потеплений и двух весьма жарких ксеротермических периодов лиственничники, или, как их называют в Сибири, листвяги, были сильно потеснены степями и широколиственными лесами. В Западной Европе вместо некогда сплошных массивов лиственницы остались ее небольшие островки, многие из которых за последние века совсем или почти совсем исчезли в результате строительной деятельности человека.

Вот почему уже в эпоху раннего средневековья лиственничные сваи для возведения Венеции пришлось возить из Предуралья вокруг всей Европы. Немало строевого лиственничника было привезено из России в Англию, потому что на протяжении нескольких столетий весь английский флот строился из русской лиственницы.

Может быть, поэтому англичане, хорошо зная лиственницу западно-европейскую, очень внимательно относились к лиственницам из России: английские ботаники еще в 1754 году первыми предложили выделить лиственницу в особый род и с особенным интересом разводили у себя ее восточные виды. Видовые же названия произрастающих в России лиственниц поначалу оказались чересчур многочисленными и вот по каким причинам.

В 1806 году один из известных дендрологов-любителей получил для своего парка в Шотландии лиственницу из Архангельска и назвал ее – «архангельской». Это название приняли и другие британские дендрологи. В 1820 году на заседании английского общества садоводства сообщалось о том, что дендролог Сабин имеет в своем саду лиственницу под названием «сибирская», начало разведению которой дали семена, присланные из России академиком Палласом. В конце концов все эти лиственницы стали относить к виду «русская», причем название это настолько укоренилось, что вошло даже в современное многотомное издание «Флора Европы».

Среди многих зарубежных видовых обозначений наших лиственниц есть и «уральская». Впервые в отечественной ботанической литературе название «лиственница уральская» было упомянуто ботаником Дерптского (ныне Тартусского) университета К. Ф. Ледебуром при описании открытой им на Алтае лиственницы, названной «сибирской». В 1833 году в книге «Алтайская флора» Ледебур, аргументируя выбор наименования для нового, незнакомого ему вида лиственницы, вспоминал, что за три года до него английский ботаник Линк уже упоминал в своей работе «лиственницу уральскую». Шишки лиственницы с Урала попали к Линку из коллекции Берлинского ботанического сада, собранной в России немецким биологом и экологом Х. Г. Эренбергом,

когда тот путешествовал в 1829 году по Уралу вместе с А. Гумбольдтом. Семена уральской лиственницы были посажены в ботаническом саду, и вскоре, видимо, молодое дерево дало урожай шишек, потому что в 1841 году Линк сообщал об имеющихся в его распоряжении сорванных с дерева шишках, очень похожих на присланные Ледебуром. Ледебур, издавая в конце сороковых годов XIX века свою знаменитую монографию «Флора России», сообщил, что уральская и сибирская лиственницы ничем не различаются, и оставил за этим видом лиственницы свое собственное название.

В последующие десятилетия проблема новых видов и новых номенклатурных названий лиственницы привлекла внимание как западноевропейских, так и русских ботаников. В исследованиях природы удивительного дерева приняли участие многие ботаники, подолгу работавшие на Урале – П. Н. Крылов, И. М. Крашенинников, В. Л. Комаров, В. Н. Сукачëв, В. Б. Сочава, Б. П. Колесников, Л. Н. Тюлина и другие. На территории нашей страны современные ботаники выделяют обычно не менее десятка видов и подвидов лиственниц.

Окончательного мнения по поводу того, как же все-таки называть лиственницу, произрастающую в европейской части страны, на Урале и в Западной Сибири, пока еще, пожалуй, не сформировалось. Может быть, за ней стоит сохранить одно из самых давних названий – «пермский карагай», или «лиственница пермская»?

Ветреница пермская

Многие интересные и редкие растения можно встретить на западном и восточном склонах Уральского хребта: это сохранившиеся с незапамятных времен обитатели субтропических лесов – загадочные орхидеи, удивительные по красоте заросли чистеца и горошка, к которым так расположена была душа Мурчисона, и ни на что не похожие потрясающие в своем живом волнении куртины ковыля, так волновавшие Гумбольдта, непритязательные анемоны... Анемону еще называют ветреницей. Это одно из самых известных на Урале высокогорных эндемичных растений.

Ранней весной на освободившихся от снега горных тундрах Урала разливаются белые цветочные озера. За считанные часы и дни из мощных корневищ как бы выстреливаются на высоту около полуметра плотные стебли с большими ококорневыми и туго свернутыми верхушечными листьями. Затем из утепленной листьями макушки стебля еще быстрее взлетают вверх высокие цветоножки, образующие своеобразный зонтик. И, наконец, третьим залпом против зимы на кончиках цветоножек распускаются ослепительно белые цветы с ярко-желтыми тычинками.

Увидишь эти непривычно крупные тундровые цветы в первый раз, и кажется, будто их только что пересадили с тепличной клумбы. Не случайно первое видовое название у цветка было – нарциссовидный. Но вот налетит на горную вершину тяжелое весеннее облако, обдаст цветущее растение ледяной изморозью, превратит зонтик в снежно-ледяную шапочку, а то и снегом засыплет. Когда же уйдут тучи, отогретые солнцем растения снова цветут как ни в чем не бывало. Прикорневая их часть надежно укрыта от морозов слоем растительного войлока; стебли, листья и даже цветоножки запущены таким густым покровом белых ворсинок, который не позволяет растению переохладиться даже при снегопадах и весьма сильных ночных заморозках.

Много историй связано с ветреницей пермской в природе, немало интересного рассказано в ботанических книгах.

Нечасто бывает так, чтобы в определителях, монографиях и статьях растение, например, называлось по-латыни «анемона биармиензис», а по-русски – «анемона пермская». Если подходить к переводу с формальной стороны, правильно было бы в соответствии с латинским названием говорить о цветке по-русски – «ветреница биармийская», или же, в соответствии с русским названием, по-латыни произносить «анемона пермиензис». Иначе же можно понять, что Биармия и Пермь – это одно и то же.

Автор столь противоречивого названия этого цветка – выдающийся ученый Сергей Владимирович Юзепчук. Был он не только профессиональным ботаником, но еще историком науки и поэтом, интересовался и судьбой загадочного древнего государства Биармии, впервые упомянутого в средневековых исландских сагах. Вездесущие скандинавы-викинги доплывали не только до Америки, но и забирались вглубь северной тайги. Свидетельства этих походов остались в немногих очень скупых строках народных песен. Не мог не знать Юзепчук разницы между Биармией и Пермью, а скорее всего, равнодушный к Уралу, к красоте его флоры, утвердил за цветком развернутое во времени и пространстве поэтическое имя.

Так уж в истории исследования анемонов повелось, что изучали их не просто добросовестные ботаники, но естествоиспытатели, так или иначе связанные с искусством. Одним из первых на этом пути был знаменитый пермский ботаник П. В. Сюзёв, который еще в 1893 году вел переписку с С. И. Коржинским по поводу выделения особой, уральской анемоны. Оказалось же впоследствии, что их, уральских, не одна, а две. Свой интерес и любовь к этому растению Сюзёв передал К. Н. Игошиной – выпускнице Пермского университета, посвятившей всю свою жизнь уральской флоре.

Очень многих ботаников, обращавших свою работу к Уралу, воспитал корифей отечественного естествознания академик В. Л. Комаров, тоже в течение всей жизни пристально наблюдавший анемоны. Еще в 1912 году под руководством Комарова обширное исследование по анемонам выполнил ботаник из Гельсингфорса Н. В. Шипчинский.

Работа его отталкивалась от занимательной истории изучения рода анемон. Шипчинский не преминул вспомнить К. Линнея, автора названия «анемона нарциссовидная» – уж кто-кто, а Линней знал, с каким общеизвестным растением точнее всего можно сравнить анемону. Правда, в первом издании своего великого труда «Виды растений» Линней пропустил сделанную, вероятно, в типографии ошибку, и анемона вместо нарциссовидной получилась нарциссолистной, но уже в следующем издании все было исправлено. Название Линнея, несомненно, самое лучшее из очень многих предшествующих и время от времени предлагавшихся последующих, таких как «многоцветковая», «горная», «восточная», «сомнительная», «зонтичная», «прекрасная», «красивая».

Шипчинский отдал должное проницательности швейцарского ботаника О. Декандоля, начавшего вместе с Гумбольдтом создавать новую науку – географию растений – и в то же время еще в 1818 году выполнившего важное исследование по анемонам. В той работе Декандоль разделил вид анемоны нарциссовидной на пять разновидностей и описал два вида: «зонтичную» и «сибирскую». Некоторые дополнения в эту систематизацию анемон внес К. Ледебур в своей «Флоре России».

В 1906 году капитальную разработку и сводку всего предшествующего материала по роду анемон выполнил Э. Ульбрих, хотя и не учел важных систематических и ботанико-географических исследований Э. Регеля и Н. Турчанинова.

Н. Шипчинский приступил к своему итоговому очерку после обработки более полутора тысяч экземпляров анемоны нарциссовидной из более чем восьмисот местонахождений. Ученый пользовался уникальным гербарием анемон всей нашей Земли, собранным к началу века в Петербургском ботаническом саду. Как писал Шипчинский, «она встречается в горах трех частей света: Европы, Азии и Северной Америки, более чем на две трети окружности Земли», причем самое южное местонахождение анемоны находится в северо-западной Индии. Отмечая высокую изменчивость растения в разных климатических, почвенных и других условиях, автор

очерка заключил: «По-видимому, анемона нарциссовидная с ее формами обособилась уже настолько давно, что следы этого изгладились, однако она не обветшала, сохранила и приспособляемость, и способность сопротивления суровому действию хотя бы полярного климата. Можно сказать, что она одновременно и один из реликтов весьма древней флоры, и один из этапов в развитии флоры будущего».

И вот то, что так долго не удавалось многим обстоятельным исследователям, выполнил и доказал в 1937 году другой ученик В. Комарова – С. Юзепчук. Он открыл совершенно новый вид анемоны – анемону пермскую, а точнее – биармийскую и пермскую одновременно.

Астрагал кунгурский

Часто случается такое: принесет ветер истории растение в неведомые края и бросит на произвол судьбы. Удастся ему выжить на новом месте – биография его продолжится, появятся в ней новые страницы.

Вот такое произошло и с астрагалом кунгурским. Очень он похож на астрагал длинноцветковый родом из аральских и каспийских пустынь. Но какова степень родства? Астрагал кунгурский, вероятнее всего, не намного старше ветреницы пермской. Но у нее больше будущего, а у астрагала больше прошлого. Как азиатский аксакал, он тянет из глубины времен свою песню, но непрочна ее нить, легко может прерваться.

В окрестных карстовых углублениях под Кунгуром еще лежат почерневшие пятна снега, а южный склон Подкаменной горы покрыт яркими желтыми цветами. На каменных гипсовых россыпях цветут обычный в наших местах кустарник раkitник русский и совершенно необычная невысокая травка в виде розетки – астрагал кунгурский.

Вот уж не абориген, так не абориген – этот астрагал! Настоящий экзотический гость из Средней Азии! Но... переродившийся на Урале, приспособившийся к северной отшельнической жизни на одной-единственной горе на самом севере Кунгурской лесостепи. Растение – житель обширных прикаспийско-аральских пустынь и полупустынь. Обычно мы представляем эти пустыни песчаными, но на самом деле наряду с ними на многих десятках тысяч квадратных километров большими и малыми островами простираются пустыни гипсовые.

В пермский геологический период такого рода пустыни были распространены и в Прикамье, а в настоящее время геологи обнаруживают на поверхности лишь отдельные выходы гипса, причем наибольшие по площади – в бассейне реки Сылвы.

Астрагал кунгурский растет на россыпях гипсово-ангидритовых пород, то есть не в каких-нибудь новых, а в самых своих привычных, можно даже сказать почти среднеазиат-

ских условиях. Растение занимает особую экологическую нишу. Что же это за ниша, своеобразное убежище астрагала на прикамской земле?

Во-первых, астрагал не случайно сохранился только на хорошо прогреваемом южном склоне Подкаменной горы, он всегда впитывает в себя наибольшее количество солнца. И не только прямых солнечных лучей, но и тепла, запасаемого в безоблачные дни всем каменным массивом. Во-вторых, приютившая астрагал каменная россыпь постоянно сильно обезвожена. Дождевая влага по щелкам между обломками гипса свободно стекает в глубины горы, и обычно летом даже в считанные минуты после самой бурной грозы каменная россыпь снова раскаляется до прежней температуры. И растение, как и прежде, снова оказывается на долгие часы в знойной атмосфере без водного питания.

О том, что астрагал живет в своих обычных полупустынных условиях, свидетельствует также со всей очевидностью наблюдаемый цикл жизни растения. Оно сохранило все черты среднеазиатского цветка-эфемера. Обратите внимание: слово «эфемер» на русский язык переводится как «призрак». Растение-призрак! Почему?

Ботаники, работающие в пустыне, называют цветение растений-эфемеров «фейерверком цветения» – настолько быстро, практически на глазах, казалось бы полностью безжизненная, серо-желтоватая пустыня расцветивается потрясающе прекрасным многокрасочным цветочным ковром.

В конце первой декады мая, вместе с другими первоцветами Прикамья астрагал кунгурский выбрасывает стрелки цветоносов, которые тут же увенчиваются кисточками довольно крупных желтых цветков. Опыляется растение пчелами и шмелями. Метаморфоза превращения оплодотворенных цветков в плоды на удивление скоротечна – всего лишь около трех недель. В конце июня уже вполне созревшие коробочки с семенами астрагала легчайшими, почти невесомыми шариками вприпрыжку скатываются вниз по склону горы, раскрываются от легкого соприкосновения с камешками и сыплют вокруг семена. Листья его желтеют и опадают тоже в конце июня. Астрагал торопится завершить цикл

своего развития быстрее чем за два месяца и как бы исчезнуть из поля зрения. Остальное время он копит силы для своей короткой жизни на свету – с лета закладывает цветочные почки для будущего года. Краткость цветения тоже помогает ему выжить в условиях, хотя и схожих с его родиной, но все же не чужих.

Астрагал уникален для нашего края и своим возрастом. Он пришел к нам как вестник времен доледникового периода. С миссией – рассказать о той растительности, климате, ландшафте, какие были в Предуралье несколько миллионов лет назад.

Всего сохранилось около пятисот особей этого древнего цветка. Он изо всех сил держится на крошечном островке каменистого склона, стараясь приспособиться и выжить, чтобы донести и до других поколений свое сообщение из кайнозойской эры – времени, когда еще не было на Земле человека, а было царство растений и животных.

Флора Кунгурской земли

В истории пермского природоведения в одном и том же 1876 году произошли два весьма значительных, связанных между собой события. «Виновником» их обоих был один и тот же человек – сотрудник Казанского университета П. Н. Крылов.

Подводя в университете итоги первому этапу ботанических экспедиционных работ по Пермской губернии, ученый впервые подразделил губернию на четыре растительных области. Названия первых трех из них – альпийской, каменистой и лесной – были достаточно традиционными и хорошо известными как русским, так и зарубежным ботаникам. Но четвертая? Крылов произнес хорошо обдуманное слово: «Всего удобнее назвать ее лесостепной областью», и изложил необходимые аргументы. Во-первых, это достаточно большая по размерам территория, включающая участки Осинского и Шадринского уездов. У флоры этой территории много общего с флорой настоящих степей, можно утверждать, что лесостепь составляет северную окраину степей, развитых южнее – в Уфимской и Оренбургской губерниях. Во-вторых, на этой изученной территории, окруженной почти со всех сторон елово-пихтовыми лесами, в лесных островах почти полностью отсутствует ель и живут многие степные растения. И в то же время это не степь. Значит, самое подходящее наименование этой растительной области – лесостепь. Новое понятие с 1876 года начало свой успешный путь в мировую ботаническую науку.

В трудах общества естествоиспытателей Казанского университета была опубликована интереснейшая книга П. Н. Крылова «О народных растениях, применяемых в Пермской губернии», книга, также многим обязанная Кунгурской лесостепи. Было хорошо проверено, что лекарственные растения из-под Кунгура отличаются особенно сильным лечебным действием. Вот почему Крылов, еще будучи помощником провизора в пермской аптеке, устремил свои самые первые ботанические изыскания в эти края. Как выяснилось при написании книги, из 255 видов

местных лекарственных растений, применяемых в Пермской губернии, наибольший лечебный вклад дают растения, произрастающие в окрестностях Кунгура.

С легкой руки Крылова Кунгурская лесостепь стала своеобразным эталоном лесостепей востока Русской равнины.

С 1886 года основательнейшее изучение флоры приуральских лесостепных островов начинают коллеги П. Н. Крылова по Казанскому университету. После двухлетних исследований заметную в научном мире работу по соседнему с Кунгурским Красноуфимскому лесостепному острову выполнил недавний выпускник Пермской классической гимназии, студент Казанского университета А. Я. Гордягин – будущий прославленный ученый. На протяжении почти полутора десятка лет лесостепные острова Приуралья и Поволжья пристально изучал С. И. Коржинский – один из самых талантливых отечественных ботаников.

Коржинский – автор ряда фундаментальных ботанических работ, до сих пор сохраняющих свою актуальность. Вот названия лишь двух его основополагающих книг, в обеих помещены обширные материалы по Кунгурской лесостепи: «Северная граница черноземностепной области восточной полосы Европейской России в ботанико-географическом и почвенном отношении», «Флора Востока Европейской России в ее систематическом и географическом отношении». Во многом благодаря этим трудам на Кунгурской лесостепи скрестились исследования и серьезнейшие научные дискуссии многих выдающихся отечественных и зарубежных ботаников, изучающих самые принципиальные вопросы мировой ботанической науки – расположение северной границы чернозема, взаимоотношения леса и степи, связи биогеографических областей с геологической историей региона.

Труды П. Н. Крылова, А. Я. Гордягина, С. И. Коржинского и их коллег по флоре Приуралья и Поволжья позволили Казанскому университету в конце XIX века выдвинуться в ряд самых известных научных ботанических центров Европы. По существу именно учеными Казанской ботанической школы была основана перспективная область естественнонаучного знания – фитосоциология.

Одним из самых ярких представителей новой ботанической школы стал И. И. Спрыгин. На примере далеко опережающих время его научных работ легче очертить вклад уже упомянутых предшественников и учителей Спрыгина. Исследованиями его был переброшен научный мост между ботаниками, изучающими лесостепи Среднего и Южного Приуралья. От этого гораздо более четко обозначились задачи перед специалистами, выясняющими историю Кунгурской лесостепи.

Какой же новый пласт ботанических исследований удалось поднять И. И. Спрыгину?

В Среднем Заволжье, в бассейне рек Сока и Кондурчи, и далее к востоку на территории Башкирского Приуралья, а также и на юго-восток, вплоть до реки Урал, сквозь изреженные покровы каменистых и ковыльных степей на склонах возвышенностей и увалов хорошо различимы коренные горные породы – красные и красноватые мергели, мергелистые глины, песчаники.

Среди растений, заселяющих обнажения этих твердых каменистых пород, – изящные высокие злаки: ковыли и тонконоги, очень красиво цветущие копеечники, остролодочники и астрагалы из семейства бобовых, скромные с крошечными цветками тимьяны, низкорослые осоки и многие другие виды преимущественно южной степной флоры. Казалось бы, в точности те же самые цветы живут и в смежных участках островных степей лесостепной зоны, но сосредоточенный взгляд Спрыгина на растения отметил их удивительные различия в соседних каменистых степях.

Как известно, степные травы от всех других растений отличаются тем, что произрастают на почвах или каменистых субстратах, обогащенных известью. Издавна растения на известковых почвах ботаники называли калькофильными, то есть любящими кальций. И вот, все калькофильные растения, или калькофиты, востока европейской части нашей страны Спрыгин подразделил на три различных категории: растения, обитающие на мергелисто-глинистых породах татарского яруса пермской геологической системы, на известняках и доломитах каменноугольной и пермской систем и на мелах так называемого мелового геологического периода.

Благодаря такой дифференциации калькофильных растений, в начале 30-х годов двадцатого столетия ученый открыл среди степных просторов Среднего Поволжья и Приуралья новый волго-уральский центр видообразования растений на специфических горных породах, возникших в пермский геологический период.

По мнению Спрыгина, значительное развитие по берегам Средней Волги и ее приуральских притоков твердых каменистых пород татарского яруса, сильно насыщенных известью, обусловило и особенное распределение лесных и степных растительных ассоциаций, и особый облик флоры в составе этих ассоциаций.

Многолетняя тщательная экспедиционная работа помогла Спрыгину обнаружить настолько далекое продвижение на север южных и юго-восточных степных растений именно по выходам известьсодержащих пород татарского яруса пермской системы, что ученый просто не мог не сделать очень смелого заключения: геологическая аномалия неизбежно повлекла за собой и аномалию растительную, флористическую. Он отметил здесь образование и новых видов, и новых разновидностей, и новых рас растений.

Исследования на стыке геологии, ботаники и зоологии показали: изучаемая аномальная территория потому и аномальная, что еще в пермский геологический период она представляла собой район древнейшей суши – огромный водораздельный массив, не покрывавшийся морем с конца пермской эпохи до эпохи верхнетретичной. Столь длительное стояние суши обеспечило необходимый разбег эволюции растительного царства и продолжительное влияние определенных геологических условий на развитие растительного покрова Среднего Поволжья и Приуралья. Таким образом, Спрыгин впервые в истории отечественной ботаники наметил границы нового евразийского волжско-уральского центра видообразования, связанного с распространением отложений татарского яруса пермской системы и оказавшего весьма значительное влияние на заселение растениями Западной Сибири.

В работе, посвященной этой проблеме, – «Выходы пород татарского яруса пермской системы в Заволжье как один из

центров видообразования в группе калькофильных растений» – Спрыгин о своем отношении к новому открытию написал следующие строки: «Видообразовательная роль меловых обнажений после всей полемики, которую вызвала в нашей литературе меловая флора, мне представляется вполне доказанной. В. И. Талиеву удалось только установить связь некоторых меловиков с исходными формами, от которых, возможно, первые ведут свое происхождение, и существование промежуточных форм между теми и другими. Несомненно, что растения, попадая на меловой субстрат и встречая новую среду, новые условия, должны были претерпеть изменения и дать новые формы. Менее счастливой в отношении изученности оказалась растительность, обитающая на выходах твердых каменистых пород татарского яруса. Мною начата эта работа лишь с осени 1933 года, потребуется, несомненно, много времени на ее выполнение. В виду возможности продолжительной отсрочки для окончания работы и опубликовывается настоящая заметка».

К сожалению, Спрыгин так и не успел закончить свою новаторскую работу. Похоже, ученый предчувствовал, что не успеет, и завершил цитируемую статью такими строчками: «Существование обособленных рас на указанных выше трех категориях карбонатных пород Заволжья и Приуралья... ставит необходимым при обработке данной темы не ограничиваться изучением форм, свойственных только породам татарского яруса, и произвести ревизию флористического материала, собранного на всех трех категориях карбонатных пород Поволжья и Приуралья...».

Таким образом, Спрыгин дал приуральским ботаникам прекрасный новый исследовательский ключ, пригодный и для изучения Кунгурской лесостепи, в пределах которой и на смежных территориях широко известны местообитания растений на известняках пермской и каменноугольной систем.

Более всего для изучения калькофильной флоры Среднего Урала сделал ботаник из Пермского университета А. Н. Пономарёв. Он не только самым тщательным образом изучил флору известняковых и гипсовых обнажений по берегам рек Сылвы, Чусовой, Усьвы, Косьвы, Вишеры, Колвы, Камы,

но неоднократно выезжал для аналогичных изысканий на Голубцовские горы, горы Сугомак и Егоза в Челябинской области.

Пономарёв первым в нашем крае обратил внимание, что Черниковский бор на Подкаменной горе, а также и многие другие сосновые боры на восточной окраине Кунгурской лесостепи представляют собой особый, наиболее первобытный тип сосновых лесов Прикамья. Все присылвенские сосняки на вершинах известняковых скал совсем не похожи на те привычные каждому пермяку сосновые боры, покрывающие песчаные террасы камской долины. Оказалось, на севере Кунгурской лесостепи лучше всего сохранились островки древних сибирских осветленных сосновых лесов, произраставших в плейстоценовую геологическую эпоху среди холодных, сибирских по своей природе, лесостепей южного края евразийской приледниковой области. В нынешней Кунгурской лесостепи горные сосняки, писал Пономарёв, «воскрешают растительные ландшафты Сибири и являются далеким, едва уловимым отголоском плейстоценовой сосново-лиственнично-березовой лесостепи Крашенинникова».

Дальнейшие исследования Пономарёва показали удивительную близость флор известняково-гипсовых обнажений Кунгурской лесостепи и Пинежско-Кулойского лесостепного острова вблизи юго-восточного побережья Белого моря. Ученый в своих работах вспоминал написанные еще в 1914 году слова ботаника Д. Литвинова о том, что флора и растительность на берегах северных рек Пинеги и Кулоя очень напоминают лесостепи Пермской и Уфимской губерний. Вот на какое огромное расстояние простиралось влияние приледниковой сибирской флоры, расселявшейся через Урал в северо-западную Европу. Флористические закономерности и масштабы этого влияния были всесторонне охарактеризованы Пономарёвым.

Ученому принадлежит также честь первой, исключительно тщательной оценки влияния на флору Кунгурской лесостепи миграционных потоков растительности Западной Европы, Причерноморья и Прикаспия. Пономарёв подчеркнул, что сибирская и европейская миграции растений

на Урал происходили в разное время, что влияние европейской флоры было наибольшим в эпоху постледникового потепления.

Пермская ботаника очень многим обязана Пономарёву. Поднятые им проблемы истории прикамской флоры оказались в фокусе многих современных исследований, однако пока все еще недостаточных для решения многих ботанических загадок нашего края. Путь к новым ботаническим экспедициям по Прикамью открыт.

Из книги С. И. Коржинского
«Флора Востока Европейской России
в ее систематическом и географическом отношении».
Томск, 1892

Слабая сторона огромного большинства флор Западной Европы состоит в том, что авторы их вообще смотрят слишком с узкой, односторонней точки зрения на предмет своего исследования. Общие вопросы ботанической географии при этом мало или совсем не имеют в виду. Во всякой другой области науки для учёного, изучающего какой-либо вопрос, считается обязательным сопоставлять свои результаты с данными, полученными другими исследователями, рассматривать и оценивать их с точки зрения тех или других теоретических воззрений.

В области флористики это не только не считается обязательным, но даже вообще не принято. Все внимание устремляется исключительно на изложение фактов. И при этом в большинстве случаев, собирая со скрупулезной тщательностью все, даже самые незначительные мелкие факты, относящиеся до флоры изучаемой им провинции или области, флорист уже не обращает ни малейшего внимания на явления, имеющие место в окружающих странах. Такое ограничение кругозора ведет неминуемо к утрате критерия для научной оценки фактов. Мелочные детали занимают первое место; более важные стороны, имеющие глубокий смысл, остаются в тени.

Вот почему из всей колоссальной флористической литературы сравнительно немногие произведения

имеют серьезное научное значение. Все же остальное представляет сырой материал, груды фактов, не одухотворенных, не связанных творческой мыслью.

Для того, чтобы наши показания получили силу и убедительность, необходимо постоянно сравнивать их с явлениями, наблюдавшимися в других странах, и рассматривать их с общей теоретической точки зрения. Только тогда мы будем иметь возможность произвести строгую научную оценку полученных нами результатов и отвести всем фактам соответствующее их значению место. Только тогда предстанут перед нами темные стороны вопроса, откроются такие явления, которые бы остались без этого незамеченными. Таким образом, личные исследования необходимо должны идти параллельно с глубоким изучением литературы.

Но те основные вопросы, намеченные нами, еще не исчерпывают всех задач, которые возникают в пытлимом уме при исследовании растительности той или другой страны. Решение их дает только абрис флоры, только мертвый, безжизненный облик ее, соответствующий данному моменту.

Между тем флора каждой страны есть нечто живое, нечто, находящееся в вечном движении, подверженное непрерывным, постоянным превращениям, имеющее свою историю, свое прошедшее и будущее.

Идеальным требованиям удовлетворило бы то произведение, которое, начертив точную современную картину растительности той или другой области или страны, представило бы вместе с тем все данные для понимания ее происхождения; а с другой стороны, все представляемые факты этой флорой рассматривало бы с точки зрения вопросов общей истории растительного царства.

До настоящего времени, сколько мне известно, ни один ученый при описании флоры какой-либо страны не имел в виду подобной задачи; и нужно сознаться, что при современном уровне знания она едва ли и может быть удовлетворительно выполнена. Но во всяком случае ее можно иметь в виду и с этой точки зрения собирать и взвешивать факты, стремясь по мере сил и возможности приблизиться к достижению намеченной цели.

Эта именно тенденция положена в основу моего труда.

В этой работе, кроме тех данных, свод которых и составляет всегда сущность произведений этого рода, я тщательно собираю и анализирую факты, которые могут служить для решения двух главных задач, именно: 1) систематического изучения всех рас, с точки зрения степени их обособленности и происхождения, и 2) изучения площади обитания и центров распространения видов, составляющих своей сложностью флору изучаемых нами областей. Каждая из этих задач настолько обширна, что может быть предметом самостоятельного исследования. Но, с другой стороны, они тесно связаны между собой и с той тенденцией, которую я положил в основу моего труда. Решение этих вопросов относительно каждого вида из растений, населяющих нашу область, даст, в конце концов, полную картину формирования и происхождения ее флоры.

Пермская школа биологов

В 1916 году шефство над новорожденным Пермским университетом взял Петроградский университет, который направил на Урал группу талантливых молодых ученых. Первые лекции по разным разделам биологии прочли профессора: гистолог А. А. Заварзин, ботаник А. Г. Генкель, зоолог Д. М. Федотов. В 1917 году профессором университета стал физиолог растений А. А. Рихтер, основавший ботаническую лабораторию. Созданный А. Г. Генкелем ботанический кабинет, а затем и кафедра ботаники приняли от П. В. Сюзева большой гербарий флоры Среднего Урала. Несколько позже Генкель основал при университете ботанический сад. Для университета были приобретены библиотеки выдающихся русских биологов А. С. Фаминцына и Х. Я. Гоби.

Большинство биологов первого состава, обладая высокой культурой и универсальными знаниями, были настоящими учеными-исследователями и замечательными педагогами. Именно они сформировали Пермскую биологическую школу, определили ее неповторимое лицо. Главными характерными чертами этой школы явились исторический общебиологический подход и связь фундаментальной науки с комплексными прикладными исследованиями. Быстрому развертыванию и росту пермской школы биологов способствовало создание в 1921 году при университете Биологического научно-исследовательского института, включившего в свою широкопрофильную (из восьми секций) структуру ранее созданные Камскую биологическую станцию и ботанический сад. Выпуск биологическим институтом с 1922 года «Бюллетеня», с 1923 года – «Известий» и с 1927 года – «Трудов БиоНИИ», широкий отечественный и международный обмен этими изданиями существенно помогли распространению первых научных достижений пермской биологической школы и дальнейшей кристаллизации в этой школе фундаментальных работ самого высокого теоретического уровня.

Главными теоретиками школы бесспорно можно назвать А. А. Заварзина и А. Г. Генкеля, работавших в университете с 1916 по 1923 и после 1927 года, В. Н. Беклемишева,

преподававшего с 1918 по 1931 год, А. А. Любищева, жившего и работавшего в Перми с 1921 по 1926 год. Всех этих исследователей отличала особая склонность к фундаментальным разработкам единой системы взглядов на развитие органического мира на всех уровнях его организации – от молекулярного до популяционного и биогеоценотического. Исследованиям родоначальников пермской биологической школы предшествовали важные события в развитии отечественной биологии.

В 1920 году на третьем Всероссийском съезде селекционеров молодой саратовский биолог Н. И. Вавилов рассказал об открытом им законе гомологических рядов в наследственной изменчивости. Этот закон, названный участниками съезда «вавилонской периодической системой», утвердил соответствие рядов наследственной изменчивости у генетически близких видов и родов организмов. На основании изучения и сравнения морфологических признаков злаковых, бобовых, тыквенных и других растений Вавилов определил, что изменчивость организма идет параллельными линиями и подчиняется общему закону, который впоследствии был сформулирован как закон сохранения сходства генов, хромосом и всего генетического аппарата в ходе эволюции организмов самых разных таксонов. В 1924 году сподвижник Вавилова Ю. А. Филипченко посвятил анализу его закона статью «О параллелизме в живой природе», где выделил три типа параллелизма – генотипический, экотипический и морфологический. Этой статьей Филипченко по существу выделил явление параллелизма в качестве одной из самых главных характеристик эволюции органического мира.

Используя материалы по параллельной изменчивости и придавая основополагающее значение явлению параллелизма в эволюции живой природы, другой выдающийся российский ученый академик Л. С. Берг обосновал закон направленной органической эволюции и выпустил в 1922 году главную свою книгу «Номогенез, или Эволюция на основе закономерностей», где наряду с параллелизмом в природе подчеркнул значение конвергенции, то есть эволюции при ограниченном числе возможностей. Таким образом,

общебиологическая концепция об основных факторах эволюции в живой природе существенно обогатилась и стала включать не только свободно ветвящиеся (дивергентные, расходящиеся) эволюционные пути, но также и параллельные, и конвергентные (сходящиеся).

Поскольку выявление важнейшей роли параллелизма и конвергенции в эволюции земной жизни нуждалось во всестороннем обосновании, особенно с точки зрения разработки общебиологической основы этого круга явлений, соответствующие исследования необычайной сложности и трудоемкости взяли на себя биологи молодого Пермского университета.

В 1923 году в статье «О форме естественной системы организмов» и последующих работах А. А. Любищев впервые подразделил систему животного и растительного мира на три основные подсистемы, объясняющие существование радиально расходящихся, параллельных и сходящихся, соприкасающихся путей органической эволюции. Преодолевая ограниченность и односторонность гипертрофированного иерархического принципа при создании новой биологической систематики, Любищев предложил руководствоваться еще двумя равнозначными принципами: комбинационным и коррелятивным.

Одним из первых биологов-дарвинистов к поиску причин возникновения тесного совместного существования организмов обратился А. Г. Генкель. Пристально интересуясь этой проблемой с 1901 года, ученый многократно обсуждал ее вместе со своим учителем Х. Я. Гоби и в 1924 – 1925 годах разработал новые содержательные схемы классификации явлений симбиоза. Исследования А. Г. Генкеля по симбиозу были впоследствии углублены и развиты его сыном – известным физиологом растений П. А. Генкелем.

В 1923 году А. А. Заварзин открыл принцип параллелизма тканевых структур, а в 1925 году опубликовал статью «Параллелизм структур как основной принцип морфологии» и сделал по этой теме доклад на Втором всесоюзном съезде зоологов, анатомов и гистологов в Москве. Ученый дал четкие формулировки законов параллелизма и расщепления признаков тканевых структур, позволившие отразить общие

универсальные особенности организации и усложнения тонких структур многоклеточных животных. Работы Заварзина не только превратили гистологию – науку о тканях – из вспомогательной области медицины в важную общебиологическую дисциплину, но и способствовали утверждению параллелизма как круга явлений на всех уровнях организации жизни.

В 1925 году монографию «Морфологические проблемы животных структур» опубликовал В. Н. Беклемишев, всю свою жизнь друживший и близко сотрудничавший с Любищевым, всегда ему помогавший в разработке единой системы взглядов на развитие органического мира. По мнению Беклемишева, именно естественная система является вершиной биологического исследования, результатом полного и всестороннего обзора удивительного многообразия структур организмов – тканей, органов и животных. Итоги своим общебиологическим изысканиям в пермский период жизни ученый подвел монографией «Основные понятия биоценологии».

В рамках общебиологической школы в Пермском университете сформировались три очень своеобразных по содержанию направления – зоология беспозвоночных, биология водоемов и ботаника. Каждое из этих направлений имело свои научные традиции.

В числе работавших в Перми самых крупных специалистов по зоологии беспозвоночных – ученые-энциклопедисты В. Н. Беклемишев и А. А. Любищев, зоолог-теоретик, автор выдающейся монографии «Эволюция и филогения беспозвоночных животных» Д. М. Федотов, известнейший знаток паукообразных, создатель особой научной школы пермских арахнологов Д. Е. Харитонов, знаменитый ученый, медицинский паразитолог Ю. Г. Митрофанова и другие.

По биологии водоемов очень активно и успешно работали гидробиолог А. О. Таусон, один из самых лучших ректоров университета А. И. Букирев, создатель ихтиологического направления в университете М. И. Меньшиков и другие естествоиспытатели.

Характеризуя историю пермской университетской ботаники в год ее пятидесятилетия, А. И. Пономарёв выделил

три периода и три пути развития в Перми ботанических исследований: альгологический, то есть изучение низших растений, начатое в 1916 году А. Г. Генкелем, геоботанический, связанный в основном с деятельностью в университете В. И. Баранова, и эколого-биологический, основанный самим Пономарёвым. К первому периоду университетской ботаники относятся исследования флоры и растительности Прикамья, Урала и Западной Сибири, опирающиеся на основополагающие труды П. Н. Крылова, С. И. Коржинского, А. Я. Гордягина, П. В. Сюзёва, К. Н. Игошиной, П. Н. Красовского, В. А. Крюгера и других пермских ботаников. К этим работам непосредственно примкнули и ранние два десятка самых обстоятельных статей А. Н. Пономарёва по флористике, экологии и географии растений, в том числе и исследования вопроса о происхождении степного элемента во флоре Урала – глубокие ботанические изыскания, навеянные трудами Д. И. Литвинова и И. М. Крашенинникова.

Десятилетие за десятилетием от Пермского университета, от его биологической школы так или иначе отпочковывались общебиологические, зоологические и ботанические подразделения пермских педагогического, медицинского, фармацевтического институтов, научно-исследовательского института вакцин и сывороток, академического института экологии и генетики микроорганизмов. Ветвились и множились новые научные школы: микробиологическая, микологическая, орнитологическая и другие. В настоящее время все они содержат немалый потенциал для дальнейшего успешного развития в Перми не только вузовской науки, но и для новых академических учреждений биологического профиля Пермского научного центра Уральского отделения Российской Академии наук.

Древности пермской чуди

Н. В. Гоголь первым в России провозгласил поэтическую идею необходимости «путешествий» человека по истории, необходимости приобретения драгоценных для каждого ощущений и переживаний включенности в исторический процесс. И вслед за давним интересом к древностям античной истории в обиход общественной жизни начал входить интерес к богатейшему наследию истории российской. В университетах были начаты чтения курсов лекций по русским древностям, напечатаны первые книги на эту тему. Словосочетание «русские древности» пришло на смену и вобрало в себя такие, в какой-то мере аналогичные по смыслу термины петровских времен, как «древние антикваритеты», «раритеты» и «куриозные вещи», «к древности принадлежащие бугровые», «могильные» и «в недрах насыпей» вещи.

Долгое время все некогда жившие на территории Пермского Прикамья народы пришлым населением назывались не иначе как «чудскими» или, попросту, «чудью». Название это закрепилось на ними, вероятно, еще в дописьменный период, во всяком случае в IV веке нашей эры готский историк Иордан называл в числе финских народов Европейского севера мерю, мордву и чудь. В Первоначальной летописи первый русский летописец упоминал Заволочскую чудь и называл ее ближайших соседей – пермь, печору и югру. Новгородские летописи XI–XII веков выделяли чудь поморскую, чудь в Клину, чудь на Бору, а несколько позже рассказывали о том, что чудь, добывая себе пропитание охотой и рыбной ловлей, разводя домашний скот и обрабатывая землю, пребывала в язычестве и поклонялась зверям, деревьям, огню и золотой бабе. И еще позже в различных письменных источниках, вплоть до XVII столетия уже говорилось, что чудь жила раньше и вся «перевелась». «Перевелась», скорее всего, в том смысле, что перешла из язычества в христианство, по существу растворилась в активной русской переселенческой среде.

Упоминания о «чудских городках» и «чудских селищах» сохранились в первых переписях населения Перми Великой,

проведенных в 1579 году И. Яхонтовым и в 1623 – 1624 годах М. Кайсаровым. В третьей четверти XVIII века в трудах академических экспедиций по Уралу и Приуралью Паллас, Лепёхин, Георги и Рычков описали такие своеобразные «древности камской чуди», как «чудские копи».

Интересны характеристики древнего народа в академических книгах. Приведем, к примеру, выдержку из трудов академика П. Палласа, впервые сообщившего о чудских копиях в 1770 году и дополнившего эти сведения в 1772 году: «На всех богатых рудой местах при Уральском горном хребте находятся такие старинные, от неизвестного, весьма прилежно горную работу производившего народа происшедшие и нарочито глубоко вырытые шахты, штольни и ширфы (шурфы), да и по сим же старинным следам, которые известны под именем старых или чудских копей, найдены самые лучшие нынешние рудники в Оренбургской губернии».

Палласу в том же 1772 году вторил И. Лепёхин: «Все рудопромышленники единогласно уверяют, что жившая тут «чудь» только самую лучшую руду отбирала...» Еще через три года подробно рассказал о некоторых камских и чусовских древних городищах И. Г. Георги. И, наконец, впервые привел планы чудских городищ Н. П. Рычков.

В 1810 году советник хозяйственного отделения Пермской казенной палаты В. Н. Берх обследовал Урольское селение, начал раскопки Пянтежского городища, в 1818 и в 1819 годах раскопал Урольское и Искорское городища близ Чердыни. Сразу же после первых в истории Пермского края археологических раскопок в журнале «Сын Отечества» было опубликовано берховское «Письмо к одному знаменитому любителю российской истории о следах русских древностей в Пермской губернии», а еще два года спустя в Петербурге вышла книга того же автора – «Путешествия в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей». Этими работами Берха пути к изучению уникальных пермских древностей были раскрыты для других многочисленных исследователей. В 1841 году журнал «Отечественные записки», издаваемый Андреем Краевским, опубликовал серьезное извлечение из дорожных записок П. Мельникова. В разделе «Пермские древности» писатель подробно расска-

зывал о результатах своего визита к управляющему пермского строгановского имения Ф. А. Волегову. В мельниковском очерке были приведены описания 27 старинных городищ и 55 «древних вещей биармийских, найденных у чудского городища, что на Масляной горе».

В 40-е годы XIX века Строгановы разослали по своим обширным имениям циркуляры с требованием присылать в Петербург все «любопытные и изящные предметы» из разряда самых интересных древностей. Еще и по этой причине представленная Мельникову волеговская коллекция пермских древностей умножалась. Самые ценные образцы этой коллекции были отправлены Волеговым в Петербург и впоследствии образовали знаменитую коллекцию Пермских древностей Государственного Эрмитажа. Впрочем, оставшаяся в Прикамье часть коллекции имела не менее почетную судьбу.

В 1856 году в «Записках» первого в России археологического общества памятникам древности в Пермской губернии посвящено около сорока страниц. Губерния была правильно названа «жилищем разноплеменных народов» с самых древних времен. Примечательно завершение этого труда: «После всех указаний на памятники Пермской губернии приходим к заключению, что страна сия вообще богата различными древностями, а в частности, древний пермский народ, известный теперь под общим именем чуди и обитавший в пределах Пермской губернии, был народ многочисленный, богатый и промышленный, так что вел торговые сношения с отдаленными краями света... Настоящее же и полное значение этого сопредельного с другими племенами народа откроется разве тогда, когда открыты будут подземные его сокровища».

Из книги Э. А. Савельевой, К. С. Королёва
«По следам легендарной чуди». Сыктывкар, 1990

В мифических и героических сказаниях (сагах) древних скандинавов (викингов) IX – XIII вв. часто упоминается легендарная страна на крайнем Северо-Востоке

европейской части нашей страны, славившаяся мехами, серебром и другими богатствами. Скандинавы называли ее Биармией (Biarmaland), а ее жителей – биармийцами (Biarmar). Они торговали с посещавшими их время от времени викингами и поклонялись главному божееству своей страны – Йомале...

Часть историков дореволюционной поры отождествила «Биармию» из скандинавских источников с «Пермью» русских летописей (этноним предков коми), обосновывая это созвучностью этих слов и относительно близким географическим расположением Северодвинского края, Вычегодского бассейна и Прикамья, где обитали предки современных коми и коми-пермяков. Среди них были великий русский ученый М. В. Ломоносов, известные отечественные историки Н. И. Костомаров, Н. М. Карамзин, писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк, занимавшийся археологическими раскопками в Прикамье и собиранием древностей, и другие. В работе «Древняя Российская история» М. В. Ломоносов писал: «Пермия, кою Биармией называют, далече простиралась от Белого моря вверх, около Двины реки, и был народ чудской сильный, купечествовал дорогими звериными кожами с датчанами и другими нормандцами...»

Любопытно, что в числе более тридцати языков, которыми владел великий русский ученый, значился и «пермский» (коми) язык. Скандинавы основными богатствами Биармии считали меха и драгоценные металлы (серебряные монеты, чаши и т. п.). Сторонники Прикамской Биармии считали последнее обстоятельство основным аргументом в пользу своей гипотезы. Ведь еще со времен Строгановых в Прикамье находили массу древних привозных серебряных сосудов иранского происхождения и монет. По археологическим данным, действительно серебряная посуда поступала в первую очередь в Западное Приуралье, где добывали особо ценных пушных зверей (соболей, куниц). В частности, в данном регионе найдено множество кладов с серебряными южными сосудами VIII – XII веков, которые местным населением использовались в быту, в культовых целях или для изготовления украшений.

К сожалению, сведения о Биармии в различных письменных источниках не согласуются между собой и не

позволяют точно определить ее местоположение. Нет пока и археологических данных о былых скандинавских походах на северо-восток Европы.

В современной исторической науке преобладает мнение, что Биармия в представлениях древних скандинавов – это обширный регион, куда они попадали почти всегда морским путем, огибая Кольский полуостров, а затем плыли по Северной Двине. Попытки исследователей соотнести биармов (бьярмов), жителей Биармии, с каким-либо племенем или народом Севера европейской части (с карелами, вепсами, чудью заволочской, предками коми) не увенчались пока успехом. По мнению большинства исследователей (археологов, историков и языковедов), этноним *бьярмы* может быть соотнесен не с каким-то одним народом Севера, а включает в себя ряд финно-язычных племен, проживавших в бассейне Сев. Двины и по соседству с ним. Откуда же произошли термины – названия страны (*Biarmaland*) и народа (*Biarmar*)? Наиболее приемлемой считается гипотеза Д. В. Бубриха, согласно которой эти слова произошли от прибалтийско-финского «перемаа» – «задняя земля, земля за рубежом», т. е. Заволочье. Так карелы и вепсы называли территории к северу и востоку от своих земель. Скандинавы часто передавали финские начальные глухие согласные через звонкие, в результате чего термин «перемаа» в их произношении перешел в «*biarmar*» и обозначал обширные земли Русского Севера, включая Подвинье и Заволочье, населенные родственными финно-язычными племенами («чудь заволочская», «пермь вычегодская» русских летописей).

Серебро пермское, закамское

С незапамятных времен находили на прикамских и прилегающих к ним землях драгоценные серебряные изделия – блюда, чаши, кувшины, кубки, вазы, за которыми закрепилось весьма устойчивое во времени название – «серебро закамское» или «закаменское». Находки в Прикамье древней серебряной посуды были настолько многочисленными, что сбор «серебра и соболи и иные узорочья» в качестве дани местных племен Новгородской феодальной республики вошел в традицию. В разных государственных документах Русского средневековья встречаются упоминания о спорах по поводу этой дани между Москвой и Новгородом. Так, в летописи 1332 года есть относящаяся к московскому князю Ивану I Даниловичу, Калите запись, в которой говорится: «Великий князе Иван приде из Орды и возверже гнев на Новгород, прося у них серебро закамское». В те времена со старинной драгоценной посудой расправлялись беспощадно, переливая ее в прутьевидные серебряные слитки.

Однако в начале XVIII века несколько найденных серебряных блюд были сохранены и поступили в петровскую кунсткамеру. Известный шведский ученый Страленберг, длительное время живший на Урале и собиравший сведения о находках древней серебряной посуды, развивал взгляды Бангерта и других своих скандинавских предшественников о Биармии как богатой и славной стране. Местом ее расположения Страленберг называл пределы Перми Великой и полагал, что древнее серебро завозилось сюда старинным торговым путем, проходившим от Индии к побережью Белого моря через Каспий, Волгу, Каму, Вычегду и Двину.

Дальнейшие исследования этнографов, историков и археологов выявили главные истоки торговли художественным серебром. Например, благодаря отчеканенным на монетах датам и изображениям царей, сходных с изображениями на блюдах, были установлены принадлежность серебряных изделий разным государствам Передней и Центральной Азии и временные границы интенсивной торговли местных племен с этими государствами.

Прикамью, можно сказать, исторически, с точки зрения благотворного соприкосновения с самобытной восточной культурой, повезло в том, что поток южного серебра был столь мощным и относительно устойчивым на протяжении довольно длительного времени. Победа магометанства на Ближнем Востоке и в Средней Азии привела к изъятию из употребления огромного количества серебряной художественной посуды с изображениями живых существ, поскольку мусульманские религиозные традиции категорически запрещают подобную изобразительную стилистику. Вот почему весь этот поток предметов удивительного искусства благодатно выплеснулся на край Евразийского материка в обмен на всегда находившие спрос северные меха.

Среди одних только серебряных сосудов в Прикамье оказались позднеклассические греко-римские, византийские, персидские времен царей Сасанидов, арабские или вообще восточные и, наконец, вообще «варварские». К наиболее выдающимся, наиболее ярким памятникам древних времен были бесспорно отнесены серебряные и золотые сосуды эпохи Сасанидов. Периодом заметного притока южного серебра в Прикамье оказался весьма обширный промежуток времени от III до XIV века нашей эры, причем наиболее оживленными эти торговые связи были в V – VIII веках. В 1878 году известный финский археолог Аспелин подчеркнул значение торговли со Средней Азией не только по великому Волго-Камскому торговому пути, но и по Иртышу. Позже определилось значение и еще одного сухопутного торгового пути через Башкирию, реку Урал и Приаральские степи в Хорезм.

В 1895 году в третьем номере сборника «Пермский край» сын А. Е. Теплоухова Ф. А. Теплоухов выступил со статьей «Древности пермской чуди из серебра и золота и ее торговые пути» и рассказал об использовании древней южной серебряной посуды в языческих святилищах как священных ликов идолов или дисков священных светил.

Вопрос о начале не только сугубо торгового, но общекультурного общения уральцев с ираноязычными народами уходит в необычайно древние времена новокаменного века. Очень обстоятельный исследователь древней культуры Урала, археолог, этнограф и искусствовед В. Н. Чернецов

объединил неолитическое население Зауралья и представителей арало-казахстанской кельтеминарской культуры в единую этнокультурную общность. Взаимодействие финно-угорских и ираноязычных народов зафиксировано также в эпоху бронзы, но более всего проявилось в эпоху позднего железа и средневековья.

С первых веков нашей эры степные кочевники Северного Приаралья были особенно активными в освоении лесостепей, расположенных к северу и северо-западу от Аральского моря. В результате примерно с середины первого тысячелетия новой эры начал формироваться и к рубежу I и II тысячелетий сложился единый Приаральско-Южноуральский территориально-хозяйственный комплекс со специфической межрегиональной системой кочевания. Влияние этого комплекса распространялось на все стороны жизни населения Среднего Поволжья и Прикамья.

К проблеме закамского серебра обращались археологи А. В. Шмидт и О. Н. Бадер. В настоящее время самой большой в мире коллекцией древнего драгоценного серебра обладает Эрмитаж. Основу этой коллекции, которую в целом без особой натяжки можно назвать «Серебро закамское», составляют находки из Прикамья.

Из очерка Отто Николаевича Бадера
«О восточном серебре и его использовании
в древнем Прикамье». В кн. «На Западном Урале».
Пермь, 1951

Нельзя не подчеркнуть богатства и большого своеобразия археологических памятников Прикамья, рано создавших ему в научных кругах всероссийскую, а затем европейскую и даже всемирную известность.

Одной из наиболее ярких и поразительных особенностей археологии Прикамья являются многочисленные находки восточного серебра – блюд, чаш и другой драгоценной посуды, сделанной в Иране, Хорезме, Византии и других странах.

...Находки восточного серебра на Урале являются не только ценным дополнением к археологическим источникам, характеризующим определенный исторический

период в странах Переднего Востока, но отражают и некоторые своеобразные черты местного, уральского населения, которое так усиленно скупало эти драгоценные вещи. И находки последних на Урале говорят не только о его далеких и древних торговых связях, но и о некоторых существенных чертах быта древних уральцев. Думая о значении этих предметов роскоши у первобытного охотничьего населения Урала, заранее приходишь к предположению, что это значение должно быть совсем иным, чем в быту вельмож Персии эпохи Сасанидов или императорской Византии.

Находки восточного серебра в Прикамье были известны ученым уже в XVIII веке. Страленберг пытался тогда обосновать ими существование великого водного торгового пути из Индии в страну Биармию и Белое море. Ту же мысль о существовании древнего пути из Индии в Белое море высказывали в XIX веке некоторые наши историки, считая, что драгоценные сосуды зарывались в землю проезжими купцами и не имели отношения к местному населению. Не подлежит никакому сомнению, что многочисленные находки восточного серебра на Урале никак не могут рассматриваться как купеческие клады, к тому же иноземные. Против этого говорят и безусловно установленные факты бытования этого рода вещей у аборигенного населения Урала.

...Условия нахождения и залегания находок восточного серебра до сих пор остаются неизученными. Лишь арабская посуда найдена всего два раза в могильнике. Сасанидская же посуда вообще ни разу не найдена в раскопках; это исключительно случайные находки при расправке, корчевке пней, вымытые водой, вырытые на огородах и т. п. При этом обнаруженные почти всегда крестьянами, местонахождения не обследовались научно. В результате до сих пор остается археологически не установленным, с какими же крупными памятниками связаны эти находки: с древними поселениями или могильниками, жертвенными местами, святилищами или же в некоторых случаях это действительно клады. Предварительно создается впечатление, что интересующие нас местонахождения в большинстве случаев располагаются не на древних поселениях и не на могильниках, а в стороне от них, в изолированных, относительно глухих пунктах.

В Прикамье, как это видно из сводки, составленной студенткой С. Володиной, из 16 находок, условия которых известны, 13 оказываются выпаханнами. Столь близкое к поверхности залегание, доступное плугу, – и не только современному, идущему за трактором, – говорит против захоронения драгоценных сосудов в кладах, а в соответствии с вышесказанным, за связь их с древними святилищами. По свидетельству одного из авторов XVIII века, Платона Любарских, о чердынских вогулах, «жертвоприношения отправляли они в лесу, на пустынном от жительства отдаленном месте, в кумирницах, сделанных из досок, перед поставленными в оных деревянными болванами». То же наблюдал и Носилов в XIX веке.

Древние святилища, как и в недавнее время, располагались также, надо думать, в стороне от поселений, в скрытых местах. Будучи рано или поздно заброшены и все же оберегаемы суеверной традицией, они медленно разрушались, их надземные атрибуты – в том числе металлические сосуды и прочие драгоценные предметы – падали на землю и, покрываясь листвой, хвоей и перегноем, оказывались в почвенном слое.

Однако высказанное предположение требует тщательной проверки. Отсюда вытекает важность систематического археологического изучения все новых, а может быть, и некоторых старых местонахождений.

Пермские всадники

В 1950 году в журнале «Вестник древней истории» известный археолог А. В. Збруева поместила статью «Пермский всадник», в которой рассказала о былом существовании среди народов Прикамья образа бога-всадника. И все-таки тему пермских всадников, возможно, правильнее начинать с работы выдающегося уральского археолога А. В. Шмидта «Туйский всадник». Туйский – по названию речки Малый Туй, что течет в районе нынешней Добрянки. В долине этой речки полтора века тому назад была найдена бронзовая фигурка сидящего в седле всадника. Как написал Шмидт, «всадник представляет в мире пермских древностей явление из ряда вон выходящее. Аналогии ему совершенно нет».

Необычны прежде всего даже размеры отливки – 12,7х8,8, 8,8х4 см, то есть намного превышающие все размеры изображений каких бы то ни было всадников в местном культовом рельефном литье. Подробности фигуры всадника также удивительны. Всадник бородат, усат, длинноволос, у него округлое лицо, торчащие уши, круглые, широко раскрытые глаза, толстые губы, небольшой, расширяющийся книзу нос. Одет он в тесно охватывающий тело подпоясанный кафтан с длинными рукавами и оторочкой, обут в мягкую обувь выше колен. Об этом всаднике писали П. Мельников, И. Аспелин, Ф. Теплоухов, А. Спицын и многие другие. Но А. Шмидт ввел в рассмотрение проблемы происхождения всадника столько необычных аспектов, что этим его объемистым очерком была открыта новая страница в изучении древней истории Урала – период его систематического археологического изучения.

В статье «Пермский всадник» Збруева обратила внимание, что на найденных в Пермском Прикамье серебряных блюдах чаще всего встречается, вероятно, более всего излюбленный местным населением сюжет царя-всадника, изображенного очень тщательно в окружении разных зверей, которых он поражает мечом, копьём или стрелами. Такой мотив изображений на серебряных блюдах распространен в Приуралье на

территории расселения богатого и сильного племени, дольше всего сохранявшего традиции древней ананьинской культуры. Эта культура, развивавшаяся в VIII – III веках до новой эры, открыла в Приуралье эпоху обработки железа. Важным ее отличием от предшествующих и от многих последующих культур было заметное преобладание лошади в хозяйстве, крупный же рогатый скот был явно на втором месте.

Например, приводятся данные о том, что на Концегорском селище количество лошадей составляло более 34 %, а численность крупного рогатого скота – 28 % всех особей домашних животных. По мнению Збруевой, племя, сохранившее в своих ананьинских корнях излюбленный образ всадника, вело главную торговлю с Ираном и Средней Азией, откуда оно получало серебряные блюда и другие сосуды. Вероятнее всего, это племя и явилось предком нынешних коми-пермяков, у которых к лошади тоже совершенно особое отношение. Очень многие предания коми-пермяцкого народа посвящены белым, серебряным и другим коням и всадникам в островерхих шапках. Причем некоторые кони из преданий крылаты и опускаются на землю не иначе, как встав на четыре древние серебряные блюда.

Известный уральский археолог В. А. Оборин обратил внимание, что заметное усиление роли скотоводства и выход его на первое место среди всех других отраслей хозяйства племен ломоватовской культуры, были в значительной степени обусловлены изменением географической среды. В период существования ломоватовской культуры, то есть в IV – VIII веках, и географы, и археологи отмечают потепление климата и продвижение к северу зоны степей и лесостепей. Собственно и само рождение ломоватовской культуры связано с проникновением с юга в Северное Прикамье угорских скотоводческих племен.

Оборин подчеркивает, что очень важным моментом развития коневодства в Северном Прикамье стала уникальная способность лошади, в сравнении со всеми другими домашними животными, самостоятельно добывать себе корм из-под снега.

Особая привязанность коми-пермяков к лошадям не была утрачена и в последующие столетия. По исследованиям

Оборина, даже в XI и XII веках новой эры количество лошадей в стадах коми-пермяков было еще очень велико и немногим уступало числу их в стадах дьяковской и ананьинской культур. В эти же века в Древней Руси лошадь составляла не более десятой части стада домашних животных.

В историко-этнографическом очерке казанского историка, ботаника и этнографа И. Н. Смирнова «Пермяки» приводятся некоторые данные из исландских саг, позволяющие судить о южных границах Биармии по норманским представлениям. Сообщается о том, как Святополк, разбитый братом своим Ярославом в борьбе за киевский престол, бежит в Биармию и возвращается оттуда к Киеву с войском, состоявшим из биармийских всадников.

Проблема пермских всадников давно уже поставлена, но, конечно, еще не совсем изучена и обещает, как, впрочем, и вся пермская археология, новые открытия.

Из книги Э. А. Савельевой, К. С. Королёва
«По следам легендарной Чуди». Сыктывкар, 1990

К редким, но чрезвычайно интересным украшениям костюма относятся круглые бляхи с изображением всадника на коне. На территории Коми республики известно девять таких блях, из них восемь найдено на Выми, одна – на Лузе. Из девяти блях – две бронзовые, остальные – серебряные. Они круглые, диаметром от 5,5 до 6,5 см, за исключением одной, диаметр которой 3,5 см. Все бляхи являлись подвесками. Судя по имеющимся материалам, они являлись атрибутом мужского костюма. В центре всех блях изображен скачущий на коне всадник в сопровождении животных и птиц. Однако по композиции изображения бляхи заметно различаются между собой. Они изготовлены разными мастерами, в разных мастерских. По иконографическим и композиционным признакам бляхи можно разделить на четыре группы. К первой относятся две бляхи с изображением всадника на коне, держащего в руке меч. Ко второй группе – медальон с изображением круглоголового; в композицию входят две птицы, расположенные слева и справа от головы всадника, и животное под мордой коня,

очевидно, собака. К третьей группе относятся две бляхи с изображением охотничьей сцены. На той и другой бляхах изображен всадник на коне в окружении солярных знаков, животных и птиц. На одной бляхе изображены два животных (собака или медведь и лиса), водоплавающая и ловчая птицы, на другом – три животных (собака, лось или олень и куница или соболь), водоплавающая и ловчая хищная птицы, а также рог в левой руке всадника. К четвертой группе относятся три бляхи, объединенные сюжетом охоты с ловчей птицей. Четко выделяется посадка птицы на указательный палец правой руки. На одной из блях этой группы три птицы, кроме ловчей, представляют собой объект охоты.

Прежде всего следует отметить, что все медальоны, за исключением, пожалуй, одного, являются привозными. Один имеет древнерусское происхождение, другие попали на берега Выми из Волжской Булгарии и Средней Азии.

Булгарские мастера, изготовлявшие подобные медальоны, учитывали потребности и вкусы соседнего финно-угорского населения. Конь в представлениях не только финно-угорских, но и тюркских, монгольских, индоиранских народов являлся символом солнца, небесного мира. Он был связан с богиней природы – матерью всего сущего. Связь коня с солярным культом проявляется прежде всего в том, что медальоны круглые – то есть всадник вписан в круг. На четырех бляхах по бокам головы всадника изображены астральные символы – луна и солнце, на одном солнце и луна изображены в виде птиц, парящих над головой всадника, на другом над крупом коня изображено солнце, на третьем – полумесяц рогами вниз. На двух медальонах изображена утка, считавшаяся у коми прародительницей мира, на трех – собака, которая по представлениям древних считалась существом, восходящим из мира воды.

Таким образом, рассматриваемые бляхи, на которых изображен небесный всадник, являвшийся, по представлениям наших предков, лесным божеством, покровителем охотников, являлись ритуальными предметами, связанными с культом охотничьей магии. В них нашли отражение и сложные космогонические представления

древних коми о трех мирах (верхнем, среднем и нижнем), вертикальном строении вселенной, отразившиеся в концепции мирового дерева. Две птицы по бокам головы всадника – также отражение двух птиц у мирового дерева. Концепция о трёх сферах мироздания является универсальной мифологической моделью строения вселенной. Распространение блях с изображением всадника на обширной территории и использование в качестве культовых предметов объясняется сходством религиозных, в частности космогонических, представлений у различных народов мира.

Пермский звериный стиль

«Пермский звериный стиль – своеобразное и загадочное искусство», «самый загадочный род памятников Чуди..., самое таинственное во всем «Чудском наследстве», «Пермский звериный стиль – самобытное историческое и художественное явление». Можно приводить еще множество восхищенных, раздумчивых, вопросительных и других определений Пермского звериного стиля, с которых начинаются и которыми кончаются десятки посвященных ему книг и статей.

Искусство Пермского звериного стиля – это в основном искусство изготовления причудливых бронзовых бляшек и других украшений – детище ананьинской культуры, вобравшей в себя как местные художественные традиции бронзового века, так и художественные достижения кочевнических сибирской и скифской культур. Новое искусство, возникшее в результате органичного проникновения друг в друга лучших северных и южных изобразительных решений, получило удивительное свободное, широкое развитие на протяжении всего первого тысячелетия новой эры вплоть до XII – XV веков. Расцвет этого искусства приходится на ломоватовскую эпоху.

Через всю эпопею исследования пермских древностей, в том числе и Пермского звериного стиля, идет история создания и пополнения уникальной археологической коллекции Ф. А. Волегова, А. Е. и Ф. А. Теплоуховых. Так или иначе изучая ее, в загадки Пермского звериного стиля пытались проникнуть, помимо первооткрывателей коллекции, такие видные общественные деятели и ученые, как П. Мельников, И. Толстой, Н. Кондаков, Д. Анучин, Я. Аппельгрэн-Кивало, И. Смирнов, А. Спицын и многие другие исследователи. В 1890 году в Перми был создан научно-промышленный музей, в который было передано волеговско-теплоуховское собрание археологических раритетов. После Октябрьской революции драгоценную коллекцию пристально изучал уральский археолог А. В. Шмидт, создавший в музее археологический отдел и ставший его первым заведующим. В 1921 году А. В. Шмидт прочел в Пермском университете доклад

«Происхождение и развитие некоторых мотивов в искусстве камской чуди», а итоги всей работы по этой теме подвел два года спустя в объемистой рукописи. В сущности, все исследование было посвящено Пермскому звериному стилю, доказательству того, что «эта интереснейшая культурная черта Восточной Европы» возникла «на местной основе, под сильным влиянием восточного серебра». О предметах Пермского звериного стиля А. В. Шмидт написал так: «Наиболее оригинальной их чертой является странное комбинирование животных (и человеческих) фигур с отдельными элементами их тел, например, головами, глазами, крыльями и т. д. Порой эти сочетания полны художественной гармонии, порой сухи и схематичны, но всегда необычны своим замыслом и выполнением».

В дальнейшем Пермский звериный стиль изучали такие известнейшие советские археологи, историки и этнографы, как А. Сидоров, А. Смирнов, А. Збруева, М. Талицкий, В. Чернецов, В. Чарнолусский, Л. Грибова, В. Оборин.

Л. Грибова полагает, что «несмотря на большую литературу по данной проблеме, сущность образов звериного стиля полностью не раскрыта, много в них еще остается загадочного и таинственного, покрытого завесой времени... Основной трудностью в изучении Пермского звериного стиля является неразгаданная сущность сложного зооантропоморфного образа, составляющего основу этого стиля... сложные образы составляют сущность Пермского звериного стиля и являются его загадкой».

Пермский звериный стиль, вполне естественно, включил в свою орбиту таких зверей и в таких изображениях, каких нет в других звериных стилях. Мировоззренческая орбита стиля настолько широка, что претендует на охват как Земли, так и всей Вселенной. С одной стороны, на бронзовых бляшках в образах животных и человека изображены подземный мир, жизнь на Земле и в небе, прошлое, настоящее и будущее, а с другой стороны, в некоторых бляшках воспроизведены Вселенная, смена времен года, движение солнца среди созвездий. И почти везде на бляшках, в центре их собирательный образ: человек, иногда весьма сложный – например, человеко-птице-лось, – размышляющий или, наоборот,

динамичный, стремительный, шагающий, летящий, бесконечное число раз умирающий, гибнущий и снова возрождающийся к жизни. И этот человек в центре мира не только не стремится выделять себя из окружающей жизни, но, наоборот, всячески подчеркивает свое с ней нерасторжимое единство.

Ни в одном зверином стиле мира, кроме Пермского, не обнаружено такого многонаселенного животного подземного царства. В обиходе ученых, исследующих проблемы Пермского звериного стиля, не случайно появилось устойчивое словосочетание «Подземная Пермь». Нередко исследователи теряются, как назвать непонятных животных, изображенных в самом нижнем этаже бронзовых бляшек. В этих монстрах, напоминающих змей, рыб, ящериц, трудно узнать животных реальных.

Обратим внимание на слова одного из самых первых исследователей Пермского звериного стиля Д. Н. Анучина: «можно считать несомненным, что среди приуральской чуди было широко распространено представление о каком-то мифическом звере с некоторыми признаками гада с удлиненной головой, вооруженной рогом и напоминающей отчасти крокодилью или носорожью, с вытянутым туловищем, покрытым чешуями или щитками вдоль спины, и оканчивающимся более или менее коротким хвостом».

Прошло много десятилетий после того, как были написаны эти слова, и палеонтологи обнаружили в Прикамье и в Приуралье останки ящеров Пермского геологического периода именно с такими внешними признаками, которые перечислял Д. Н. Анучин. И значит, встреча чудских народов с этими ископаемыми ящерами произошла гораздо раньше, чем до сих пор предполагалось.

Из разных исторических источников известно, что чудские горняки были непревзойденными геологами. Приведем только две записи академика И. Лепёхина, обследовавшего немало медных рудников и слышавшего от горных специалистов везде одно и то же: «жившая тут «чудь» только самую лучшую руду отбирала» или: «лазя под землей наподобие кротов, отковыривала лучшую руду кабаньими клыками». Речь в этих записях идет о добыче медной руды из пермских

медистых песчаников. Но именно в меденосных слоях этих же самых песчаников сделаны все гораздо более поздние, современные нам находки пермских ящеров.

Таким образом, можно сделать вывод, что отражение подземного мира на бронзовых бляшках, выполненных в Пермском зверином стиле, имеет не выдуманный, а вполне реалистический характер, связанный с высоким качеством чудских горных работ, позволявшим уже в те давние времена выходить на весьма богатые захоронения пермских ящеров. Древняя чудь отнюдь не идеализировала подземный мир, она работала в нем так же серьезно, деловито, как и на земной поверхности. И настолько деловито относилась к ящерам, что изображала человека стоящим на ящере или оседлавшим его. На бляхе одного из Подчеремских кладов на спине небольшого ящера сидят два очень похожих на человека существа. А вот на бляхе, найденной в Удмуртии, длинный, извивающийся ящер с коротким хвостом и короткими трехпалыми лапами оседлан не простым человекоподобным существом, а крылатым. Может быть, этот ящер изображает не только реальное ископаемое животное, но и символизирует причудливо изгибающуюся меднорудную жилу и хорошо понимающего ее подземный путь человека?

Интересно, что многие герои преданий и сказок пермских народов свободно опускаются под землю, путешествуют под землей, а иногда и встречаются там с такими чудесами, которые на земной поверхности не увидишь. Нередко подземный мир представлялся подобным земному, но мир ящеров и драконов остался у человечества с тех пор, когда он встречался с их ископаемыми формами накоротке с кабаньими клыками в руках.

В ломоватовскую эпоху, которая была названа А. А. Спицыным «золотым веком Пермского звериного стиля», металлургия выделилась в особую отрасль хозяйства, своеобразную область профессионального ремесленнического мастерства. Некоторые ломоватовские городища – это центры металлургического производства с весьма продуманно устроенными литейными и кузнечными мастерскими. По мнению многих археологов, ломоватовской эпохой завершается этап первобытнообщинных отношений в Прикамье.

Из статьи О. Уманского «Семь пластин из Чердыни». «Декоративное искусство», 1987, № 9

С конца прошлого века в Эрмитаже хранится коллекция таких пластин. Часть находится в Перми. В 1946 году в г. Чердыни Пермской области были найдены в кладе семь пластин. Они хранятся в местном краеведческом музее.

Известно, что эти культовые пластины Пермского звериного стиля созданы предками коми и удмуртов в районе р. Камы с VII в. н. э.

О них сообщали Лунегов, Грибова, Оборин, но не приводили гипотез семантики. Эти пластины выделяются высокой художественностью и информативностью содержания. Предлагаю свою версию прочтения этих образов плодородия и пантеона.

...Изображения на пластинах из Чердыни имеют сходство с изображением на иранской чаше. Сходство можно объяснить тем, что финно-угры находились в древнейшие времена в тесных контактах с индо-иранскими племенами.

...Попытаемся представить себе пермский пантеон на основе изображений на пластинах.

Верховное божество. Имя происходит от названия неба, воздуха – Ен. Единобожие у коми не имело реальных корней. После единовременного акта творения создатель отдыхает, перепоручив правление миром созданным божествам. Бога отождествляют с солнцем. Атрибуты неба и солнца – орел или лик.

Богиня плодородия. Центральный персонаж всех пластин. Постоянный источник плодородия и благополучия. У коми была Великая прародительница, рождающая мать Кылдысь-инь, как воплощение земли. (Кылдысь – создавать, инь – мать, женщина, рождающее место). У коми была статуя Золотая баба – большая фигура женщины и две малые – мужские. Можно предположить, что это богиня с двумя постоянными мужьями.

Мужское божество плодородия. Славянская пара Перунь и Перперуна имелась и у других индоевропейских народов. Была, видимо, и у пермян. В коми эпосе есть герой Перя-богатырь. В именах индо-европейских богов грозы и плодородия – Парджанья, Перкунас,

Перунь – содержит корень «пер» – действие, направленное вперед. В языке коми много слов с подобным корнем и значением. Перя при христианизации пермян в XIV веке был превращен в святого Илью, подобно славянскому Перуну.

Божество нижнего мира. Преисподняя – место захоронения умерших тел и перехода душ в зародыши новой жизни. Божество этого нижнего мира Омоль считался братом Верховного божества – Ен (ен – сильный, омоль – слабый /коми/). Они составляли активную пару богов, два полюса.

Река жизни является внешней рамкой творения, границей космоса, окруженного хаосом Мирового океана. На пластинах она олицетворялась змеями или рамкой. Зримым путем реки жизни повсеместно считалась радуга – змей. На языке коми радуга называется Ош-камошка (ош – бык, мос – корова, ка – уменьшительный суффикс). Это образ плодородящего бычка, пьющего воду из подземного океана.

Изображения на пластинах составляют картину мира, объясняют круговорот природы, причину плодородия, как его понимали в глубокой древности.

Пермская деревянная скульптура

Пермский звериный стиль и деревянную скульптуру разделяют немало веков. Ломоватовскую культуру сменила родановская, из родановской вышел сложнейший конгломерат народностей Пермь Великой. Новые поколения людей создавали новых богов, но до XIV века на территории Прикамья господствовало язычество.

О чудских идолах неоднократно упоминают те исландские саги, которые посвящены походам викингов в Биармию.

В описании жизни первого христианского просветителя Стефана Пермского языческим божествам посвящены такие строчки: «Баху же в Перми кумиры различнии, а кто может исчести их... Еже суть болваны истуканные, изваянные, издолбленные, вырезом вырезаемые».

Служители православной церкви видели в этих кумирах проявление язычества и воевали с ними огнем и мечом. Несмотря на то, что местные народности приняли христианство, поклонение языческим идолам долго еще не уходило из жизни.

В 1710 году Пётр I особой грамотой предписывал митрополиту Ф. Лещинскому «идолы огнем палить и рубить и капища их разорить». Двенадцать лет спустя последовало запрещение Синода изготавливать скульптурные изображения святых.

Однако Приуралье, а тем более Западная Сибирь были достаточно отдаленными от центра России территориями и, например, вогулы, жившие по реке Конде, еще в 1715 году соглашались принять христианство только в том случае, если их идол будет тоже крещен, освящен и установлен в православной церкви.

В конце XVIII века И. Георги наблюдал идола у чувовских вогул, а П. Мельников-Печерский почти в середине XIX столетия записал рассказ ямщика о множестве обломков идолов в горе Белой на реке Яйве.

Чудские языческие племена поклонялись не только деревянным идолам, но и священным деревьям. Внедряя христианство в Пермь Вычегодской, Стефан Пермский срубил

объект поклонения местного населения «прокудливую березу», а Трифон Вятский в двух десятках километров от Перми – идоложертвенную ель. Иногда вокруг священных деревьев строились специальные часовни, одна из которых сохранялась почти до нашего времени.

Культ деревьев и деревянных идолов у местного коми-пермяцкого населения был настолько развитым, что православная церковь не могла с ним не считаться, и по всему северу Пермской губернии внутрь церквей и часовен негласно вошли деревянные боги. Принимая во внимание датировку самых древних дошедших до нас церковных изваяний, временем рождения пермской деревянной скульптуры принят XVII век. Она появилась из древнерусской деревянной скульптуры, из древнерусских резных икон, но пришлась по вкусу местному населению и поэтому сильно преобразилась. На смену древнейшим сидящим идолам, например, Золотой бабе, пришли Стоящие спасители, наделенные чертами коми-пермяков, вогул, татар и других местных народов и народностей. Нет сомнения в том, что резчиками этих скульптур нередко были сами новокрещенные выходцы из местного населения. Черты самих резчиков и их ближайшего окружения отчетливо проявились в деревянных скульптурах вплоть до деталей одежды.

Нелегко жилось деревянным скульптурам в мире принятых повсеместно церковных установлений. Еще в 1722 году на специальном заседании Синод осудил резные церковные образы: «дерзают истесывати сами неотесанные невежды». Не раз высшие церковные власти пытались провести учет деревянных скульптур в церквях. Так, в 1804 году Пермская духовная консистория при инвентаризации документов о церквях епархии запрашивала и о наличии в храмах «резных образов». Однако местные церковнослужители, чтобы не лишиться верующих коми-пермяков, чаще всего уклонялись от ответов на такие вопросы и задвигали деревянные скульптуры подальше от инспекторских глаз в северные приделы церквей, устанавливали эти скульптуры в полутемных нишах и часовнях.

Некоторые специалисты по древнерусскому резному искусству отмечают, что способствовали сохранению пермской

деревянной скульптуры и сами пермские епископы, среди которых с конца XVII и по начало XVIII века было много уроженцев крайнего Запада России, где деревянная скульптура была гораздо более распространена по сравнению с другими губерниями. Поэтому, несмотря на указ Синода от 1832 года, категорически запрещающий статуи в православных храмах, они могли сохраниться если не в самих храмах, то на колокольнях и в часовнях до самого начала нашего столетия.

В 1902 году был поднят вопрос о необходимости создания художественного отдела при Пермском научно-промышленном музее. Председатель совета музея П. Н. Серебренников выехал за ассигнованиями в Петербург в министерство финансов и обратился через газеты за помощью к населению и различным учреждениям. Пермский музей был уже широко известен своей знаменитой волеговско-теплоуховской археологической коллекцией и не остался без помощи. После художественной выставки в декабре 1907 года вопрос о художественном отделе музея был решен. С тех пор на одинаковых правах предметы пермского звериного стиля и пермская деревянная скульптура соседствовали друг с другом. В 1923 году открылся Пермский художественный музей, в который пришел работать Н. Н. Серебренников, отдавший музейной работе сорок лет своей жизни.

Несколькими годами раньше вместе с краеведом А. А. Вологдиным Серебренников создал музей в селе Ильинском, и в том музее были уже деревянные скульптуры.

Первые письменные упоминания о прикамской деревянной резьбе содержатся в переписях М. Кайсарова и комментируются в «Пермской летописи» В. Шишонко. И тем не менее, признается практически бесспорным факт, что пермская деревянная скульптура как художественное явление мирового искусства была открыта в XX веке Н. Н. Серебренниковым.

Народный художник СССР, академик И. Э. Грабарь отметил у нашего выдающегося земляка «несколько качеств, редко совмещающихся в одном лице» – хороший вкус, умение выбрать из всего многообразия художественных произведений безусловно выдающиеся ценности, литературный талант, безупречное знание отечественного и мирового искус-

ства. Теперь мы знаем, что эти качества впервые сложились у юноши, увидевшего в глубине заброшенной кладбищенской часовни пять деревянных скульптур: «такое, что крайне поразило...».

С 1923 по 1926 год во время шести экспедиций в места бывших строгановских вотчин Серебренникову удалось собрать 412 образцов деревянного валяния, и из них около двухсот деревянных скульптур, а в дальнейшем это число увеличилось до трехсот. В 1925 году в самоотверженной собирательской и исследовательской работе Николая Николаевича поддержал И. Э. Грабарь, который обратил внимание на историко-художественное значение пермской скульптуры. Грабарь помог составить план посвященной этой скульптуре книги, которая вышла в свет в 1928 году и была отмечена премией наркома просвещения СССР А. В. Луначарского. Книга стала крупным событием в искусствоведческой жизни, поскольку с необычайной тщательностью рассказала о бытовании и валятелях пермских скульптур, о причинах появления и распространения скульптур в Прикамье, об ее общих характерных чертах, о сборе коллекции и о литературе по этому вопросу. Во второй части книги содержалась опись собрания пермской деревянной скульптуры, систематизированной по столетиям.

Пять лет спустя после выхода в нашей стране книга была переведена на французский язык и издана в Париже. В 1928 году Луначарский приезжал в Пермь и после осмотра музейной экспозиции оставил такую запись: «Посетил художественную часть Пермского музея. Совершенно потрясающее впечатление производит богатейшая коллекция деревянных скульптур. Это ново, необычайно интересно с художественной и культурно-исторической точки зрения и в то же время поражает своей художественной силой как в смысле своеобразного мастерства техники, так и по силе психологической выразительности». Вернувшись в Москву, Луначарский в журнале «Советское искусство» опубликовал статью «Пермские боги», в которой назвал пермскую скульптуру «совершенно невиданным и совершенно потрясающим явлением», обязанным «пермяцкому скульптурному гению». Нарком просвещения, философ и искусствовед,

разрабатывавший свою собственную концепцию человека, писал о пермской деревянной скульптуре как о «свойстве огромной талантливости, огромного художественного вкуса, огромной способности выразительности».

Коллекция пермской деревянной скульптуры является гордостью Пермской художественной галереи, объектом постоянного пристального внимания специалистов по древнему русскому и мировому искусству. Один из современных исследователей этой проблемы Л. Д. Любимов, всю жизнь изучавший художественное наследие древнего мира, посвятивший отдельные книги итальянскому Возрождению и Нидерландам, отнес пермскую деревянную скульптуру к важнейшим культурным мирам прошлого.

Из статьи О. Власовой
«Пермская деревянная скульптура».
«Наука Урала», 1988, 23 февраля

Экспозиция – это всегда определенный подход к произведениям: научно обоснованный и эстетически закономерный. Особую трудность представляет экспозиция скульптуры – объемно-пространственного искусства – и, пожалуй, прежде всего, древней деревянной скульптуры, наиболее сложной по своим пластическим свойствам.

...Экспозиция деревянной скульптуры, построенная ныне, показывает хронологический ряд произведений, составляющих одну четвертую, но лучшую часть всей коллекции. Последовательность расположения экспонатов отражает и эволюцию стилей: от «древнерусского» до академического. Произведения древнерусского периода представлены за малым исключением почти все – их около пятнадцати. Экспозиция дает довольно полное понятие и о скульптуре барокко в самых разных ее проявлениях, от близких следований стилю до народных интерпретаций. Особенное внимание уделено в экспозиции произведениям реалистического характера: центральное место занимают фигуры Спаса полунощного («Христа в темнице»), масштабные распятия из Усолья, Пашии – наиболее характерных поселков промышленного Урала.

Одноярусное построение, редкая расстановка, индивидуальные фоны и постаменты организуют пространство таким образом, что памятники не мешают друг другу. Они не выстраиваются в скучный ритмический ряд, так как зал представляет собой почти квадратное помещение, раскрытое в сторону иконостаса и расцеленное лестничным проемом по центру. Такая архитектурная особенность позволила ряд скульптур, требующих многоаспектного восприятия, расставить в центральном пространстве. Огромная высота бывшего церковного здания устраняет зависимость экспозиции от архитектурных членений и в то же время создает необходимую для скульптуры вольность пространства.

При таких условиях было очень важным правильно расставить «изобразительные» акценты, созданные крупными массами или сложно организованными композициями. Далеко не случайно, например, что центром экспозиции стала огромная скульптура «Саваоф» – произведение народного мастера второй половины XVIII века Д. Т. Домнина. Это не только самое масштабное, но и самое мощное по пластике произведение. Лучистое сияние и скученная гряда облаков как бы разрушают жесткую симметрию композиции.

«Саваоф» поставлен по центральной оси всего зала напротив иконостаса – пространство экспозиции замыкается в единое целое. Особо выделяются в нем скульптуры стиля барокко. Многофигурные группы поставлены в связный ритмический ряд и в то же время самостоятельны: экспозиция предполагает их целостное и многоаспектное восприятие.

Собственная микросфера, созданная вокруг каждой скульптуры, помогает осознать их художественные достоинства, а целостность помещения помогает ощутить общность произведения. Это, однако, не означает, что работа над экспозицией замерла на раз найденной точке.

...Научная обоснованность экспозиции также будет совершенствоваться и углубляться с продолжением исследовательских работ, в первую очередь, реставрационных. Реставрацию пермской коллекции ведут мастера Всероссийского художественного научно-реставрационного центра имени академика И. Э. Грабаря

с середины 1960-х годов. Реставрация позволяет совершенно по-новому атрибутировать многие этапные памятники скульптуры. Так произошло, например, с большемерной статуей «Св. Николай Чудотворец» конца XVII – начала XVIII веков из г. Чердыни, которая до реставрации считалась изображением св. Николая Можайского и датировалась поздним XVIII веком. Совершенно скрытой под слоями записей была и великолепная авторская роспись с изображением драгоценных одежд, жемчугов и камней.

Серьезную помощь в атрибуционной работе оказывает и рентгенография, которая периодически ведется с конца 1970-х годов. Рентгенологическое обследование прошли 35 скульптур, наиболее сложных по технологии. Рентген показывает и поздние доделки, и поздние записи, которые закрывают памятник двумя-тремя слоями масляной краски. Что еще более важно – рентген фиксирует и сохранность авторской росписи: полностью или частично скрывается она под слоями масляных записей. Отсюда делает свои выводы и реставратор, решая, стоит или не стоит раскрывать авторский слой живописи.

Все эти работы ведутся, в конечном итоге, ради правильного, научного понимания памятника, занимающего определенное место в историческом и художественном процессе. Именно это призвана довести до зрителя современная музейная экспозиция.

Пермские жертвенные места

Таким словосочетанием еще в 1879 году обозначил выдающийся отечественный лесничий, ученый, деятель культуры А. Е. Теплоухов ископаемые костища древних народов Прикамья. В издававшемся в Германии журнале «Археологический архив» Теплоухов опубликовал статью «О доисторических жертвенных местах на Урале», в которой рассказал об археологических находках многих предметов культа и следов ритуальных действий, происходивших у древних народностей Урала в одних и тех же местах на протяжении многих столетий.

Сын Александра Ефимовича – Федор, тоже большой ученый, написал в 1897 году об этой работе своего отца такие строчки: «Жертвенные места, подобные Пермским, в других местностях, насколько известно, до сих пор не найдены».

Впоследствии, конечно, были сделаны в этом направлении новые археологические открытия, но и предшествующие исследования Теплоуховых не только не померкли, а приобрели новые оттенки. Некоторые жертвенные места на Урале сохранили свое культовое значение до самых последних десятилетий, а очень немногие, хотя и в ограниченном объеме, сохраняют их и поныне в связи с глубокими вековыми традициями той части местного населения, которое занимается оленеводством, охотой, рыболовством и иными промыслами. Современная карта востока Пермской области хранит в своих исконных названиях многие черты истории народов, издавна населяющих Урал.

Весьма большой приток Вишеры – река Вёлс – берет свое начало от крупного горного массива, ядро которого составляет гора Молебная. В тундрах Молебной и окружающих ее гор пасла полутысячное стадо оленей древняя семья манси, главой которой многие десятилетия являлся Николай Бахтияров – оленевод, рыболов, охотник, владевший уникальными знаниями о природе и человеке.

К югу от горы Молебной расположена известная археологам всего мира Большая Чаньвинская пещера, издавна называемая также Вогульской Жертвенной. Легенды об этом

уральском святилище были известны с очень давних времен. Знаменитый путешественник и ученый И. И. Лепёхин на пути из Верхотурья в Соликамск записал рассказы местных жителей о том, что пещера «служила общим капищем всего вогульского народа» и «до днесь в сей пещере можно видеть утхлые деревянные болваны, составляющие вогульское божество». В честь божества и в дар ему «пермская чудь» предпринимала торжества и совершала ритуальные жертвоприношения – убитых животных, предметы быта и охоты. В непосредственной близости от этой пещеры, всего в пятнадцати километрах к северу, есть и другие уникальные археолого-исторические памятники с аналогичными функциями в древности, памятники, пока еще не изученные, но, по-видимому, очень важные. Например, пещера в камне Крестовом, вероятнее всего, также известная Лепёхину, по всем признакам имела крупное культовое значение.

К югу от этой территории расположен так называемый Молебный треугольник, различные описания которого широко известны. Кроме Молебных гор и камней в Пермской области есть также и Молебные реки, не исключена также возможность нахождения Молебных озер и других Молебных урочищ.

В этих урочищах проявляются активные русловые, оползневые, обвальные процессы, которые подчинены более крупномасштабным разломо- и трещинообразованию. Наука, изучающая относительно молодые и современные движения земной коры, называется неотектоникой. Уральская неотектоника не может не сотрудничать с сейсмологией, ведь землетрясения отнюдь не обходят и древний Урал. В 1978 году в Кизеловском угольном бассейне случилось шести-семибалльное землетрясение, во время которого трещинами были повреждены здания на промышленной площадке одной из шахт. Всего же на Среднем и Северном Урале за последние сотни лет зарегистрированы многие десятки весьма значительных землетрясений.

Из обширного массива научной литературы и из полевой горной практики известно, что все процессы современного трещинообразования в земной коре сопровождаются истечением из недр планеты разнообразных газов – водорода,

гелия, аргона, радона и многих других. Из недр на земную поверхность выходят также потоки электронов и прочих электрически заряженных частиц. Особенно большой интерес для исследования представляют собой выходящие из активных разломов шарообразные сгустки низкотемпературной плазмы. Многие разломы и трещины, а в особенности их узлы, характеризуются значительными магнитными, гравитационными и иными аномалиями. Среди множества газов, поднимающихся по трещинам, есть и такие, которые отличаются так называемым психотропным действием. Пермские ученые – профессор В. М. Новоселицкий, геолог Л. В. Нельзин и другие – обращают внимание исследователей на токсичность некоторых углеводородных газов, паров ртути. Думается, что в этом ряду токсичных газов следует обратить внимание и на фтор, который может образоваться при воздействии внутриземных агрессивных сред на толщи горных пород, содержащих минерал флюорит. Весьма крупный Тимано-Башкирский флюоритоносный пояс проходит также и через район Молебной аномальной зоны.

Вопрос о влиянии внутриземных токсичных газов на самочувствие работающих в активных зонах людей остается в кругу самых существенных проблем. Вполне здоровые люди могут длительное время находиться в подобной неблагоприятной среде без видимого ущерба для здоровья. Однако у многих людей подобные условия жизни и деятельности вызывают болезненные ощущения. Используемые в пищу местные растения помогают человеку адаптироваться к аномальной зоне, существенно сокращают этот период. В целом проблемы адаптации к аномальным зонам мало изучены.

Заслуживает большого исследовательского внимания факт очень давнего использования аномальных зон многими поколениями служителей культа. Вероятнее всего, природная обстановка в этих зонах стимулирует вхождение шаманов в ритуальные действия, а также способствует соответственному настрою и всех других участников этих действий. Если согласиться с тем, что мир землян находится под постоянным пристальным вниманием других, внеземных цивилизаций, то общение с ними, вероятно, окажется

результативнее именно в тех же самых активных зонах, где человек, как правило, достаточно раскрепощен, свободен от многих предубеждений и стереотипов антропоцентризма.

На взгляд автора, проблема изучения внеземных цивилизаций в целом, несмотря на пристальное внимание к ней К. Э. Циолковского и многих других выдающихся ученых, все еще отягощена несовершенством исследовательских средств. Современное положение в этой области знания, думается, будет правильным сравнить с общенаучной ситуацией конца XVII – начала XVIII веков, когда предшественники современных научных работников – создатели кунсткамер – пользовались в основном услугами той отрасли знаний, которую сейчас можно назвать раритетологией. Самым распространенным и общепринятым предметом раритетологии той эпохи было искусство «занимательной группировки» всего того, что «зело необыкновенно». И только впоследствии из исследования, систематизации отдельных фрагментов кунсткамерных экспозиций сформировались вполне самостоятельные науки – география, зоология, ботаника, геология, палеонтология, археология, антропология, этнография, физиология, анатомия, эмбриология человека, медицинская патология и другие.

Познавательная ситуация конца XVII – начала XVIII века сейчас повторяется: современные аномалогия и уфология находятся на уровне раритетологии самого раннего периода эпохи Просвещения. Никто пока не может провести сколь-нибудь приемлемую научную классификацию и систематизацию наблюдаемых явлений, тем более заключить какие-то группы явлений в рамки самостоятельных, но связанных между собой наук. Нынешние исследователи еще не в силах даже различать всевозможные проявления естественных стихийных жизней земной коры и атмосферы от явлений жизни всей Вселенной. Но, благодаря выдающимся открытиям Н. Ф. Фёдорова, К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского, Н. И. Вавилова в космической и планетной философии, человечество уже стало на правильный, надежный путь всестороннего изучения окружающего мира, путь, адекватный существованию и сложности этого мира.

Молебный треугольник и другие пермские жертвенные места в настоящее время принимают на свои территории новые исследовательские группы.

Нет сомнения в том, что истоки пермских жертвенных мест уходят в глубины каменного века, к первоначалам человеческой истории. Однако на этом бесконечно длинном пути смены различных мировоззренческих систем случались редчайшие события и наступали беспрецедентные по своему культурному значению исторические периоды.

Немым свидетельством удивительнейшей сложности истории Урала и Приуралья явилось недавнее открытие Аркаима – южно-уральского города-обсерватории и города-храма, находящегося в 200 км к югу от Магнитогорска.

Как недавно рассказал об этом в журнале «Вокруг света» выдающийся уральский археолог Г. Б. Зданович, Аркаим был открыт в середине июня 1987 года двумя работавшими у археологов школьниками-старшеклассниками – Сашей Воронковым и Сашей Езриль.

Возраст Аркаима – 3700-3800 лет, этот город – современник 17-18 династии фараонов Древнего Египта, современник крито-микенской цивилизации. Аркаим соответствует по времени таким известным древним городам-памятникам культуры, как Дашлы в Северном Афганистане, Саппали в Южном Туркменистане.

Пермская школа археологов

Пермские археологи оставили заметный и до сих пор не прерывающийся след в истории русской и советской археологической науки.

Во второй половине XVIII столетия академические экспедиции на Урале вскрыли мощный пласт пермских древностей. Исследования П. С. Палласа, И. И. Лепёхина, И. Г. Георги, Н. П. Рычкова во весь рост поставили перед общероссийской наукой задачу изучения культуры чудских племен. Начиная с 1810 года и на протяжении почти десяти лет советник Пермской казенной палаты В. Н. Берх вел археологические обследования и раскопки древних городищ в окрестностях Чердыни. О Берхе писали, что «он любил читать и следовать за ходом просвещения; участвовал во многих литературных предприятиях». И в то же время его вполне можно назвать первым пермским археологом.

Известно, какую удивительную роль центров кристаллизации и катализаторов археологических исследований в Пермском Прикамье имели волеговская археологическая коллекция и альбом рисунков пермских древностей, широкая популяризация которых – заслуга писателя и журналиста П. И. Мельникова-Печерского.

А. Е. и Ф. А. Теплоуховы приняли от Ф. А. Волегова не только эстафету создания Пермской археологической коллекции, не только строгую систему ведения соответствующей археологической документации, но и сделали эту коллекцию образцовой для всей российской археологии, вывели пермскую и уральскую археологию на уровень мирового значения. Александр Ефимович Теплоухов являлся членом Германского общества антропологии, этнологии и первобытной истории в Берлине, Антропологического общества в Вене, Финского исторического общества и других обществ, многие работы А. Е. Теплоухова были опубликованы за рубежом. К Федору Александровичу Теплоухову, также немало публиковавшемуся за рубежом, в село Ильинское на Обве приезжали английский ученый Эберкромм, французский путешественник де Бай. За помощь де Баю в ознакомлении

с Пермским Прикамьем французское правительство наградило Теплоухова почетным дипломом.

В 1890 году археологическая коллекция Теплоуховых содержала уже около семи тысяч предметов, и на VIII археологическом съезде в Москве была признана лучшей. Некоторое время спустя на Всероссийской X промышленной выставке в Нижнем Новгороде коллекция была удостоена золотой медали, а в самом начале двадцатого века вышла книга-атлас А. А. Спицына «Древности Пермской чуди по коллекции Теплоуховых».

Общественный авторитет пермской археологии был настолько высоким, что в 1890 году почти весь состав организаторов Пермского научно-промышленного музея представляли пермские археологи – Ф. А. Теплоухов, Н. Н. Новокрещённых, С. И. Сергеев, глубоко интересовавшийся археологией ботаник П. В. Сюзёв. В Пермском областном краеведческом музее сохранилась книга Ф. А. Теплоухова «Оттиски статей и заметок о древностях Пермской губернии» со следующей дарственной надписью: «Многоуважаемому Павлу Васильевичу Сюзёву от автора, г. Пермь, 17 февраля 1896 года». В первые годы нашего века Сюзёв выпустил известную книгу – путеводитель «Кама», где описания пермских древностей заняли достойное место.

В конце XIX – начале XX века в пермскую археологию пришли С. И. Сергеев и Н. Н. Новокрещённых. В 1894 году Сергеев открыл жертвенное место в Чаньвинской пещере, в следующем году – у деревни Подбобыки на берегу реки Колвы. Николай Никифорович Новокрещённых, работая в Перми с 1889 года, произвел раскопки древних могильников на реках Сылве и Шакве, а также камского Гляденовского костыща, с которого передал Пермскому научно-промышленному музею богатейшую археологическую коллекцию в 24 тысячи предметов. По предложению Новокрещённых учрежденная при его содействии Пермская губернская ученая архивная комиссия начала выпускать «Труды» с подробными описаниями новых археологических находок и открытий.

В. Н. Берха, Ф. А. Волегова, А. Е. и Ф. А. Теплоуховых, А. А. Спицына, С. И. Сергеева и Н. Н. Новокрещённых можно назвать выдающимися первооткрывателями прикамской

археологии и предтечами пермской школы археологов, которая зародилась после Октябрьской революции в Пермском университете.

В июне 1918 года на должность хранителя Музея древностей Пермского университета был приглашен двадцатичетырехлетний Алексей Викторович Шмидт – археолог, историк и этнограф, выпускник Петербургского университета, ученик известного востоковеда академика Б. А. Тураева. Тем же летом Шмидт выехал в свою первую экспедицию по Пермскому краю, начал знакомиться с территорией распространения и особенностями культуры коми-пермяков. Со следующего года молодой ученый начал интенсивную преподавательскую работу сначала на историко-филологическом факультете, потом на факультете общественных профессий. Он приступил к лекциям и семинарам по доисторической археологии, истории первобытной культуры, истории Древнего Востока, истории культуры Востока, истории Пермского края. С 1920 года, кроме всей этой работы, Шмидт занял должность заведующего археологическим отделом Пермского областного музея, руководил систематизацией и описанием теплоуховской и других коллекций. В начале 20-х годов ученый подвел первые итоги своих этнографических и археологических наблюдений, сделал доклады «Старое и новое у коми-пермяков» и «Происхождение и развитие некоторых мотивов в искусстве Камской чуди» на заседаниях Общества философских, исторических и социальных наук при Пермском университете, а в 1922 году выступил с циклом лекций по археологии Прикамья в ленинградском Эрмитаже, с докладом на эту тему – на заседании Российского археологического общества. В это же время Шмидт написал свои первые обобщающие археологические работы, очень высоко оцененные учеными, его современниками и последователями. В этих работах Шмидт создал классификацию археологических культур на Урале и в Приуралье, начиная с V века до новой эры и вплоть до XVI века новой эры. С последующими, самого Шмидта уточнениями вереница культур приняла следующий вид: ананьинская, гляденовская, харинская, и далее перечислялись периоды: ломоватовский, загарский, михалёвский, вакинский. Эта периодизация, опиравшаяся

на хронологию культур в работах А. А. Спицына и явившаяся в те годы большим достижением отечественной археологии, постепенно уточнялась, но основа ее сохранилась до нашего времени и вошла в общую картину формирования этнических общностей и древней истории народов Прикамья. Один из исследователей творчества Шмидта Е. С. Богословский писал: «В период 1918 – 1924 годов в основном сформировалось впоследствии общепринятое понимание А. В. Шмидта размещения древних культур и народов Прикамья».

В 1923 году Алексей Викторович организовал первую археологическую исследовательскую группу, положившую начало школе пермских археологов, а несколько позднее – в 1932 году – постоянно действующую Камскую археологическую экспедицию, приступившую к работе в зоне будущего Камского водохранилища. Благодаря исследованиям Шмидта и его коллег, Пермское Прикамье превратилось в одну из археологически наиболее изученных областей нашей страны.

В 1924 году А. В. Шмидт был приглашен на постоянную работу в Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР и в течение десяти лет, до самой смерти, в составе экспедиций этого института руководил археологическими разведками в Пермской области, Башкирии, Поволжье. Благодаря хорошо поставленным полевым исследованиям стало возможным разграничение территорий сылвенской и родановской культур, наметились пути к разрешению проблемы финно-угорского заселения севера Европейской части нашей страны.

Коллеги А. В. Шмидта по Камской археологической экспедиции Н. А. Прокошев, М. В. Талицкий, А. В. Збруева после кончины своего руководителя выдвинулись в ряд ведущих прикамских археологов, раздвинули границы археологических исследований учителя и старшего товарища в самые глубины человеческой истории. В 1938 году в окрестностях Перми у деревни Остров на берегу реки Чусовой М. В. Талицкий совместно с краеведом Г. Т. Мауэром открыл стоянку человека древнекаменного века. Начавшаяся война оборвала жизнь талантливого молодого археолога, ушедшего на фронт в числе первых добровольцев народного ополчения.

Добровольцем Московского ополчения с первых дней Великой Отечественной войны был археолог Отто Николаевич Бадер. В 1946 году сорокатрехлетний ученый пришел работать доцентом в Пермский университет, немедленно открыл археологический кабинет, создал археологический кружок. Круг интересов Бадера был необычайно широк – от древнекаменного века до эпохи раннего железа, и ученый приложил немало усилий, чтобы начать на Урале систематическую подготовку историков-археологов. Уже в 1947 году он организовал и провел в Пермском университете Первое уральское археологическое совещание, на котором плодотворно работали не только известные ученые-археологи, учителя-историки и краеведы, но и начинающие заниматься археологией студенты и даже школьники. Бадер стал руководителем Камской археологической экспедиции, работавшей в зоне будущего затопления трех крупнейших Камских водохранилищ, под его руководством с обширной территории Прикамья был собран уникальный археологический материал, характеризующий всю, даже самую древнейшую, историю жизни человека в Прикамье и на Урале. Совместно с геологом-четвертичником В. И. Грозовым Бадер обследовал одну из террас реки Чусовой у Пещерного лога, где еще до Великой Отечественной войны было найдено небольшое «ручное рубило» и отщепы из кремнистого сланца. Во время раскопок на месте этих находок Отто Николаевич обнаружил кости гигантского оленя, сайги, первобытных слона и быка. Образцы пыльцы произраставших в те времена растений дополнили картину, и ученый пришел к выводу, что «местонахождение у Пещерного лога – самый северный в мире предел расселения неандертальского человека».

Неподалеку от Пещерного лога объектом очень сложной семилетней работы Бадера стала стоянка имени М. В. Талицкого, относящаяся к эпохе верхнего палеолита, продолжавшегося от 40 до 12 тысяч лет тому назад. На стоянке раскопано несколько очажных ям с культурными остатками вокруг них. По костям животных и с помощью пыльцевого анализа стоянка была датирована первой половиной верхнего палеолита.

Пещерные палеолитические стоянки на Урале во множестве были известны и до исследований Бадера, но все они носили характер временных охотничьих приютов с очень немногочисленными каменными орудиями. Открытие зоологом Башкирского заповедника А. В. Рюминым первых палеолитических рисунков на стенах Каповой пещеры, а затем многолетнее изучение этих и многих новых обнаружившихся рисунков экспедициями Отто Николаевича стали выдающимся достижением не только отечественной, но и мировой археологии.

Мировой резонанс имели исследования Бадером Турбинского могильника на камском берегу в районе Перми, напротив устья реки Чусовой. Еще в конце прошлого века здесь были обнаружены своеобразные бронзовые изделия и нож с изображением трех архаров. Раскопки Бадера вскрыли остатки многолюдных поселений, свидетельствующих о преемственности в Прикамье культур неолита, бронзы и железа вплоть до средневековья. Таким образом, удалось показать, что корни культуры местного пермско-финского населения уходят в новокаменный век.

Оригинальные крупные втульчатые копья, орнаментированные топоры-кельты, проушные боевые топоры с узким лезвием, боевые топоры-клевцы и многие другие металлические находки могли принадлежать только высоко развитой культуре. Турбинский могильник, в сравнении с одновременными ему памятниками во всей Евразии, оказался самым богатым, ближайшие по уровню развития памятники находятся в юго-восточном Зауралье и в Сибири, между Уралом и Алтаем.

Интересно резюме, сделанное Отто Николаевичем на основании этих находок: «Археологические памятники бронзовой эпохи Прикамья и лесного Урала в целом во многом созвучны соседним и даже некоторым отдаленным культурам Западной и отчасти, как было показано, и Восточной Сибири, а также лесного Поволжья. Объединяющие эти различные древние культуры сходные элементы, как бы фокусирующиеся на Урале, в своем географическом центре, очерчивают огромную территорию от Енисея до Прибалтики, населенную во втором тысячелетии до нашей эры

древними племенами, обладавшими некоторыми общими особенностями в материальной культуре. Ретроспективный метод приводит к наиболее правдоподобию выводу, что в языковом отношении этот культурный мир был угрофинским».

Глубокий интерес к турбинским находкам позволил Бадеру еще раз воспользоваться своей редкой эрудицией во всех соседних областях, углубиться и развернуть исследования в самых труднодоступных уголках археологического знания. В результате ученый открыл ряд новых археологических культур: поздняковскую, балановскую и турбинскую эпохи бронзы в лесном Волго-Камье, камскую неолитическую и камскую мезолитическую культуры. Несколько обстоятельных работ О. Н. Бадер посвятил западноуральскому позднему железному веку.

В 1979 году, несколько дней спустя после смерти Отто Николаевича в газете «Советская культура» было опубликовано взятое незадолго до кончины интервью с ученым – «Машина времени доктора Бадера». В предисловии к этому интервью академик Б. Рыбаков писал: «Трудно назвать более неустанного исследователя, у которого творческий порыв так счастливо помножен на удачливость. Отто Николаевич открыл множество совершенно уникальных памятников, написал несколько книг по древнейшей истории человечества и воспитал большую плеяду учеников, продолжающих его дело...».

Ушел из жизни большой ученый, основатель пермской археологической школы, набравшей творческую силу, обеспечившую необходимый размах исследований в соответствии с огромным археологическим значением Прикамского региона. Стали известными учеными ученики Отто Николаевича – Владимир Антонович Оборин – глава пермских археологов, Владимир Федорович Генинг, работавший заместителем директора Института археологии Академии наук УССР, Римма Дмитриевна Голдина – ведущий археолог Удмуртии и многие другие.

В 1988 году в Перми состоялось Десятое юбилейное Уральское археологическое совещание, на котором по традиции выступали археологи, этнографы, историки, представители

естественных наук Урала и прилегающих регионов – Поволжья и Западной Сибири.

Выросли кадры археологов по всем областям Уральской и соседних территорий, исследования охватили все эпохи человеческой истории – от древнекаменного века через мезолит, неолит, энеолит, бронзовый и железный века до средневековья. Археология заняла достойное место в академических научных учреждениях Сыктывкара, Уфы, Казани, Ижевска, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук создан в Екатеринбурге.

На Десятом Уральском археологическом совещании работало четыре секции – каменного века и энеолита, бронзового и раннего железного веков, средневековья и специальная новая секция взаимодействия культур Урала, Севера, Поволжья и Сибири в эпоху средневековья. Состоялось обсуждение вопросов археологической преемственности и периодизации, этногенеза, идеологии древнего искусства. Намечены планы предстоящих полевых работ, выпуска статей и монографий, сводов памятников и многотомных изданий по региональной археологии, создания археологических карт. Пермскому университету предложено создать проблемную археологическую лабораторию. Совещание призвало уральских археологов упрочить вклад в изучение духовной культуры Урала, историографию и источниковедение.

Пермские народы

Первым русским этнографом-профессионалом был тобольчанин Семен Иванович Ремезов, всесторонне образованный человек, прославившийся как оригинальнейший картограф, но оставшийся в памяти уральцев также и как географ, историк, живописец, строитель, архитектор. Ремезов был особенно неравнодушен ко всему старинному, чудскому, и во многих его работах упоминаются «древний чудцкий народ», «древних лет чудцкое письмо», «чудцкия городища, мольбища» и многое другое. В то же время, как никто из его современников, Ремезов глубоко изучил все тогдашние народы Урала и прилегающих территорий, народы «Великопермских и Печерских, Поморских, Двинских стран», население, живущее в Верхотурском, Кунгурском и Уфимском уездах, Строгановских землях, население «под Казанью» и многих других мест. В поле зрения ученого попали «остяки, вогуличи, самоеды, татары, черемиса, мордва, чуваша, башкиры, удмурты, пермяки» и еще огромное количество не только народов, но и отдельных племен, даже родов.

Еще в конце XVII века Ремезов составил серьезнейший этнографический труд «Описание о сибирских народах и граней их земель», выполнил многоцветную уникальную этнографическую карту «Чертеж и сходство наличие земель всей Сибири». Он даже сделал попытку классификации народов Сибири, разделив их по Якутскому, Среднеазиатскому, Казанскому, Томскому, Тангутскому и степному регионам.

А то, что не успел, не смог сделать Ремезов, продолжил В. Н. Татищев, на редкость проницательный человек, стоявший у истоков сразу нескольких новых наук. Выше уже рассказывалось о том, при каких обстоятельствах Татищев стал первым в мире палеонтологом, первым в мире карстоведом, первым в России историком. И еще он был в числе первых в мире этнографов.

Начав работать над книгой «История Российская», Татищев проявил неслыханное упорство в собирании и изучении древнерусских летописей. Большинство историков соглаша-

ется с тем, что ученый в своих трудах пользовался им самим впервые открытыми летописями, которые впоследствии были утрачены при пожаре Москвы 1812 года.

Татищев впервые уверенно писал о том, что первоначальное письменное упоминание о пермском и чудском народах находится в Степенной книге 967 года. Из работ русских, шведских и других историков Василий Никитич более всего использовал в своих трудах сведения о пермском, чудском и биармийском народах, причем последний, по мнению современников ученого, некогда проживал от Белого моря до бассейна Вычегды. Обобщая доступные ему сведения по финно-угорским и тюрко-монгольским народам, Татищев создал специальную этнографическую классификацию, в которой относил пермяков и биармов к сарматскому или скифскому «корпусам», а чудь – к скифскому «корпусу». Ученый не только заложил основы этнографии, но и задал самые высокие для своего времени критерии этнографического изучения страны.

В 1734 и 1737 годах Татищев разослал в губернские и провинциальные канцелярии России специальные анкеты сначала с 92, а затем со 198 вопросами, касающимися названий и самоназваний народов, территорий, о занятиях, происхождении, религии, обрядах, обычаях, языке, фольклоре и т. д. Эти анкеты явились первыми в истории мировой науки программами сбора этнографического материала. Ученый создал свою классификацию народностей и племен Российского государства, выделив в особые группы славянские, тюркские и финно-угорские народы.

Выдающиеся участники первых академических экспедиций по Урало-Поволжью, Уралу, Зауралью Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин, Н. П. Рычков, И. И. Лепёхин, П. С. Паллас, В. Ф. Зуев, И. Г. Георги и другие не только пользовались этнографическими исследованиями Татищева, но и добывали новую информацию о новых уральских народах – пермяках, чуди и биармах, впрочем не слишком их различая, а чаще всего объединяя под названием «чудь», «чудские народы». Уникальным этнографическим изданием стала вышедшая в конце XVIII века книга И. Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских

обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей». В этой книге была дана весьма полная картина национального состава Русского государства, причем основные разделы монографии посвящались «народностям финского племени, татарским, монгольским и еще так называемым «особенным народам». К последним Георги отнес те народы, принадлежность которых к числу «главных и первоначальных российских народов» была еще не определена. В категорию «особенных» попадали самоеды, енисейские остяки, маньчжуры, тунгусы, юкагиры, коряки, алеуты и другие.

В первой половине XIX столетия русские академики А. М. Шегрен, К. М. Бэр и другие поставили задачи организации этнографических экспедиций, подготовки научных трудов с «возможно полным описанием различных народов, населяющих Россию».

Российская Академия наук до середины XIX века была единственной академией в мире, изучавшей историю финно-угорских народов. Одним из принципов научной деятельности Бэра была щепетильная забота о преемственности этнографических исследований. Ученый из своего девятнадцатого века постоянно ориентировался на восемнадцатый как на век Высокого просвещения, не уставал сравнивать свою работу с работами этнографов-предшественников. Требовательность ученого к самому себе и к коллегам была бескомпромиссна: «к изысканиям Палласа, Лепёхина и Георги относительно туземных племен прибыло весьма не много». Бэр настойчиво заботился об уровне этнографических исследований, ссылаясь на десяти томную «Всеобщую историю культуры человечества» Клемма, труды Гердера и Гумбольдта, в которых по самому большому счету сравнивались и сопоставлялись данные о культуре различных народов древнего и нового мира. Чтобы добиться всестороннего охвата этнографическими исследованиями всех северных народов, Бэр сам участвовал в экспедициях на Новую Землю и в Лапландию, был инициатором и идейным руководителем сибирской экспедиции Миддендорфа, прибалтийской экспедиции Шегрена, для которой в традициях Татищева составил подробнейшую инструкцию для этнографических исследований.

Бэр вместе с известными полярными исследователями Литке и Врангелем создал Русское географическое общество (РГО), которое немедленно обратило свое внимание на Урал. В 1847 году Бэр, будучи первым председателем Этнографического отделения РГО, подготовил развернутые инструкции для Североуральской экспедиции Э. К. Гофмана. Эти инструкции успешно использовались в полевых испытаниях: в ходе экспедиции Гофман собрал очень ценные этнографические материалы о самоедах, остяках, зырянах, а художник И. Бермилеев, выпускник Академии художеств, выполнил альбом оригинальных рисунков. Неустанно следивший за изучением Урала Д. И. Менделеев писал, что такие экспедиции «расширяют умственный кругозор и, знакомя нас с природой и людьми, ... воздерживают от произвола в суждениях и взглядах на вещи».

В числе этнографов, командированных на Урал Русским географическим обществом, был секретарь Этнографического отделения РГО Ф. М. Истомин; этнограф, археолог, историк, лингвист Н. Е. Онучков и ряд других специалистов, оставивших глубокий след в истории этнографии.

В этнографическом освоении Урала и Приуралья большую роль сыграло Общество любителей истории, археологии и этнографии Казанского университета, по командировкам которого в нашем крае работали видные ботаники и этнографы: И. Н. Смирнов и П. Н. Крылов, физик и этнограф А. П. Орлов, учитель С. Бувеский и многие другие.

Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии Московского университета в лице своего председателя, профессора Д. Н. Онучина и его коллег также не оставляло без внимания Урал со смежными регионами. И, наконец, Уральское общество любителей естествознания помогало развернуть этнографические исследования А. Е. и Ф. А. Теплоуховым, опубликовавшим несколько интересных работ о традиционных праздниках и обрядах русского и коми населения Прикамья.

Благодаря пристальному вниманию не только российских, но и многих зарубежных этнографов к Уралу и прилегающим регионам, выяснилось, что коренное население

всей этой территории составляют не легендарные народы чужь и биармы, а финно-угры, тюрки и славяне, причем в районе Камского, Печерского и Двинского бассейнов проживает пермская ветвь финно-угорских народов – коми-зыряне, коми-пермяки и удмурты. В значительной степени родственными им народами являются мордва и марийцы на западе, ханты и манси на востоке.

Пермские языки

Один известный ученый как-то заметил, что язык более всего напоминает древний город. Если это сравнение признать справедливым не только для языка, но и для масштабных языковых общностей, то главной улицей, своеобразным проспектом уральской семьи языков можно назвать огромный древний материк под названием Урало-Алтай. К этому языковому проспекту, который на большей своей части обычно именуется Финно-угорским, примыкают улицы и группы кварталов под названием: Прибалтийско-финская, Волжская, Пермская, Угорская, Саамская. Древний языковой материк открывали многие поколения историков, этнографов и лингвистов. Среди первооткрывателей материка был известный шведский ученый Филипп Иоганн Табберт фон Страленберг.

Летом 1711 года камские бурлаки подняли к Соликамску несколько судов с тысячью шведских офицеров, плененных в Полтавской битве и сосланных в Сибирь после неудавшегося заговора. В числе военнопленных был увлеченный наукой подполковник, которого по пути плавания через марийские, чувашские, мордовские, татарские и удмуртские села интересовало абсолютно все, что касалось обыденной жизни местных жителей. В записных книжках будущего ученого множились заметки о жилищах, одежде, быте, хозяйстве, народном искусстве. Всякий раз Страленберг выяснял звучание и начертание на каждом языке одних и тех же шестидесяти слов: *род, огонь, вода, земля, ветер, солнце, луна, ночь, день* и т. д. Впоследствии, проведя в Тобольске и в путешествиях по Сибири вплоть до Саянских хребтов еще 13 лет, ученый ни в чем не изменил установившейся привычке вести свою анкету.

Вернувшись в Швецию, Страленберг опубликовал в 1730 году карту России и книгу «Историко-географическое описание северных и восточных частей Европы и Азии». В этой книге была приведена оригинальнейшая классификация народов описываемых территорий. На основании прежде всего языкового родства Страленберг в отдельные

группы народов выделил финно-угров, северные тюркские народности, самоедов, калмыков, маньчжуров и тангутов, тунгусов, палеоазиатов и угров, народности Кавказа. Анализируя свою универсальную таблицу наиболее употребительных слов разных народов, Страленберг объяснил, почему он отнес к финно-угорским народам вогулов, мордву, черемисов, пермяков, вотяков и осяков – сходство их языков оказалось совершенно несомненным. В своих сравнительных исследованиях северных народов Страленберг пошел еще дальше и написал о том, что народы, говорящие на финно-угорских языках и живущие как в Европе, так и в Сибири, когда-то в прошлом жили все в одном месте и составляли один народ. Книгу Страленберга перевели на английский, немецкий, французский и русский языки.

В 1838 году к проблеме размещения финских народностей обратился молодой финский языковед и этнограф М. А. Кастрен. Начав с изучения финской Лапландии, ученый уже в следующем году распространил свои исследования на русскую Карелию, затем перешел к исследованию самоедов и других народностей Архангельской губернии. В 1744 году он работал на Урале, а затем еще пять лет в Сибири вплоть до Прибайкалья. Тщательно разбираясь в очень сложных вопросах происхождения финнов, Кастрен пришел к выводу, что их древним отечеством является Алтай. Именно отсюда предки финнов сначала расселились по Приобью, затем перешли Урал и освоили земли северо-запада Евразийского материка. По мнению Кастрена, бирмы-финны жили на территории от Белого моря до Камы, следы их обнаружены в Тобольском крае и должны идти до Алтая. Для древней пермской группы народов ученый определил пространство от Урала до Вычегды и Западной Двины, к западу от этой территории предполагались земли востов и чудов, к северу – ями, к югу – черемисов и мордвы. В итоге же Кастрен проследил самоедскую семью народов как не прерывающуюся цепь народов «от Архангельска и Мезени вплоть до Прибайкальской страны». Ученый собрал богатейшие этнографические и лингвистические материалы, строго научно доказал родство финского и самоедского языков.

В дальнейшем экспедиционные исследования Кастрена на территории европейской части России и в Западной Сибири продолжили такие известные финские ученые, как А. Альквист и И. Аспелин, Ю. Вихман, А. Каннисто, У. Хольмберг, А. Тальгрэн, А. Генетц и другие.

В 1883 году в Хельсинки было основано Финно-угорское общество, сориентированное главным образом на изучение происхождения древней финно-угорской культуры.

Еще Татищев писал о том, что располагает подробными сведениями о родстве венгров с сибирскими и уральскими народами. В середине XIX столетия венгерские ученые вслед за финнами также начали изучать свою древнюю родину.

В 1843 году в поисках отдаленных родичей и предков венгров выехал через Пермь на Северный Урал венгерский историк, лингвист и географ А. Регули. За полтора года путешествия он составил карту района между реками Обью и Печорой, обозначил расселения манси, хантов, ненцев, коми, установил несомненную связь между языками венгров и манси. Вскоре после путешествий Регули видные венгерские этнографы, лингвисты и философы составили программу изучения культуры народов своей прародины, изучения родственных языков, в первую очередь удмуртского, марийского, мордовского, коми, хантыйского, мансийского, ненецкого, саамского и др. Это время стало называться героической эпохой в истории финно-угроведения. Эпохой «великих собирателей», эпохой открытия и освоения «финно-угорских полюсов».

В 80-е годы XIX века в Предуралье, на Урале и в Западной Сибири работал известный венгерский языковед и этнограф Б. Мункачи, который подробно рассмотрел взаимосвязи финно-угорских народов и их языков с близкими и далекими соседями – индо-иранцами, кавказцами, тюрками и славянами. Накануне Первой мировой войны на территории народа коми вел лингвистические исследования венгерский ученый Д. Фокош-Фукс, опубликовавший несколько значительных научных работ по пермистике, одной из ведущих отраслей финно-угорского языкознания. Благодаря широким исследованиям венгерских ученых в Северной России

были выявлены глубокие связи между венгерским и северными российскими народами. В Будапештском, Печском, Дебреценском, Сегедском университетах были созданы кафедры финно-угроведения.

В период 20 – 50-х годов XX века состоялось рождение советской финно-угристики, появились центры финно-угорского языкознания в Ижевске, Йошкар-Оле, Новосибирске, Томске, Ужгороде, Перми.

Уральская раса

Путь к выделению учеными самостоятельной уральской расы был не близок, а первые научные шаги на этой длинной, через века дороге сделал опять же В. Н. Татищев. Очень далеко еще было до становления новой отрасли знания – антропологии, науки о физической природе человека и народов, а Татищев в своей известной анкете излагал вопросы чисто антропологического характера: «При описании каждого народа состояние телес обчественное нужно описать: крупен или мелок, или широк; плечи, лица широкие, круглые, глаза цветом серые, черные или белые, носы острые или круглые, покляповатые или плоские; волосы черные, русые, белые или рыжие и как долги, имеют ли нос, рот большой, губы толстые или средние, цветом смуглые или белые, желтые...».

Вслед за татищевской антропологической анкетой неизбежно появились аналогичные, только гораздо более подробные анкеты М. В. Ломоносова, Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелина, К. М. Бэра.

Во второй половине XIX века российский Центр антропологических исследований, основанный в Петербурге Бэром, переместился в Москву, в Московский университет. В 1864 году, через год после открытия Общества любителей естествознания, в нем организовалось антропологическое отделение, а еще через три года была открыта первая московская антропологическая выставка. Во главе русских антропологов встал сначала А. П. Богданов, а потом его ученик Д. Н. Анучин. От Москвы новые антропологические веяния распространились сначала в Казанский университет, затем – на Урал. В 70 – 80-е годы разнообразные измерения черепов и костного скелета представителей разных племен – удмуртов, мари, манси, башкир, мордвы, коми-пермяков – выполнил антрополог Казанского университета Н. М. Малиев. В начале XX века в Поволжье, Прикамье, Приуралье антропологические исследования вел врач из Казани М. М. Хомяков.

В свою очередь из Петербурга, Москвы, Казани и других городов и стран разными путями стекались антропологические данные в виде рукописей, статей, книг, коллекций

в Парижский национальный музей естественной истории, в его библиотеку и хранилища. Французский ученый-антрополог Поль Брока был главным инициатором этого дела, именно он еще в 1859 году создал в Париже Антропологическое общество, а шесть лет спустя выпустил первое в мире руководство по антропометрии и краниометрии – отраслях науки об антропологических измерениях. Патриарх мировой антропологии разглядел в приехавшем из России молодом инженере-нефтянике И. Е. Деникере будущего ученого-естественника. Брока выяснил, что у молодого человека, родившегося во французской семье в Астрахани, с детства проявился особенный интерес к калмыкам и уральцам. Напутствуемый видным ученым, Деникер поступил в Сорбонну, а окончив университет, защитил диссертацию по антропологии и стал библиотекарем Национального музея. Вскоре Деникер выпустил книгу «Антропология и этнография», затем – выдающийся свой труд «Человеческие расы», переведенный на русский язык в 1902 году.

Опережая многие будущие открытия в антропологии, Деникер решился на основании имеющихся, пусть и разрозненных материалов выделить на Урале особую расу – угорскую. Это взволновало многих антропологов, привыкших оперировать на территории севера Евразии только двумя так называемыми большими расами – европеоидной и монголоидной. Новые принципы антропологической классификации, разработанные Деникером, были подвергнуты тщательной проверке, сделаны уточняющие выводы. Наиболее трудоемкую работу выполнил ученик Д. Н. Анучина В. В. Бунак.

Результаты исследований Бунака оказались еще более удивительными, чем у Деникера. Ученый доказал, и с ним согласилось большинство не только отечественных, но и зарубежных антропологов, что правомерно выделение самостоятельной остяко-вогульской или уральской расы с вятско-камским или ветлужско-камским антропологическим типом. Некоторые сомнения вызывало только толкование Бунаком уральской расы как палеоазиатской, возникшей еще в палеолите, то есть гораздо раньше, чем очень древние мезолитические расы – европеоидная и монголоидная. И пока в научный обиход уральская раса вошла не в качестве «большой»,

а в статусе расы второго порядка наряду с балтийской и понтийской, представители которых также участвовали в становлении пермских народов – коми и удмуртов.

Место уральской расы среди других смежных рас во всех подробностях пытался определить советский антрополог и этнограф Н. Н. Чебоксаров, опубликовавший в 1946 году в журнале «Советская этнография» статью «Этногенез коми по данным антропологии». Чебоксаров показал, что вятско-камский антропологический тип характерен для зюздинских пермяков, большинства удмуртов и волжских мари, части волжских татар, проживающих в Елабужском районе, для манси бассейна реки Конды, а также для русского населения Мезени и Печоры, верховьев Ветлуги и восточных районов Кировской области. В свою очередь собственно уральский тип наиболее ярко выражен у сосвинских и ляпинских манси, у обских хантов и входит в состав пелымских и вагильских манси, колвинских и других ненцев, мари и чувашей. Обратив взгляд далеко к востоку от Урала, Чебоксаров отметил, что уральский компонент прослеживается в различных группах сибирских татар, у шорцев, ойротов и хакасов, и поэтому уральский тип оправданно даже называть урало-алтайским.

Таким образом, исследование антропологов, изучающих физическую природу уральских людей, тесно сомкнулись с данными археологов, историков и лингвистов.

Пермское культурно-историческое ядро

Несколько лет тому назад в Сыктывкаре состоялся шестой Международный финно-угорский конгресс, на котором со всей очевидностью была показана роль Пермского Прикамья как исторического перекрестка миграционных путей древних народов, положивших начало пермскому культурно-историческому ядру. Именно это ядро и определило всю специфику местной истории и культуры на протяжении многих столетий. Сложившееся в древние века культурное своеобразие Прикамья ощущается по сей день, оно лежит в основе современной культуры, быта, хозяйства.

Становление пермского Прикамья как исторического перекрестка переселений народов имеет не только социальное, но и естественно-историческое обоснование. На Среднем Урале пересекаются несколько древних водораздельных систем, существенно облегчавших расселение древних народов по сравнению с их миграциями на равнинных территориях, где требовалось преодолевать крупные речные водные преграды, а также поросшие лесом или заболоченные низменности.

Средний Урал в целом – это крупнейший горный узел, где пересекаются Тимано-Алтайский и Карпато-Нижнеобский региональные водоразделы. О Тимано-Алтайской горной стране и ее фрагменте Урало-Алтае в этой книге уже не раз упоминалось, а вот об открытии другого очень крупного, секущего Урал древнего горного кряжа, и в частности его Карпато-Среднеуральской части, можно рассказать в этой главе.

В 1886 году известный русский математик и не менее известный ботаник Василий Яковлевич Цингер опубликовал в «Ученых записках Московского университета» фантастически интересную научную работу под бесхитростным названием «Сборник сведений о флоре Средней России». В этой работе часто упоминается Урал, говорится о том, что предгорья Урала разветвляются, и ветви уходят не куда-нибудь,

а в сторону Карпат, оттуда к Уралу, в свою очередь, устремлен «известковый кряж». Такое название кряжу было дано по его совершенно особому растительному миру, распространенному на земле только на почвах, богатых известью, – на мелах, известняках и продуктах их разрушения.

Вероятно, впервые в истории науки математик и ботаник на основании одного только анализа флоры открыл ранее никому не известный древний горный хребет протяженностью более двух тысяч километров. Хребет был почти полностью разрушен временем, ботаники называли его потом «Сниженные Альпы». Но все-таки некогда он существовал как гряда крупных возвышенностей, а потому вполне был достоин научного внимания. Цингер не считал себя сведущим в геологии и геоморфологии и, отличаясь необычайной добросовестностью и скромностью, писал о своем открытии: «Высказывая эти предположения, мы вышли из сферы прямых фактических данных и далеко перешли границы нашей компетентности, но позволяем себе думать, что, как бы ни были малоосновательны наши догадки и соображения, они могут вызвать более серьезное и подробное исследование в указанном направлении и в этом смысле могут оказаться совершенно излишними».

Древний хребет, простирающийся по мнению Цингера, от Урала до Карпат, вероятнее всего (и это тоже отмечал первооткрыватель), был некогда главным водоразделом Восточной Европы, то есть разделял бассейны Северного Ледовитого океана и Средиземного моря. В настоящее время этот хребет, обрамленный протяженными, долгоживущими разломами земной коры, хорошо прослеживается на космических снимках и выглядит как система параллельных, субпараллельных и кулисообразно заходящих друг за друга водоразделов, то есть как трансматериковая древняя горная страна. Она, кстати, не заканчивается на Урале, а продолжается на территории Западной Сибири до Нижней Оби.

При тщательном изучении этой Карпато-Нижнеобской древней горной страны очень неожиданными оказываются естественно-исторические, этнографические, лингвистические и антропологические сопоставления. Антропологи, например, давно уже обратили внимание, что важной

составной частью уральской расы является понтийский, или средиземноморский антропологический тип, представители которого расселены весьма своеобразно – в широкой полосе простирающейся от Приобья через Урал до Карпат. Совсем не случайно, оказывается, к средиземноморскому антропологическому типу принадлежат группы населения, живущие в Воронежской, Рязанской, Тамбовской и Куйбышевской областях, в Мордовии, Татарстане и Удмуртии, в пермском Прикамье и даже за Уралом – в Ивдельском районе Свердловской области. Самое интересное, пожалуй, что почти все эти реликтовые местообитания средиземноморской расы находятся в пределах древней Карпато-Нижнеобской горной страны или некоторых ее отрогов. Вероятнее всего, по этому древнему пути прошла когда-то в Причерноморье и на Дунай группа западносибирских и среднеуральских угров, давшая начало предкам нынешних венгров.

Наряду со Среднеуральским культурно-историческим ядром интересно рассмотреть становление соседних узлов культурно-исторического развития, например, Южноуральского, от которого своеобразными лучами также расходятся древние региональные водоразделы, и в их числе – Урало-Аральский. Урало-Арал, как цельный по структуре и истории хозяйственный и этнический регион, отчетливо намечен в трудах башкирских этнографов. Ученые полагают, что примерно в середине I тысячелетия новой эры Юго-Восточный Урал, а позднее и Южное и Юго-Западное Приуралье входили в единый территориально-хозяйственный комплекс с Северным Приаральем и низовьями Сыр-Дарьи. В эту раннесредневековую эпоху можно предполагать и наибольшую выраженность в рельефе Урало-Аральского водораздела, природные условия которого обеспечивали круглогодичный цикл кочевки, то есть беспрепятственные передвижения приаральских кочевников от зимних к летним пастбищам на многие сотни километров. По соображениям этнографов, оперирующих самыми различными этнографическими источниками, Арало-Уральский цикл кочевания, начавшись в VII – VIII веках до н.э., установился к рубежу I – II тысячелетий н.э. В IX веке началось временное засыхание степной зоны, достигшее максимума в X столетии. В связи с этим сти-

хийным природным процессом древнебашкирские племена, следуя традиционными маршрутами перекочевков, заселили во второй половине IX века Западное и Южное Приуралье и Зауралье.

Средне- и Южноуральский водоразделительные узлы в совокупности с аналогичными узлами на смежных территориях представляют собой сравнительно новые объекты для комплексного исследования – этнографического, антропологического и лингвистического. Одна из задач таких исследований – выявление своеобразных ядер становления и длительного роста древних региональных культур, имеющих важное значение в процессе развития общечеловеческой культуры. Большой общенаучный интерес представляет решение проблем определения разных, но вполне конкретных параметров пространственно-временной стабилизации водоразделов, нарушения их целостности и интенсивного развития в соседних и пересекающих звеньях. При этом естественные стихийные процессы формирования и переформирования региональных водоразделов «в русле жизни всей земной коры» оказываются тесно сопряженными с экономико-социальными процессами, в особенности в те периоды всемирной истории, когда в тесное соприкосновение входят пути развития разных народов.

Чтобы еще понятнее очертить существо проблемы взаимодействия человека и природы, в том числе и на Урале, можно сделать небольшое отвлечение в историческое обществоведение.

Для всестороннего анализа природы и общества современные исследователи предложили мысленно расчлнить биосферу и ноосферу на более дробные оболочки и особенно тщательно рассмотреть те из них, которые связаны преимущественно с деятельностью человека. Советский географ Ю. К. Ефремов впервые ввел в научный обиход понятие антропосферы и социосферы, а ученый Л. Н. Гумилев выделил этносферу. В трудах выдающегося геохимика В. И. Вернадского широко развито представление о ноосфере – оболочке разума.

Сравнительно недавно появившиеся термины «антропосфера», «этносфера» и «социосфера», явно непохожие

и, конечно, неравнозначные, наглядно характеризуют следующие друг за другом этапы взаимодействия общества и природы. Около десяти тысяч лет назад на Земле в основном завершилось становление антропосферы. Человек того времени, живший в условиях первобытно-общинного строя, в поисках пищи постоянно входил в самый рискованный контакт с дикой природой. Прошли многие тысячелетия, пока люди научились выращивать злаки, обзавелись домашним скотом, освоили разные ремесла. Области Земли с более или менее устойчивыми условиями существования – в основном это региональные водоразделы, их узлы или прилегающие к ним территории – постепенно становились центрами больших этнических объединений. Этносфера – это планетная оболочка взаимосвязанных в своем развитии народов, приспособившихся к определенным тектоническим и климатическим режимам планеты, и защищенная в какой-то степени от стихийных бедствий барьером сознательно устроенного сельскохозяйственного и промышленного производства. Социосфера – результат нового этапа развития общества, овладевшего разнообразнейшими природными ресурсами, окружившего себя довольно высоко организованной искусственной природной средой.

Такова в общих чертах основная последовательность совершенствования взаимоотношений природы и общества. Даже в далеком будущем полное обособление общества от природы невозможно. Серьезнейшей проблемой как для специалистов науки о Земле, так и для социологов является исторический анализ конкретных социальных ситуаций, связанных с влиянием на жизнь общества естественной перестройки земной коры. Данные естественных наук показали, что скорость и направленность развития нашей планеты недооценивались. Современная потребность изучать региональные культуры в составе активных региональных водоразделов и их узлов кажется автору этой книги началом одного из интересных путей к находкам в этнографии и смежных областях знания.

Пермская школа этнографов

Профессор Пермского университета П. С. Богословский был первым этнографом-исследователем, который в специальной статье очень отчетливо сформулировал принципы всестороннего культурно-исторического изучения Урала. Обозначая Уральскую область как огромную географическую единицу со специфическими факторами культурно-социального порядка, ученый писал: «Помимо русского населения, являющегося в настоящее время основным, территорию нашего края населяют различные народности угро-финского и тюрко-татарского происхождения. Все эти народности представляют собой человеческие напластования, комбинированные веками и различными историческими процессами. Вопрос о времени их появления на Урале и в Прикамье, а также переселения, трансформации и исчезновения – чрезвычайно важный по значению и трудный для исследования».

Отмечая факт переселения на Урал десятков тысяч крестьян из различных мест Европейской России, Богословский утверждал наличие на Урале «своеобразной горнозаводской цивилизации» с особой идеологической сущностью, специфическим стилем художественного оформления и постулировал вытекающее из этих тезисов «право Урала и Прикамья на особое внимание со стороны историка культуры».

Разностороннюю работу по изучению фольклора, обычаев, праздников всех народов Приуралья выполняли члены кружка по изучению Северного края. Кружок, созданный П. С. Богословским и руководимый им, издал четыре выпуска «Пермского краеведческого сборника» с этнографическими материалами, ряд ценных этнографических работ членов кружка был опубликован во многих других изданиях. Таким образом, не только в истории, языкознании, археологии, но и в области этнографии на Урале вскоре сложилась региональная высокопрофессиональная школа этнографов.

В настоящее время в Перми – традиционном центре уральских этнографических исследований – научная работа в этом направлении проводится фрагментарно и всего лишь

в двух учреждениях. В Пермском университете Камская этнографическая экспедиция ведет систематическое изучение русского населения Камского Приуралья. Кроме того, сотрудники Пермского областного краеведческого музея изучают материальную культуру – жилища, усадьбы, орудия труда, одежду, прикладное искусство коми-пермяков, русских и татар. Пермский областной краеведческий музей, пермская художественная галерея, Чердынский, Соликамский и Коми-пермяцкий музеи обладают большими уникальными этнографическими коллекциями.

С 50-х годов XX века длительные экспедиции на территорию Пермского Прикамья проводит Институт этнографии Академии наук. Итогом этого этапа исследований стала книга Г. С. Масловой и Т. В. Станюкович «Материальная культура русского сельского и заводского населения Приуралья». После некоторого перерыва экспедиции Института этнографии на Урал возобновились в 70-е годы. Новые материалы московских этнографов были опубликованы в двух книгах: «Полевые исследования Института этнографии. 1978» и «Традиции и современность в фольклоре».

Учитывая важность современного глубокого изучения проблемы межнациональных отношений, в Перми должно быть создано Уральское отделение Института этнографии Академии наук, в котором целесообразно объединить творческие усилия историков, социологов, изучающих Урал всех других обществоведов нашей страны. В Перми давно уже результативно работают профессиональные этнографы Г. Н. Чагин и Г. Н. Климова, исследующие широкий круг культуры и быта пермских народов. Известны своими этнографическими работами Н. Г. Окорокова, изучающая народное творчество коми-пермяков, О. Г. Кутьев – специалист по проблемам этнографии бассейна реки Обвы. В Перми работают специалисты, хорошо знающие современные национальные процессы разных национальных групп, проживающих на территории Среднего Урала.

На развитие этнографических исследований в Прикамье в дальнейшем, вероятно, значительно большее чем сейчас влияние будет оказывать Хохловский архитектурно-этнографический музей. Даже в ближайшей перспективе впол-

не осуществимо превращение Хохловки из обычного музея деревянного зодчества в историко-архитектурно-этнографический музей-заповедник. Пока в Хохловке представлены лишь отдельные памятники архитектуры и нет еще комплексов, которые отражали бы исторически сложившуюся культурно-бытовую специфику различных регионов Прикамья. Главное содержание музея-заповедника должно заключаться в отражении истории культуры и быта всех прикамских народов. При этом музей приобретет значение регионального. Учитывая масштабность такого проекта, необходимо предусмотреть расширение экспозиции на север от нынешней музейной территории. Именно по такому пути развивается в течение последних десятилетий крупный музей деревянного зодчества Малые Корелы под Архангельском. Там действуют уже около 150 памятников архитектуры. Так и в Хохловке, например в секторе Северное Прикамье, можно разместить не только основные типы жилых усадеб, но и многочисленные постройки производственного назначения, связанные с охотой, рыболовством, земледелием, кузнечным, плотничьим, смолокурным и другими промыслами. Важным является и показ транспортных средств – барж, лодок, телег, саней, волокуш и т. д. Самостоятельным в секторе может стать сельскохозяйственный комплекс с мельницами разного типа, овином, гумном, амбарами и другими постройками.

Все богатство традиций и быта пермских народов можно отразить в таком музее при сравнительно небольших затратах. Соединение и взаимообогащение академических, вузовских исследований музеев края существенно продвинут этнографическую науку в пермском Прикамье, позволят на более высоком научном уровне разрабатывать насущные проблемы исторической этнографии и межнациональных отношений.

Пермская школа культурологов

Сложившееся в древние века культурное своеобразие Прикамья ощущается и по сей день, оно лежит в основе современной культуры, быта, хозяйства. Ощущается это своеобразие и в облике пермской культурологической школы, начавшей складываться в 20-е годы двадцатого столетия.

С созданием в 1916 году первого на Урале университета на работу в Пермь приехали широкообразованные историки и филологи, всесторонне подготовленные к преподавательской и исследовательской деятельности. Многие из них были выпускниками историко-филологического факультета Петербургского университета, питомцами выдающихся ученых – специалистов по истории Древней Руси, Византии, Сирии, Греции, Италии, Англии, Франции (школы академиков В. В. Латышева, А. А. Шахматова, А. И. Соболевского, Н. П. Лихачёва, Б. А. Тураева и других).

Первых профессоров – историков, археографов, филологов, этнографов молодого Пермского университета – Б. Д. Грекова, Б. Л. Богаевского, С. П. Обнорского, А. П. Кадлубовского, В. Э. Крусмана, А. П. Дьяконова, Л. А. Булаховского, П. С. Богословского, А. А. Савича, Н. П. Оттокара и других – отличало знание древних и новых языков, многие из них во время научных командировок работали в зарубежных архивах, библиотеках, исследовательских учреждениях.

В Пермском университете по примеру Петроградского, Казанского, Харьковского был открыт историко-филологический факультет с кафедрами русской истории, русской литературы, всеобщей истории, истории и теории искусств, классической филологии. Продолжались и углублялись начатые в Петербурге и других научных центрах работы по проблемам истории Византии (А. Дьяконов), духовной культуры Древней Греции (Б. Богаевский), истории европейских городов (Н. Оттокар), английского гуманизма и французского общества в эпоху Просвещения (В. Крусман).

Профессор Б. Богаевский сформировал в Перми авторитетный центр антиковедения, уникальный Музей древностей. Для Музея были приобретены частные собрания

античных памятников. Известные востоковеды и античники России Б. А. Тураев, Б. В. Фармаковский, С. А. Жебелев поддержали новый музей экспонатами и оказали помощь в разработке экспозиций. Из Петербурга был приглашен на должность хранителя музея А. В. Шмидт. В те годы было основано Общество философских, исторических и социальных наук, работавшее с 1917 по 1930 год и издававшее сборники научных трудов. Председательствовал в нем в течение всего периода проректор университета по учебно-научной работе, профессор А. П. Дьконов. Он же являлся и деканом факультета, читал лекции по истории античной культуры, по другим курсам, был одним из немногих в стране ученых, владевших сирийским языком.

Несмотря на, казалось бы, очевидный и вполне объяснимый крен историко-филологических исследований в сторону античности, западноевропейского средневековья и востоковедения, благодаря высокой культуре профессорско-преподавательского состава в университете быстро обозначились и стали развиваться ураловедческие направления научно-исследовательской работы. Как писал П. С. Богословский, «университетские работники внесли в местную работу требования большой научности, планомерность, широту подхода».

По инициативе Б. Богаевского, С. Обнорского и П. Богословского был создан кружок по изучению Северного края, ставший прообразом студенческих научных обществ. Члены кружка вели обширную исследовательскую работу в Перми и губернии. В нем находили возможность результативно трудиться студенты, преподаватели, краеведы, в том числе профессор ботаники А. Г. Генкель, географ В. А. Кондаков, экономисты профессор М. И. Альтшуллер и Д. М. Бобылев, музеевед А. К. Сыропятов, врач П. Н. Серебренников, фольклорист Е. Н. Ончуков. Ученый с широким кругом интересов в истории и философии А. Г. Генкель написал несколько популярных книг на античные темы: «Под небом Эллады», «Геммы и камеи», «Грезы и думы Востока», был известен также своими издаваемыми и переиздаваемыми переводами Т. Мора и Т. Кампанеллы, изданием своего немецко-русского словаря. В Перми Генкель не только создал кафедру

ботаники с большим набором красочных собственноручно нарисованных наглядных пособий, но и ботанический сад на бывшем пустыре и вместе с коллегами основал Биологический научно-исследовательский институт, обменивавшийся учеными трудами с десятками лучших научных центров нашей страны и Европы.

С первых лет существования кружка по изучению Северного края его исследовательским стержнем был избран весьма пространный спектр исторических, этнографических, археологических, языковедческих, социально-экономических и других проблем Пермского Прикамья и Северного Урала. Члены кружка стали корреспондентами местных газет и журналов, издали четыре выпуска «Пермского краеведческого сборника», где нашли место около семидесяти различных материалов. Впоследствии кружок был преобразован в Этнографическое общество, работавшее до середины 30-х годов. В 1923 году кружок способствовал созданию Музея Русского Севера, а в 1929 году по инициативе П. С. Богословского создается Пермский литературно-театральный музей. Намечались планы по составлению полной пермской библиографии – «Биармики».

Важным результатом деятельности кружка стала изданная в 1925 году монография А. А. Савича «Прошлое Урала». Книгу эту специалисты считают первой обобщающей работой по истории региона от заселения Урала человеком до конца XIX века. С нее, собственно, и начинается по-настоящему научная школа историков-ураловедов.

Так был подведен удивительный и неожиданный для многих специалистов итог первому этапу историко-культурных исследований Урала, а председатель кружка профессор П. С. Богословский стал первым на Урале историком культуры, сформулировавшим главные принципы всестороннего культурно-исторического изучения региона.

Ученый определил Уральскую область как огромную географическую единицу со специфическими факторами культурно-социального порядка. Отмечая факт переселения на Урал десятков тысяч крестьян из различных мест Европейской России, Богословский обосновал наличие здесь «своеобразной городской цивилизации» с особой идеологиче-

ской сущностью, специфическим стилем художественного оформления и вытекающие из этих тезисов «право Урала и Прикамья на особое внимание со стороны историка культуры».

Со всей убежденностью Богословский отстаивал необходимость именно такого подхода к изучению истории культуры Урала. В наше время это предложение ученого получило статус «цивилизационного подхода» в дополнение и развитие подхода «формационного», который, по мнению ряда современных исследователей, не в полной мере учитывает специфику историко-культурных событий в отдельных регионах, не точно выражает содержание локальных культур.

В 60-80-е годы XX века историко-культурные исследования в Прикамье отмечены новаторскими трудами культурологов Л. Е. Кертмана в Пермском университете и З. И. Файнбурга в Пермском государственном техническом университете. Их работы известны в стране и за рубежом, специалистами была признана и многократно подтверждена оригинальность их культурологических концепций.

З. И. Файнбургу была более близка деятельностная концепция культуры, в которой ее движущийся феномен рассматривался в единстве трех аспектов деятельности: преобразующего воздействия на природу, взаимодействия субъектов деятельности и отражения этого процесса в специфической форме сознания. Более десятка основополагающих работ ученого посвящены различным аспектам деятельностной концепции культуры и общества в целом.

Л. Е. Кертман придерживался представления о культуре, основу которого составляют понятия: сфера духовности, духовное бытие, духовная жизнь. Ученый формулировал новую, заостренную на духовном начале концепцию культуры, опираясь на анализ самых различных сторон духовного бытия – от высших достижений национальной культуры до обыденной духовной жизни различных слоев общества. В числе критериев духовного бытия Л. Кертман изучал ценностные ориентации, типы мышления, нравственные нормы, идеалы. Свою культурологическую концепцию ученый реализовал при работе над последней книгой «История

культуры стран Европы и Америки», вобравшей в себя огромный фактологический материал и содержащий четкие теоретические положения.

Известный этнолог, академик Ю. В. Бромлей отнес классификации понятий, созданные З. Файнбургом и Л. Кертманом, к наиболее специализированным и основательным группировкам определений сущности культуры. Впрочем, после ухода ученых из жизни прошло не так много времени. До конца точные акценты в комплексной оценке их параллельной научной деятельности еще не расставлены. Но бесспорным практическим ее результатом стал тот факт, что ныне, наряду с Екатеринбургом, и Пермь называют одним из центров культурологических исследований.

Сегодня здесь объединенными силами ученых вузов и Пермского научного центра РАН разрабатывается областная программа «Культура». Известны программы для Петербургской, Тверской, Тюменской и ряда других областей России. Целевая региональная программа создания научных основ возрождения и развития культурного потенциала Тюменской области создана коллективом ученых, входящих в Межрегиональную культурологическую ассоциацию Урала, Сибири и Поволжья. В ее общей характеристике в числе важнейших мер отмечено: «Необходима интеграция всех уже имеющихся и новых гуманитарных и культурологических инициатив. Продуктивность такого подхода подтверждает мировой опыт разрешения острейших кризисов текущего столетия. Только активизация культурологического фактора позволит избежать разрушительных последствий и с минимальными издержками выйти из кризисно-конфликтной ситуации. На практике это означает опору на жизнеутверждающий культуротворящий процесс непрерывной трансляции и обогащения культурных ценностей в политической, экономической, национально-этнической, популяционно-демографической, здравоохранительной, экологической, научно-образовательной и государственно-правовой сферах жизнедеятельности».

Так же понимали цели культурной миссии первые пермские культурологи, имена которых мы сочли необходимым напомнить, и их наиболее достойные продолжатели. А тре-

бование П. С. Богословского, обосновавшего представление об Уральской горнозаводской цивилизации, о праве Урала на особое к нему отношение историков культуры и признание самобытности формирования художественного наследия края должно, по нашему глубокому убеждению, стать краеугольным камнем при создании всех концепций развития Урала.

1991

Словарь

А

Адаптация – приспособление, процесс изменения строения и функций органов, организмов или групп организмов под воздействием условий среды. Адаптация обеспечивает успех представителям растительного и животного мира в симбиозе или конкуренции с другими особями, популяциями, видами, сообществами и устойчивость их к изменяющимся условиям среды. Адаптация в этнологии – приспособление этноса к этноландшафтной среде. Адаптация в культурологии – приспособление человека и различных социальных групп к локальной, провинциальной, региональной, национальной, мировой культурной среде. Культурная адаптация сопровождается выбором и реализацией путей дальнейшего культурного, цивилизационного развития.

Антропоген (или четвертичный период) – период в истории Земли, от 2 до 3,5 млн. лет, в течение которого живет человек.

Ареал – область распространения на земной поверхности каких-либо явлений, тех или иных видов (родов, семейств и других единиц) животных и растений, полезных ископаемых, этносов, языков и т. д. Ареалы по своим очертаниям имеют различные конфигурации и различные типы строения. Изучение ареалов проводится путем их картирования или описания на основе единиц регионального деления территории. Ареал пермской региональной культуры в общем совпадает с административной территорией бывшей Пермской губернии. Исторически именно в пределах этого региона расположено наибольшее количество разнообразных пермских достопримечательностей – феноменов пермистики.

Ареальная лингвистика – раздел языкознания, исследующий с помощью методов лингвистической географии распространение языковых явлений в пространственной протяженности и межъязыковом (междиалектном) взаимодействии.

Артефакт – предмет, созданный или, по крайней мере, обработанный человеком с заранее обдуманной целью по определенному образцу. Наиболее древние артефакты – это орудия, оружие и украшения. Артефакты классифицируются по способам их изготовления и отраженному в них уровню мастерства. По артефактам, как и по ископаемым организмам, могут распознаваться слои, в которых они найдены.

Ассоциация минеральная (и ассоциация растительная) – соответственно: сообщество минералов (растений) со сходными условиями возникновения, эволюции, современного существования. Название ассоциации обычно дается по господствующим минералам (растениям).

Архейская эра – древнейшая эра в геологической истории Земли. Некоторые породы ее имеют возраст до 3 млрд. лет. Архейскую эру и архейскую группу пород сокращенно называют «архей».

Архетип – праформа, прототип.

Б

Биом – ландшафтно-географическая зона: тундра, тайга, пустыня, лиственные леса и др.

Биосфера – тонкая пленка жизни на нашей планете. Термин ввел в науку в 1875 г. австрийский геолог Э. Зюсс. Состав, структура и энергетика биосферы в существенных чертах обусловлены прошлой или современной деятельностью живых организмов. Основные свойства биосферы были исследованы и описаны В. И. Вернадским.

Биоценоз – «клеточка» биосферы, совокупность растений, животных, грибов, микроорганизмов, населяющих определенный участок суши или водоема – биотоп. Все они связаны как между собой, так и с абиотическими факторами среды обитания. Биоценозы характеризуются упорядоченностью строения – структурой. Их делят на горизонты, слои, ярусы и т. д. Все виды биоценоза образуют разные экологические ниши. Биоценоз и биотоп вместе составляют биогеоценоз (понятие внедрил в биологию академик В. Н. Сукачёв). Биогеоценоз – однотипное растительное сообщество с животными, микроорганизмами, включая почву, воду, воздух – все пространство над данным участком Земли.

В

Век каменный, бронзовый, железный – периодизация истории человечества на основе достижения им определенного материально-культурного уровня развития (типов орудия труда и быта, идущих на их изготовление материалов и т. п.). В геологии век – подразделение геохронологической шкалы, отвечающее времени формирования слоев горных пород, слагающих ярус.

Венд (от названия древнего славянского племени – венды, или венеда) – самое верхнее подразделение протерозоя. Начало по абсолютному летоисчислению 650–690 млн. лет, продолжительность 80 млн. лет. Венд предшествует кембрийской системе. В качестве ископаемых остатков для него характерны беспозвоночные животные, лишенные минерализованного скелета – кишечнотелные, плоские и кольчатые черви, членистоногие, иглокожие.

Вид (в русском языке – внешний образ, наружность, все, что представляется глазу) в биологии – основная структурная единица в системе живых организмов, качественный этап их эволюции. Вследствие этого вид – основная таксономическая категория в биологической систематике. Накопление к концу XVII в. сведений о многообразии форм животных и растений привело к представлению о виде как о вполне реальных группах особей. Объединив близкие виды в роды, а сходные роды в отряды и классы, шведский естествоиспытатель К. Линней ввел для обозначения видов растений и животных двойное латинское название. Итак, вид – это совокупность особей, близких друг другу по строению, происходящих от общего видового предка в пределах биогеографической области под влиянием внешней среды и естественного отбора. В ботанике вид – «развивающаяся ветвь мира растений» (академик В. Л. Комаров) – понимается более подробно, чем в зоологии; некоторые специалисты различают мелкие виды – жорданоны и крупные – линнеоны.

Видообразование – эволюционный процесс, в ходе которого сформировалось видовое разнообразие всех царств природы.

Водораздел – воображаемая линия на поверхности Земли, разделяющая сток атмосферных осадков по двум противоположно направленным склонам. Региональный водораздел – приподнятый в рельефе край тектонической плиты, служащий в определенное время «мостом» для регионального и трансрегионального расселения растений и животных. В пределах региональных водоразделов сосредоточены наибольшие гено- и ценофонды растительного и животного мира.

Возраст геологический абсолютный – время, протекшее от какого-нибудь геологического события до наших дней, исчисляется в миллионах и тысячах лет.

Возраст геологический относительный – время какого-либо геологического события по отношению ко времени другого геологическо-

го события. Измеряется в условных геологических единицах времени: эрах, периодах, эпохах, веках.

Г

Генеалогическая классификация языков – изучение и группировка языков мира на основании определения родственных связей между ними.

Геохронологическая шкала – шкала геологического времени, разбитая на условные временные отрезки развития земной коры и органической жизни на Земле (зоны, периоды, века).

Гибридизация – процесс образования или получения гибридов, скрещивание двух или нескольких наследственно различающихся по тому или другому признаку (их комплексу) форм. Гибридизм в геологии – процесс изменения состава магмы при ее загрязнении вмещающими породами, которые, попав в магму, плавятся и полностью ассимилируются.

Голоцен – верхнее, наиболее молодое подразделение антропогена, современная послеледниковая геологическая эпоха, следует за плейстоценом. Начало голоцена совпадает с окончанием последнего материкового оледенения на Севере Европы (около 10 тыс. лет тому назад). В голоцене сложились современные географические зоны и внешний облик растительного и животного мира.

Д

Девон, девонская система (период) – четвертая система палеозойской эратемы. Включает три отдела и семь ярусов.

Дивергенция (от средневекового латинского слова – отклоняюсь, отхожу) в эволюционном учении – расхождение признаков организмов в ходе разных филетических линий, возникших от общего предка. Ч. Дарвин использовал принцип дивергенции для объяснения возрастающего разнообразия форм в эволюции организмов. Дивергенция в экологии – разделение одного сообщества на два в результате внешних или внутренних причин. Дивергенция в этнографии – деление этнической системной целостности с появлением новых систем такого типа.

Дифференциация (от латинского слова – разность, различие) – расчленение системы, первоначально единой или состоящей из

одинаковых элементов, на более или менее обособленные разнокачественные части. Дифференциация связана с расширением и интенсификацией функций данной системы и разделением их между частями. Дифференциация в эволюционном учении – это расчленение единого таксона на два или несколько (например, адаптивная радиация, видообразование). Дифференциация вида на популяции ведет к оптимальному использованию природных ресурсов видом в целом.

Диффузия – распространение признака за пределы очага его возникновения.

Е

Единица классификации – степень иерархического построения, где каждая более высокая градация включает в себя ряд более мелких. В биологической систематике единицы классификации приняты по эволюционному происхождению и родству: тип (включает от миллионов до немногих видов), класс, отряд, семейство, род, вид и ряд других подразделений (надтип, порядок, надкласс, подотряд, надсемейство, подвид и т. п.).

Естественный отбор – сохранение в естественных условиях более приспособленных и вымирание менее приспособленных. По Ч. Дарвину, естественный отбор является важнейшим фактором эволюции всего органического мира.

З

Закон ускорения эволюции – скорость формообразования с ходом геологического времени увеличивается, а средняя длительность существования видов внутри более крупной систематической категории снижается.

Закон усложнения (системной) организации организмов: историческое развитие живых организмов (а также всех иных природных систем) приводит к усложнению их организации путем нарастающей дифференциации (разделением) функций и органов (подсистем), выполняющих эти функции.

И

Идиоадаптация – совершенствование организмов путем частных изменений в строении и функциях органов, приспособление к особым

условиям существования без повышения уровня организации в целом (в противоположность арогенезу).

Иерархия – расположение и функциональное соподчинение элементов целого в порядке от высшего к низшему (или в обратном порядке).

Иерархия природных систем – развиваемая, начиная с Аристотеля, идея о ступенях – уровнях сложности природных, в том числе биологических систем (от элементарных частиц до Вселенной). Совершенствовали эту идею многие естествоиспытатели, например, Ш. Бонне и Ж. Ламарк в концепциях «лестниц существ» и «лестниц природы». В иерархии экосистем могут быть обозначены: биосфера, биогеографическая область, природный пояс, биогеоценоз и другие уровни организации экосистем. В этнической иерархии приводятся следующие уровни: этносфера, суперэтнос, этнос, субэтнос, консорция, конвиксия.

Изменчивость – всеобщее свойство организмов, одно из главных свойств живого. Изменчивость в биологии – свойство возникновения разнокачественности, образование различий между особями одного вида. Изменчивость в эволюционном учении – свойство возникновения изменений в процессе исторического развития систематической группы или биотического сообщества (популяции, вида, биоценоза и т. д.). Изменчивость в генетике – перестройки генетического кода (главным образом мутации), дающие материал для естественного отбора.

Изоляция – разобщение особей или групп (популяций, других систематических категорий) друг от друга, исключаящее или затрудняющее свободное скрещивание между особями одного вида. Географическая изоляция – обособление определенной популяции от других популяций того же вида каким-либо трудно преодолимым географическим барьером (горами, реками, морскими заливами, пустынями и т. д.). Биологическая изоляция обусловлена функционированием паразитов и конкурентов, распространением заболеваний. Разные формы изоляции могут сочетаться в любых комбинациях.

Иммиграция – вселение в какую-либо местность организмов, ранее здесь не обитавших. Обычно подразумевается вселение в сравнительно недавнее геологическое время (историческое или доисторическое). Миграция может происходить волнами, то есть повторно или с чередующимися усилениями и ослаблениями.

Интеграция – закономерное функциональное целесообразное объединение и взаимодействие разных частей целостной системы, например, индивида, организма и экосистемы. Интеграция в живых системах осуществляется на иерархических уровнях макромолекул, их агрегатов, органелл, клеток, тканей, органов индивида, особи, популяции, вида, био- и геоценоза и экосистемных образований вплоть до биосферы. В целом степень интеграции – результат приспособительной эволюции, она отражает уровень развития регуляторных механизмов биологической системы.

Интерференция – взаимодействия, возникающие при наличии близких соседей того же или близких видов. В ботанике термин иногда употребляется взамен слова конкуренция.

К

Картография – один из наиболее эффективных научных методов. Применяется в исследованиях местности, территории страны или континента. Дает возможность наглядно представить распространение признака или признаков.

Классификация – условное разделение совокупности каких-то объектов или явлений по группам в соответствии с каким-либо общим признаком или признаками. Классификация в биологии – распределение всего множества живых организмов по определенной системе иерархических соподчиненных групп – таксонов (классы, семейства, роды, виды и др.). Естественная, или филогенетическая, классификация учитывает совокупность признаков, присущих классифицируемым живым объектам, что позволяет их сблизить и противопоставлять друг другу; она отражает исторически сложившиеся закономерные связи между ними. Такая классификация позволяет успешно ориентироваться в многообразии органического мира.

Конвергенция – схождение признаков в ходе эволюции неродственных организмов, живущих в сходных условиях. Сходство признаков, возникающее в результате конвергенции, называется аналогией в отличие от гомологии – схождения, основанного на происхождении разных групп от общего предка путем дивергенции.

Культура – наивысший, исторически сложившийся в обществе уровень чувствования, мышления, действия и среды. Культура – развивающаяся органическим путем система унаследованных ценностей

(материальных объектов, энергии и информации), приобретенных в процессе отбора.

Л

Летоисчисление геологическое – определение возраста геологических событий, горных пород или организмов, существовавших на Земле. Может быть абсолютным или относительным.

Летопись палеонтологическая – история развития жизни на Земле, отраженная в геологических слоях планеты в виде ископаемых остатков и реконструируемая специальными методами (например, воссоздается картина жизни в определенном геологическом периоде). Летопись палеонтологическая – основной документ для восстановления истории развития отдельных групп организмов: времени появления и вымирания, темпов эволюции, филогении, расширения и сужения ареалов, миграций и т. д.

М

Мезозой, мезозойская эра – вторая эра фанерозоя. Следует за палеозоем, предшествует кайнозою. Начало по абсолютному исчислению – 230 ± 10 млн. лет, конец – 66 ± 3 млн. лет назад. Включает три периода: триас, юру и мел. Это эра господства пресмыкающихся на суше, в морях и в воздухе, а среди растений – голосеменных и папоротников. С начала мезозоя появляются первые примитивные млекопитающие, а с середины – первоптицы.

Мезолит – переходный период в развитии современного человечества от древнего каменного века к новому каменному веку – от 12 до 5 тыс. лет назад. В мезолите появились лук и стрелы, была приручена собака.

Мел, меловой период (назван по обилию писчего мела в отложениях этого возраста) – третий период мезозоя, следующий за юрой. Предшествует палеогену. Начало по абсолютному исчислению 136 ± 5 млн. лет, конец – 66 ± 3 млн. лет назад, длительность – около 70 млн. лет.

Миграция – перемещение, переселение, характеризующееся движением членов популяции в одном или близких направлениях. Миграция происходит в пределах сходных сред обитания, разделенных

иногда значительными пространствами чужой среды. Миграция возникает в связи с изменением условий существования или с прохождением цикла развития требований к среде обитания.

Миоцен – нижнее (древнейшее) подразделение неогенового периода, первая эпоха неогена. Начало по абсолютному исчислению – 25 ± 2 млн. лет, конец – 9 ± 3 млн. лет, длительность – около 15 млн. лет. Эпоха расцвета древних человекообразных обезьян.

Монофилия – происхождение группы организмов от общего предка, от однородной группы особей. Монофилия – один из основных принципов эволюции органического мира. Классическое понимание монофилии подразумевает возникновение таксона любого ранга от единственного родоначального вида на основе дивергенции или адаптивной радиации, при этом филогенез изображается в виде родословного дерева с кустящимися ветвями.

Морфология – наука о форме, внутренней структуре и развитии человека, животных и растений.

Н

Направленность эволюции – причинно-следственная цепь, ведущая кратчайшим закономерным путем к изменению живого от простого к сложному, от мало приспособленного к более приспособленному и отсекающая («запрещающая») развитие в большинстве других направлений.

Неоген, неогеновый период – средний период кайнозойской эры. Включает в себя два отдела (миоцен и плиоцен).

Неолит – новый каменный век, последняя в развитии современного человечества эпоха каменного века, от 10-5 тыс. лет назад местами до нашего времени. Это эпоха перехода от присваивающего (охота, собирательство) к производящему (земледелие, скотоводство) хозяйству. В неолите каменные орудия шлифовались, сверлились, появилась глиняная посуда, прядение, ткачество.

Ниша экологическая – место вида в природе, включающее не только положение вида в пространстве, но и функциональную роль его в сообществе и его положение относительно абиотических условий существования. Если местообитание – это как бы «адрес» организма или вида, то экологическая ниша – это его «профессия».

Номогенез – эволюционная концепция и теория развития живой природы, исходящая из того, что эволюция организмов происходит в строго определенном направлении (подобно росту кристаллов в строго определенных плоскостях).

О

Олигоцен, олигоценовая эпоха – третья эпоха палеогена, следует за эоценом, предшествует миоцену. Начало по абсолютному исчислению – 37 ± 2 млн. лет, конец – 25 ± 2 млн. лет назад, длительность – около 12 млн. лет. В олигоцене на значительных территориях преобладают листопадные растения.

Организм – всякое живое тело, живое существо, реальный носитель жизни, характеризующийся всеми ее свойствами. Организм происходит от одного зачатка: семени, споры, зиготы и т. д. и индивидуально подвержен факторам эволюции и экологическим воздействиям. В широком, самом общем смысле живой организм – любая биологическая или биокосная целостная система, состоящая из взаимозависимых и соподчиненных элементов, взаимоотношения которых и особенности строения детерминированы их функционированием как целого. В этом смысле в понятие организма входят не только особи (индивиды), но и колонии, семьи, популяции, биогеоценозы и т. д.

Ордовик, ордовикский период (по имени ордовиков, древнего кельтского племени, населявшего территорию современного Уэльса в Великобритании) – второй период палеозоя, следующий за кембрием, предшествующий силуру. Начало по абсолютному исчислению – 490 ± 15 млн. лет назад, длительность – 55 ± 10 млн. лет.

Отбор естественный – один из движущих факторов эволюции, процесс дифференцированного (неслучайного, избирательного) выживания и воспроизведения организмов в ходе эволюции. Будучи следствием борьбы за существование в рамках факторов направленности эволюции, естественный отбор обуславливает относительную целесообразность строения и функций организмов. В ходе естественного отбора популяции постепенно приобретают новые признаки, что приводит к образованию новых видов.

Очаг происхождения (центр происхождения) – область (центр) возникновения и первичного развития видов или сортов растений, пород животных и т. д.

П

Палеоген, палеогеновый период – первый период кайнозоя, включает палеоцен, эоцен и олигоцен. Следует за мелом, предшествует неогену. Начало по абсолютному исчислению – 60 ± 3 млн. лет, конец – 25 ± 2 млн. лет назад, длительность 41 ± 2 млн. лет.

Палеозой – третья эра от начала геологической истории Земли, первая эра фанерозоя. Продолжительность – 300-350 млн. лет. Делится на периоды: кембрийский, ордовикский, силурийский, каменноугольный и пермский.

Палеолит – древнейший период каменного века с момента первого изготовления каменных орудий – от 2,5-3 млн. лет до примерно 12-10 тыс. лет назад. Каменные орудия человек изготавливал путем скалывания и оббивки камня, широко пользовался деревянными, костяными изделиями, занимался охотой и собирательством. За период палеолита сменилось несколько видов рода человек.

Палеоцен – первая эпоха палеогена.

Параллелизм – независимое развитие сходных признаков в эволюции близкородственных групп организмов. В результате параллелизма вторично приобретенное сходство разных групп как бы накладывается на их сходство, обусловленное общностью происхождения. Синоним: парафилия.

Пермь, пермская система (период) названа в 1841 г. Р. Мурчисоном в честь Перми, Пермской губернии, легендарного царства Пермия – последняя система палеозойской эратемы, включает в себя два отдела и семь ярусов.

Плейстоцен – нижнее (древнейшее) подразделение антропогена, характеризуется появлением относительно большого количества форм жизни. Отличается заметным похолоданием на планете и обширными материковыми оледенениями.

Плиоцен, плиоценовая эпоха – вторая эпоха неогена, предшествующая плейстоцену.

Поведение – реакция системы на внешние воздействия: ее изменения, развитие, рост.

Подвид – географически, реже экологически, обособленная часть вида (группа популяций).

Покров растительный – совокупность растительных сообществ определенного участка или всей поверхности Земли.

Полифилия – происхождение групп организмов от двух или более предковых групп, не связанных близким родством, в результате конвергенции или симбиоза. Полифилия противопоставляется монофилии, как эволюционному принципу, основанному на дивергенции.

Популяция – совокупность особей одного вида с общим генофондом, которые в течение большого числа поколений населяют определенное пространство. Группы пространственно смежных популяций могут образовывать географическую расу или подвид.

Протерозой, протерозойская эра – вторая эра от начала геологической истории Земли. Продолжительность ее – 600-800 млн. лет. Протерозой сложен осадочными, магматическими и метаморфическими породами.

Р

Радиация адаптивная – 1) развитие в процессе эволюции различных видов (органов) из одного вида (органа), 2) возникновение в пределах определенной систематической группы (обычно на уровне семейства и выше) форм, приспособленных к разным условиям существования, 3) приспособление одинаковых по происхождению органов к выполнению различных функций в зависимости от среды обитания организма.

Разновидность – внутривидовая таксономическая категория, занимающая положение между подвидом и формой.

Районирование – метод региональных исследований природы, создание особой системы таксономических единиц, позволяющей выделять в пределах изучаемой территории участки, относительно однородные с точки зрения принятого критерия районирования и последовательно соподчиненные по своей масштабности. Районирование включает нанесение на карту типов территориальных единиц, сопряженный анализ компонентов по типологическим отраслевым картам.

Раса – экологически, поведенчески, а иногда и физиолого-морфологически обособленная совокупность особей, популяция, их группа. Различают экологические, географические и другие расы. У растений расы составляют таксономические единицы, близкие к подвидам или географическим популяциям. Раса человека – исторически сложившаяся группа людей, характеризующаяся общностью наследственных физических особенностей (цвет кожи, глаз и волос, разрез глаз, строение век, очертаний головы и т. п.).

Расселение – распространение организмов за пределы видового ареала.

Растительность – совокупность растительных сообществ (фитоценозов) планеты или ее отдельных частей. В отличие от флоры, растительность характеризуется не видовым составом растений, а, главным образом, численностью и сочетанием видов и различных жизненных форм растений и их пространственной структурой и динамикой.

Реликт – вид (или иная систематическая группа живого), сохранившийся от исчезнувших, широко распространенных в прошлом флор и фаун. Реликты различают по геологическому возрасту флор и фаун, от которых они сохранились (третичные, ледниковые).

Род – надвидовая таксономическая категория, объединяющая эволюционно близкие виды.

Родство – наличие общих черт и регулярных соответствий.

С

Семейство – таксономическая категория, объединяющая близкие роды, имеющие общее эволюционное происхождение.

Силур, силурийская система (период) (силуры – название древнего кельтского племени, населявшего Уэльс на территории Великобритании) – третья система палеозоя, следует за ордовиком, предшествует девону. Начало по абсолютному исчислению – $435 \pm$ млн. лет, конец – 400 ± 10 млн. лет назад. Длительность – более 35 млн. лет.

Симбиоз – совместная жизнь двух или более особей разных систематических групп, в ходе которой оба партнера (симбионты) или один из них получает преимущества в отношениях с внешней средой.

Симбиоз в этнологии – форма взаимопользовного сосуществования этнических систем в одном регионе, при котором симбионты сохраняют свое своеобразие.

Система – развивающееся целое, состоящее из взаимосвязанных, взаимодействующих, взаимозависимых частей.

Система органического мира – глобальная система всех организмов, функционирующая на основе их всеобщей связи и эволюции. Рассматривается как всеобщая естественная (эволюционная или филогенетическая) классификация (систематика, таксономия) организмов и как последовательность эволюционных преобразований живого, его постепенное усложнение от простейших до высших форм жизни.

Систематика – раздел биологии, задачей которого является описание и обозначение всех существующих и вымерших организмов, а также их классификация по таксонам (группировкам) различного ранга. Систематика позволяет ориентироваться в огромном многообразии живых существ.

Сообщество (организмов) – совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых видов в пределах некоторого естественного ограниченного объема жизнепригодного пространства. Элементами сообщества могут быть популяции разных видов, само же сообщество является элементом экосистемы.

Социогенез – процесс развития человеческого общества: трудовой деятельности, производительных сил, производственных отношений, материальной и духовной культуры. В ходе социогенеза человек стал, говоря словами В. И. Вернадского, «геологической силой» на Земле.

Среда (обитания) – совокупность конкретных абиотических и биотических условий, в которых обитает данная особь, популяция, вид или другая система.

Стратиграфия – раздел исторической геологии, изучающий хронологическую последовательность слоев горных пород, их корреляцию (сопоставление) на больших территориях, а также установление периодизации геологической истории.

Сукцессия – последовательная замена во времени одних экосистем другими на определенном участке земной поверхности.

Смена одной экосистемы другой в ходе сукцессии представляет сукцессионный ряд. При отсутствии нарушений сукцессия завершается возникновением экосистемы, находящейся в относительном равновесии со средой, – климакса.

Т

Таксон – любая систематическая единица, употребляющаяся в биологии. Например, семейство, род, вид и др.

Тип в зоологии – одна из высших таксономических категорий в систематике животных; определенная группа (таксон) животных (например, хордовые), которой присвоен ранг типа. Тип в ботанике – объединение разнородных по происхождению растительных сообществ высокого ранга (формаций или их классов), сходных лишь морфологически (леса, кустарника) или одновременно структурно и экологически (тугаи, мангры и т. д.).

Типизация – разделение чего-то на отдельные, имеющие общность по существенным, легко выявленным (характерным) признакам: сходству строения и функции, общности происхождения и т. п. В книговедении, библиотечном и архивном делах типизация – принцип стандартного построения однородных разделов классификационных таблиц, систем упорядоченного расположения произведений печати и документальных материалов по классам, подклассам и более дробным подразделениям, расположенным в логической последовательности на основе признаков содержания.

Типология – классификация предметов или явлений по общности каких-то предков (внешнеструктурных или функциональных). Производится с помощью какой-то общей модели, принимаемой за типичную. Используется для сравнительного изучения существенных признаков, связей, функций, отношений, уровней организации. Типологии подвергаются практически все группы природных явлений – климат, ландшафт, почвы, растительность, животный мир и т. п. См.: районирование.

У

Универсальная десятичная классификация (УДК) – международная библиотечно-библиографическая классификация, одна из наиболее разработанных универсальных классификаций в мире.

Урочище – примечательный участок местности с четко сформированными естественными границами.

Ф

Факт (от латинского «фактум» – сделанное, свершившееся) – истина, событие, результат. В логике и методологии науки факт – особого рода предложение, фиксирующее эмпирическое знание.

Фанерозой, фанерозойская зонотема (зон) – крупнейшее подразделение общей стратиграфической шкалы. Нижний возрастной рубеж фанерозоя – 580 млн. лет. Образования фанерозоя представлены осадочными, метаморфическими и магматическими породами, слагающими осадочный чехол древних и молодых платформ, а также складчатых систем. Делится на палеозойскую, мезозойскую и кайнозойскую эратемы.

Фасетная классификация – библиотечно-библиографическая классификация аналитико-синтетического типа, обеспечивающая многоаспектный поиск информации. Основные принципы теории фасетной классификации, разработанной индийским библиотековедом Ш. Р. Ранганатаном, легли в основу многочисленных классификационных систем, в частности, универсальной десятичной классификации.

Фация в биогеографии – участки с незначительными различиями в условиях жизни в пределах одного биотопа. Фация в ботанике – объединение сходных биогеоценозов. Фация в геологии – часть слоя, отличающаяся от соседних слоев по литологическому составу и комплексу ископаемых организмов. Фация в физической географии – элементарный, далее неделимый с точки зрения природной комплексности участок земной поверхности, обладающий на всем своем протяжении однородными литологией, рельефом, климатическими характеристиками, почвами и биотическими компонентами, составляющими на территории фации один биогеоценоз.

Фитоценоз – устойчивая естественная группировка видов растений, образовавшая собственную внутреннюю среду (фитоклимат, обмен веществом и т. п.). Фитоценоз – динамичная система, изменяющаяся в течение года и по годам.

Флора (в римской мифологии богиня цветов и весны) – исторически сложившаяся совокупность видов растений, обитающих на данной территории или в составе отдельного растительного сообщества.

Формация в ботанике – совокупность ассоциаций, сходных по растительным доминантам главного слоя растительного сообщества. Формация в геологии – естественное сочетание горных пород, связанных между собой единством происхождения только образующих в земной коре тела различной формы. Формация в мировой истории – этап общественного развития, сопровождающийся сменой типов экономической структуры общества.

Фратрия – отрезок филогенетического дерева, соответствующий виду; объединение близких по происхождению растительных формаций (лесные, кустарниковые, травяные).

Х

Хронология – наука об измерении времени.

Ц

Царство природы в биологии – самая высокая таксономическая категория в системе организмов, официально признаваемая ныне действующими международными кодексами ботанической и зоологической номенклатуры.

Центр происхождения – см.: Очаг происхождения.

Цивилизация – ветвь развития мировой культуры в крупном очаге сплочения народов нередко различных языковых семей, ярко выраженная региональная или национальная культура, совокупность родственных локальных или провинциальных культур, объединенных общими типологическими характеристиками. Обычно цивилизация определяется с помощью ряда отличительных признаков. Например, о том, что цивилизация состоялась, свидетельствует: «городская революция» (развитая система многоядных поселений городского типа с монументальными архитектурными комплексами), высокоразвитое товарное производство и обмен, государственные институты, определенные достижения в области искусства, науки, техники, технологии, организации. Цивилизация отличается мощной мобилизацией человеческой активности, утверждением и усилением человеческой сущности.

Ч

Четвертичная система (период) – см.: Атропоген.

Четвертичные отложения – образовавшиеся в четвертичный период и представляющие собой рыхлый покров осадочной оболочки Земли.

Ш

Шкалы геохронологическая и стратиграфическая – на первой в последовательности геологического времени расположены геохронологические подразделения (зон, эра, период, эпоха, век, фаза, пора). На второй используются стратиграфические подразделения, соответствующие подразделениям геохронологической шкалы (зонотема, эратема или группа, система, отдел, ярус, зона, звено). Различают также региональную и местную стратиграфические шкалы.

Э

Эволюция – необратимое и направленное историческое развитие живой природы, сопровождающееся изменением генетического состава популяций, формированием адаптаций, образованием и вымиранием видов, преобразованием экосистем и составленной ими биосферы в целом. Скорость или темпы эволюции в среднем темп скорее, чем выше организация вида, всего органического мира и проще устройство экосистемы.

Экосистема – строительный «кирпичик» биосферы, фундаментальная общность живого и среды его обитания. Экосистема – отчетливо различимое сообщество растений и животных, совместно существующих в пределах собственного особенного участка биосферы. Из экосистем складываются биомы. Одной гигантской экосистемой является биосфера, взятая в целом.

Эндемизм – распространение организмов в узко ограниченном географическом районе.

Эон – самое крупное подразделение общей стратиграфической шкалы, время формирования слоев горных пород, слагающих эонотему.

Эонотема – самое крупное подразделение стратиграфической шкалы, отвечает толще горных пород, сформировавшейся в течение эона. Различают архейскую, протерозойскую и фанерозойскую эонотемы.

Эоцен – второй, средний отдел палеогеновой системы.

Эра – крупное подразделение геохронологической шкалы, составляет часть эона и отвечает времени формирования слоев горных пород, слагающих эратему. Различают палеозойскую, мезозойскую и кайнозойскую эры.

Эратема – крупное подразделение общей стратиграфической шкалы, отвечает толще горных пород, сформировавшихся в течение эры. Эратема отражает значительный этап развития Земли и эволюции органического мира. Синоним – групппа.

Ю

Юра, юрская система (период) – средняя система мезозойской эратемы. Включает в себя три отдела и 11 ярусов.

Я

Ярус в ботанике – часть слоя в сообществе растений, к которому приурочены функционально различные их органы (листья, стебли, корни, корневища, клубни, луковицы); толща, образованная надземной частью растительного сообщества (древостоем, подлеском, кустарником, кустарничком, травостоем и т. д.). Ярус в геологии – подразделение общей стратиграфической шкалы, объединяющее отложения, образовавшиеся в течение одного геологического века (от 2 до 10 млн. лет) и отвечающее определенному этапу геологического развития. Составляет часть геологического отдела, подразделяется на стратиграфические зоны.

Литература

Пермская геологическая система

Мурчисон Р. И., Вернейль Р. Э. Р., Кайзерлинг А. А. Геологическое описание Европейской России и хребта Уральского (перевод А. Озерского). 2 тома. – СПб., 1849.

Мазарович А. Н., Фениксова В. В. История исследований пермских отложений Русской платформы и Приуралья. – М.: изд-во МОИП, 1949.

Стратиграфический словарь СССР. Карбон. Пермь. – Л.: Недра, 1977.

Пермские ящеры

Ефремов И. А. Фауна наземных позвоночных в пермских медистых песчаниках Западного Приуралья. – М.: изд-во АН СССР, 1954.

Чудинов П. К. Ранние терапсиды. – М.: Наука, 1983.

Пермская медь

Яговкин И. С. Медистые песчаники и сланцы (мировые типы). – М.-Л.: ОНТИ, 1932.

Стратифицированные месторождения меди СССР. – Л.: Недра, 1973.

Пермская соль

Иванов А. А. Пермские соленосные бассейны Печоро-Камского Предуралья. – Новосибирск, 1965.

Мерзляков Г. А. Пермские соленосные бассейны Евразии. – Новосибирск: Наука, 1979.

Пермская нефть

Абрикосов И. Х. Нефтегазоносность Пермской области. – М.: Гостоптехиздат, 1963.

Шаронов Л. В. Формирование нефтяных и газовых месторождений северной части Волго-Уральского бассейна. – Пермь, 1971.

Пермская школа геологов

Пермякова Е. В. Кафедра исторической геологии и палеонтологии. – В кн.: Ученые записки ПГУ. Юбилейный выпуск. – Пермь, 1936.

Живописцев В. П. День открытых дверей. – Пермь, 1986.

Кертман Л. Е., Васильева Н. Е., Шустов С. Г. Первый на Урале. – Пермь, 1987.

Пермская флора. Пермские флоры

Сюзёв П. В. Конспект флоры Урала в пределах Пермской губернии. – М.: 1912.

Залесский М. Д. Пермские флоры Русской равнины, Урала и Кузнецкого бассейна и сопоставление заключающих их отложений. – В кн.: Проблемы палеонтологии, ч. II–III, 1937.

Мейен С. В. Пермские флоры. – В кн.: Вахрамеев В. А. и др. палеозойские и мезозойские флоры Евразии и фитогеография этого времени. – М.: Наука, 1970.

Мейен С. В. Основы палеоботаники. – М.: Недра, 1987.

Парма – приуральская тайга

Растительность Европейской части СССР. – Л.: Наука, 1980.

Колесников Б. П. Лесная растительность юго-восточной части бассейна реки Вычегды. – Л.: Наука, 1985.

Пермский карагай

Колесников Б. П. К систематике и истории развития лиственницы... – Материалы по истории флоры и растительности СССР. – М.-Л.: изд-во АН СССР, 1946, вып. 2.

Полякова А. Урал – Венеция. – «Уральский следопыт», № 3, 1973.

Ветреница пермская

Шипчинский Н. В. О формах... – Труды ботанич. сада Юрьевск. ун-та, т. 13, вып. 2, 1912.

Сюзев П. В. Краткий обзор рода... – Известия БНИИ и Бот. сада при Пермск. ун-те, т. 1, вып. 3-4, 1923.

Флора СССР, т. 7. – М.-Л.: изд-во АН СССР, 1937.

Пермская школа биологов

Николаев С. Ф. Хранители леса А. Е. и Ф. А. Теплоуховы. – Пермь, 1957.

Николаев С. Ф. Испытатель природы П. В. Сюзев. – Пермь, 1958.

Генкель П. А. Александр Германович Генкель. – М.: Наука, 1981.

П. Г. Светлов. Александр Александрович Любищев. – Л.: Наука, 1982.

Мурзаев Э. М. Лев Семенович Берг. – М.: Наука, 1983.

Древности пермской чуди

Теплоухов Ф. А. Древности пермской чуди в виде баснословных людей и животных. – В кн.: Пермский край, т. 2. – Пермь, 1893.

Бадер О. Н. Археологические памятники Прикамья и их научное выявление. – Пермь, 1950.

Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск, 1985.

Серебро пермское, закамское

Теплоухов Ф. А. Древности пермской чуди из серебра и золота и ее торговые пути. – В кн.: Пермский край, т. 3. – Пермь, 1895.

Бадер О. Н. О восточном серебре и его использовании в древнем Прикамье. – В кн.: На Западном Урале. – Пермь, 1951.

Тревер К. В., Луконин В. Г. Сасанидское серебро. – М.: Искусство, 1987.

Пермские всадники

Шмидт А. В. Туйский всадник. – Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Российск. Академии наук, т. 1. – Л., 1925.

Збруева А. В. Пермский всадник. – Вестник древн. истории, 1946, № 3.

Пермский звериный стиль

Грибова Л. С. Пермский звериный стиль (проблемы семантики). – М.: Наука, 1975.

Оборин В. А. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. – Пермь, 1976.

Пермская деревянная скульптура

Серебреников Н. Н. Пермская деревянная скульптура. – Пермь, 1928.

Любимов Л. Д. Искусство Древней Руси. – М.: Просвещение, 1981.

Искусство Прикамья. Пермская деревянная скульптура. – Пермь, 1985.

Пермская школа археологов

Шмидт А. В. Изучение доисторического прошлого Предуралья и его задачи. // Экономика, № 5, 1926.

Богословский Е. С. Материалы к изучению научной деятельности А. В. Шмидта в Пермском университете. Уч. зап. ПГУ, вып. 191. – Пермь, 1968.

Пермские народы

Орлов А. П. Сведения о вогулах, обитающих в Пермской губернии. – Сб. Пермского земства, 1873, № 3.

Добротворский Н. Пермь. // Вестник Европы, 1883, № 3.

Смирнов И. Н. Пермь. Историко-этнографический очерк. Изв. общества археол., ист. и этногр. При Казанск. ун-те, IX, вып. 2. – Казань, 1891.

Теплоухов А. Е. Обзор данных о географическом распространении пермяков. – Записки Уральск. общества любителей естествознания, т. 40, в. 2. – Свердловск, 1927.

Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми XIX – начала XX в. Труды Ин-та этногр., нов. сер., т. 40. – М.: изд-во АН СССР, 1958.

Жеребцов Л. Н. Этнографические исследования на европейском северо-востоке СССР. – Сыктывкар, 1975.

Козлова К. И. Об истоках финно-пермского этногенеза. – В кн.: Очерки этнической истории марийского народа. – М., 1978.

Проблемы этногенеза удмуртов. Сборник статей. – Устинов, 1987.

Пермские языки

Лыткин В. И. Древнепермский язык. – М.: изд-во АН СССР, 1952.

Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. – М.: изд-во АН СССР, 1963.

Тепляшина Т. И. Антропонимические модели пермских языков. – М.: Наука, 1978.

Хайду П. Уральские языки и народы. – М.: Прогресс, 1985.

Венгерские ученые и пермская филология. Сб. статей. – Устинов, 1987.

Уральская раса

Чебоксаров Н. Н. Этногенез коми по данным антропологии. // Сов. этнография, 1946, № 3.

Трофимова Т. А. Антропологический состав древнейшего населения Прикамья и Приуралья. – Материалы и исследования по археол. СССР, № 22. – М.: изд-во АН СССР, 1951.

Акимова М. С. Антропология древнего населения Приуралья. – М.: Наука, 1968.

Герасимова М. М., Рудь Н. М., Яблонский Л. Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. – М.: Наука, 1987.

Пермское культурно-историческое ядро

Пименов В. В. Урало-Поволжская историко-этнографическая область. – В кн.: Проблемы типологии и этнографии. – М., 1979.

Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. – М.: Наука, 1982.

Кузеев Р. Г. и др. Об истории этнокультурных контактов индоевропейских, уральских и алтайских народов в Урало-Поволжье. – В кн.: Вопросы этнической истории Южного Урала. – Уфа, 1982.

VI Международный конгресс финно-угроведов. Тезисы докладов. Тт. I–IV. – Сыктывкар, 1985.

Пермская школа этнографов

Богословский П. С. О постановке культурно-исторических исследований Урала. – Уральское краеведение, вып. 1. – Свердловск, 1927.

Богословский П. С. Пермская этнография за 1917–1926 гг. // Этнография, 1927, № 2.

Михайловская А. И. Этнографическая работа в Приуралье и Поволжье в конце XIX – начале XX века. – В кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. – Труды ин-та этногр., нов. сер., т. 110. – М., 1982.

Вячеслав Раков

Пермский диптих

Эссе

1. Пермская идея.

Опыт вслушивания

Вспомним Платона: идеи предшествуют вещам и всему, что имеется в явленном мире. Идея – это образец, по которому вещь (или живое существо) создается. Вместе с тем это цель, к которой стремится вещь. Идея в начале – лейтмотив становления, идея в конце – как выполненное задание, как чаемая *полнота*. Идея осуществляется или нет. Все, что проклевывается в исторической почве, есть попытка осуществления идеи, смысла, лица (и, может быть, лика). Никакое существование не может быть вполне абсурдным, ибо порождается Смыслом. Существование есть неявное обличение Смысла.

Человек ли, человеческое ли сообщество – это зерна, что разбросаны новозаветным Сеятелем. Но скрученная пружина Смысла может не развернуться, поскольку явленному миру дана свобода, в том числе свобода не проявиться, которая по мере отказа от роста (или вследствие объективных препятствий) заносится, как песком, несвободой.

Итак, Пермь (регион и город) как попытка роста от гюмуса к бутону. Пермь начинается, как и все, с имени. Особенно важно, что имя это – *Пермь* – не продукт новояза. Оно выдохнуто «почвой», или, как сказал бы Хайдеггер, бытием. Это настоящее имя, воистину данное. Отсюда надежда на подлинность того, что происходит с поименованным.

«Перема-а» на языке коми означает «окраина». Эта этимология одна из наиболее признанных. Она удивительно подошла моему культурно-пространственному образу Перми Начальной, который видится мне приблизительно так: Европа кончается Уралом, дальше – нечто бесструктурное, вне истории находящееся, подлежащее колонизации и освоению. Напомню: последовательная колонизация Сибири начинается в XVII веке, но это в будущем, а в Начале (XII – XVI вв.) история ударяется об Урал и, не останавливаясь, точно теннисный мячик, отскакивает к своим фаворитам – на запад. Удары следуют оттуда. Или: западный исторический импульс, волна аккультурации спадает и засыпает, уткнувшись в камни Рифея. Окраина. Задник. Спрятанность, затолканность.

Область эха (дистанцированность плюс отражающие горы), пляшущего далеко на западе времени. Хотя требуется уточнение: чьим тылом был Урал? «Тот» Запад был, конечно же, слишком далеко, и если достигал восточного края Европы, то лишь пройдя сквозь фильтры Московской Руси или Петербургской России. Вот какое эхо витало над Пармой. Символ Эха – первый компонент первообраза Окраины, который я считаю необходимым выделить. Окраина же – первая форма, историческая и отчасти метаисторическая, в которой обнаруживает себя Пермская идея. Метаисторичность Окраины в том, что в Начальные времена пуповина между Иным и Здешним еще не порвана: по иаковлевой лестнице еще поднимаются и спускаются. Хотя лучше говорить, наверное, «миф», а не «метаистория»: именно его природе

соответствует неразрывность имманентного и трансцендентного. В нашем случае это миф (он же первообраз) Окраины, содержащий в себе, помимо прочего, ее историю.

Итак, символ Эха. У него достаточно богатая семантика: культурная инертность и подражание; преломление (в ироническое пародирование, в гротескное усиление, в «глухой телефон» – Эхо не копия, а отчуждение голоса); собранность внимания вплоть до постижения души оригинала; наконец, Эхо как собственный отклик на учительский вызов-восклицание. Эхо как становление. Эхо с нами и в нас от первых новгородских походов на Урал в XI – XII вв. по сию пору. Нам остается лишь вслушаться в его меняющуюся природу.

Разумеется, Эхом Окраина не исчерпывается, поскольку голос времени не только отражается от нее, но и затихает в ней. Окраина – рубеж между временем и вечностью, последний берег истории. Сюда «уходят», чтобы победить мир (в парадигме же Эха сюда прежде всего «приходят», чтобы все устроить по готовым образцам). Урал естественным образом стал прибежищем всех уходящих, от беглых до старообрядцев, а Скит – символом, в известном смысле противостоящим символу Эха (противоэхо), но в последнем счете состоящим с ним в одной связке. Скит в той же мере, что и Эхо, был задан как условие в теореме Окраины. Различались же они функционально: Эхо обуславливало степень региональной общительности и информированности, а Скит – самостояние Окраины, ее духовное ядро.

Третья составляющая мифа Окраины – Воля (не в смысле психологического понятия, а как своеобразная национальная ценность и соответствующий ей стиль жизни), чьим историческим субстратом явилось казачество и всякий авантюрный люд. Психологический коррелят символа Воли – неангажированность, известная свобода от правил социальной игры, спонтанность и вообще колорит. Воля во многом этнографична и, безусловно, более социальна, нежели Скит, хотя ее социальность еще и особая, восходящая к человеческой изюминке, а не к человеческому эталону. Скит же принадлежит сфере свободы, которая некоторым образом всегда по ту сторону социума, однако не только не враждебна ему, а, напротив, является наиболее надежным гарантом

его благополучия. Без людей, свободных от общества (а значит от себя, от своих аффектов и амбиций), общество безнадежно деградирует, поскольку вынуждено перепевать самое себя. Обществу совершенно необходимо Иное, «свое» Иное как источник обновления, то есть Жизни. В этом смысле я и понимаю пословицу «мир стоит на семи праведниках». Все это приводит меня к мысли, что символ Скита занимает особое место в мифе Окраины, а именно стержневое. Без внутренней клетки, без собственного молчания не может быть ни собственного голоса, ни даже собственного тела.

Таков исходный символический пасьянс, архетипика Перми Великой, первое обнаружение ее идеи. Дальше миф уступает место истории, которая либо продолжает его, переказывая на своем языке, либо искажает или заглушает совсем. В этом случае идея должна искать себе новое символическое тело. Посмотрим, каков наш случай.

В XVII веке заканчивается пермская древность, и Окраина постепенно врастает в историю. Приходят новые люди, возникают и растут города, ширится торговля, все идет достаточно плавно. Но вот – XVIII век, форсированная модернизация Петра I, волной набежавшая на Урал. Окраина стала индустриальной колонией. Заводы и рабочие поселки. Вывороченные недра, исчезающие озера и колоссальные лесные вырубki. Рудники и копи. Окраине всучили железную судьбу, совершив над ней историческое насилие, постепенно переходящее в метафизическое. Урал стал первым и основным полигоном российского индустриального эксперимента со всеми его издержками и кошмаром. Я воспринимаю столетие уральского чугуна как один мучительный колониальный спазм, от которого Окраина если и не задохнулась, то дышать стала хрипло. Что-то дернулось и сломалось. И едва ли мне это почудилось. Не думаю, что выгоды от индустриализации (для Урала), если таковые и имелись, хоть сколько-нибудь окупали ущерб, нанесенный ландшафту и традиционной культуре. Апокалиптические предчувствия староверов во многом оправдались в уральском экокультурном холокосте XVIII века. Даже окраинный фольклор обрядился в камень, или, может быть, горные ходы и подземелья понадобились ему, чтобы укрыться, как новому Китежу?

Начальный сценарий Перми Великой, по всей видимости, изменился. Она была превращена в промышленный придаток, и теперь самое время поговорить о роли Центра (Москва – Петербург – Москва) в нашей истории. Это был, прежде всего, колониальный Центр, который, подобно грандиозному пауку, высасывал остальную страну, по большей части остававшуюся вне истории. Я понимаю всю неизбежность такого расклада, но легче мне от этого не становится. На российском периферийном фоне участь Урала была не лучшей: если на землях центральной, южной и западной России жило поместное, «автохтонное» дворянство, с которым не могли не считаться в Центре, и, следовательно, колониальный режим не был там слишком жестким, то на востоке России и, в частности, на Урале картина была иной. Ни Строгановы, ни Демидовы, ни Голицыны с Воронцовыми не рассматривали свои уральские владения как Отечество. Для них Урал был просто «средством потребления». Впрочем, паразитизм не ограничивался только кругом хозяев: как правило, дворяне лепит себя с барина. Добавим сюда, что большую часть населения Урала составляли пришлые люди, в лучшем случае имевшие здесь несколько поколений предков. Добавим также, что закреплению слабой корневой системы мешала атмосфера проходного двора (через Урал в Сибирь) и периодические миграции горнозаводских «пролов». Поэтому регионального самосознания не возникало. Тупое хищничество и воровство. Слишком ранняя и слишком глубокая индустриализация, разорвавшая интимную связь человека и природы (чего пока не произошло в других областях), положившая начало экофольклорной регрессивной мутации, конечно же, усугубила состояние этнокультурного отчуждения от земли. В этом основной трагизм уральского XVIII века. В этом суть негативной поправки к первоначальному сценарию Окраины. Промышленная колония (и позднее провинция) – вот новый стереотип, новый статус, закреплённый за Уралом (то прочно, то послабее) на два столетия вперед.

XIX век перевел потрясенный Урал в более спокойное, неколониальное русло вторичной цивилизованности. Начинается эпоха провинции. Пермь становится губернским городом (а точнее, большой деревней – до середины столетия)

с гимназией, семинарией и кафедральным собором. Робко намечается городской ландшафт, которому, как до луны, до мифологичности московского или петербургского городских пространств, где здания или целые кварталы обрастают человеческой памятью, легендами и создается интригующая обстановка культурного приключения. Пермь дворянская не состоялась ввиду отсутствия «дворянских гнезд». А между тем в первой половине XIX века развитие городской культуры, как правило, зависело от присутствия дворянского общества, «света», задававшего образцы, кругами расходившиеся по остальным социальным слоям. Не просвещение определило лицо Перми, а индустрия, чиновное делопроизводство и купеческие кутежи.

Глуховатая провинция чеховских «Трех сестер», где забываются иностранные языки, выученные в столичных университетах. Впрочем, это и понятно, ведь Пермь только начинала. Ситуация меняется во второй половине века, особенно ближе к концу, когда образованная Пермь Смышляева, Шишонко, Дмитриева, выходя из ступора беспамятности, переживает чувство малой Родины. Пошла литература по пермской старине. Рубеж XIX – XX веков, похоже, положил конец пермскому неокOLONиальному провинциализму. Пермь уже крупный город со своими амбициями, нуждающийся в самоопределении, а главное, располагающий людьми – носителями местного самосознания.

Провинция – то место, откуда бегут (если знают, зачем, и если могут) в столицу. Когда исход приостанавливается, когда часть лучших, пусть малая, все же остается, тогда провинция получает собственную голову и провинцией быть перестает. Нечто подобное намечалось в начале XX века во многих больших городах России. Пермь, по-видимому, не была исключением. Складывается своеобразный архитектурный облик города. Первая мировая война неожиданно подпитала пермский культурный слой столичными умами: в Перми появилось отделение Петроградского университета. Знаменательно: Пермь (как культура) выигрывала, когда Центр испытывал трудности. Такое повторится еще раз во время следующей мировой войны, когда Пермь вновь стала временным держателем российской культурной элиты.

В спокойные же времена благополучный Центр всегда отсасывал лучшие силы провинции. Тема культурного выживания, на мой взгляд, центральная в истории Пермской идеи (или шире – в уральской мистерии). Сценарий, сложившийся в результате катаклизма XVIII века, толкал Пермь (и Урал) в прокрустово ложе индустриального подспорья метрополии, каковым Урал, в сущности, и оставался на протяжении всего XIX века. В результате рывка в начале XX столетия Пермь впервые получила шанс создать собственную интеллектуально-артистическую среду, достаточно независимую от промышленных требований. Только наличие автономной культурной среды делает город (область, регион) субъектом истории. В противном случае – идиотизм провинциальной жизни, где начисто отсутствует воля к смыслу.

Не будем прекрасноразумно упрощать пермскую историю начала века: помимо отрадных перемен была накоплена мощная инерция негативного опыта, отложившегося в своего рода энтропийных (разрушительных) комплексах. Здесь я имею в виду колониальный сервиллизм (комплекс Колонии) и отчуждение от «почвы» (комплекс Чужой земли или Безродности). Фундаментальная символика Окраины претерпела поправки. Скит (ранее – это духовное самостояние) переживается в большей степени как социальное и отчасти культурное самоопределение провинции. Но социальная реализация при всей ее важности не в силах заменить духовной состоятельности.

Я лишь хочу, чтобы мы различали то, что следует различать. Пермь начала века, безусловно, более индивидуализирована во всех своих проявлениях, чем когда бы то ни было ранее. В этом смысле тема Скита усиливается. Но в то же время рост социального азарта и приток в сферу исторической активности большого числа людей с начальным, церковно-приходским образованием, людей с Колонией и Безродностью в подсознании, заставляет Скит втягиваться обратно в те глубины, из которых он всплыл.

Столь же неоднозначно трансформируется символ Воли. Он во многом утратил свой этнографический психологический колорит. Амбивалентный и яркий авантюризм уральцев, их близость лесам, водам и горам и питавшееся этой близостью душевное здоровье – по всему этому прошелся

нивелирующий каток провинциализма. В провинции люди мельчают вплоть до акакия акакиевича, вплоть до чеховского чиновника, умершего от страха и тревог за последствия своего чиха. Хотя провинция – это не столько страх, сколько ужас, ужас скуки, ужас от уходящего по пыльной улице времени. Пермь знает, что такое провинция. И все же полностью сгладить «уральский характер» к началу XX века провинции не удалось, и это выражение еще не стало зиять риторической пустотой, как три-четыре десятилетия спустя. Своеобразие уральского типа еще сохранялось – в предпринимателях, в одержимых родным краем интеллигентах, в золотоискателях, в старообрядческих деревнях. Более того, появились надежды на возрождение этого типа, пусть в новых формах, надежды на самоуважение.

Что до третьего символа, наиболее «внешнего» и нестойкого, то его состояние целиком зависит от состояния первых двух. Провинциальное Эхо было дословным откликом на столичный голос, а скорее, окрик. К началу XX века Пермь столько раз повторила: «Чего изволите?», что, кажется, еще немного, и Эхо стало бы просто Ухом, подобострастно развернутым в сторону метрополии. Начало века и здесь сказало свое «Но» (именно с большой буквы).

Пермское Эхо, опираясь на Скит и Волю, получило возможность стать диалогической способностью, обратной связью. Но не хватило времени. Наступил 1917 год.

Революцию правильнее было бы назвать инволюцией. Как в детской игре в горку, Пермь и весь Урал, вся страна скатились туда, откуда начали. Был оборван обозначившийся с конца, а то и с середины XIX века подъем провинции, обратная связь захлебнулась. Центр из авторитарного стал тоталитарным. Неоколониализм XIX века был освобожден от буржуазного излишества (приставки «нео») – и вновь понесло гарью. 20 – 30-е годы – новый уральский холокост, вторая вслед за XVIII веком волна (а точнее – цунами) индустриализации, уничтожение ландшафта, природного вместилища Идеи. Если XVIII век породил негативный контрсценарий и комплексы уральского бессознательного, то социалистический дебют привел к появлению Тени, темного двойника начальной символики региона. Тень не просто оторвалась от

древнего символического ствола. Она возобладала. В инструментарии Фрейда есть термин, аналогичный Тени: Танатос. Так древние греки называли смерть. Фрейд полагал, что, помимо стремления к жизни, во всяком человеке присутствует воля к саморазрушению. В клинических случаях эта воля актуализируется, и человек становится ее пленником вплоть до суицида. Так вот, у меня вполне отчетливое ощущение, что послереволюционный Урал подернулся Тенью. Смертной. Если XVIII век все же не смог стереть этнокультурный облик Урала, то клиническое двадцатилетие XX столетия (и шире – время с 1917-го до середины 50-х) в этом преуспело. К индустриализации добавилась коллективизация, то есть искоренение традиционно-фольклорной человеческой среды, местной исторической памяти.

Практически исчезла старообрядческая субкультура. Осколки остались от городского ландшафта, сложившегося в XIX – начале XX века. Такой патологически целенаправленной ненависти к прошлому ни Урал, ни страна еще не знали. Мутации экологической и культурной ниш, вызванные травмой XVIII века и приостановленные в последующую эпоху, возобновились и привели к появлению мутантов – человекоорудий Тени, людей с деформированной психикой и идеологией вместо морали. Более того, мне представляется, что в советское время в Перми и на Урале (боюсь брать шире) возникает новый физический тип – опущенный, с чертами вырождения. Он не исчерпывает всей физиотипики региона, но ужас в том, что он появился. Советская Пермь уже не провинция, даже не провинция. Это снова колония. И колония вдвойне, поскольку пермское пространство стало наполовину зоной. Колония, в отличие от провинции, – место, откуда не убежать. Это inferнальный котел, где неотвратимо гибнет душа и предается забвению Имя.

В 1940 году Пермь стала Молотовым. Это не просто исторический эпизод. Великая Пермь началась с имени, и с утратой имени она закончилась. Метафизическое насилие завершилось распятием и крестной смертью символического тела Идеи. Или иначе: Душа покинула пермскую историю. От нее остался дымящийся, грохочущий, снующий, как поршень, механический остов.

...Я не знаю, как назвать то, что происходило с Пермью дальше (где-нибудь с середины 50-х), было ли это продолжением, несмотря ни на что, жизнью после смерти. И если так, то история Перми воистину мистериальна. Или это уже совсем другая история совсем другого города и совсем других людей: старой Перми, старого Урала больше нет, мертвые не воскресают. Пермь Первая навсегда ушиблена Молотовым, после которого создается хрущобная Пермь Вторая – призрачный панельный город с отшибленной памятью. Впрочем, не будем спешить с выводами. Посмотрим, что нам дали 60-е, 70-е и 80-е.

К началу 60-х кончается Вальпургиева уральская ночь и определенно начинает светать (опустим пока проблему последствий, проблему исторической кармы). Напрашивается аналогия со старым пермским циклом «колония-провинция»: колониальный эксцесс советского времени через промежуточные 50-е переходит в относительное провинциальное благополучие (впервые за четыре десятка лет люди наелись). Репрессивный Центр больше не заинтересован в манкуртизации Урала. Москва залепетала о «человеке». Появляется некое пародийное подобие западного среднего слоя: те, кто получили семи- и десятилетнее образование и перестали бояться расстрела без суда. Университет и три института, несколько театров, регулярная научная и литературно-художественная жизнь – возрождается культурная среда со своей элитой в качестве ядра. Это еще вторичная (за немногими исключениями), больная периферийным снобизмом элита, но и на том, как говорится, спасибо (ведь мы в провинции). Исход лучших в 60 – 80-е не привел к деградации культурного слоя, он воспроизводился, а это уже серьезно. Помимо официальной, признанной элиты, возникает контрэлита андеграунда – яркая пермская тусовка, но это позднее (вероятно, ближе к 80-м).

Провинциализм этих лет, прежде всего, в сохранявшемся, на мой слух, диктате индустриальной психологии: культурная Пермь рассматривалась как «прослойка», обязанная обеспечить «отдых трудящихся» или их «политическое просвещение». Иметь собственную голову Перми по-прежнему

запрещалось. Да и сама «прослойка» обреченно шестерила и не рыпалась. Все тихо. Все шепотом.

Теперь о десятилетии 85 – 95-х годов. Начнем с констатации перемен. Во-первых, Пермь стала открытым городом. Это означало снятие информационной блокады, появление книжного рынка, прямых контактов с Западом, собственных культурных инициатив. Во-вторых, началась эмансипация культурной среды от промышленных императивов. Творчество признается самоцелью, и в связи с этим происходит обновление интеллектуально-артистической элиты: официоз сменяется аристократией таланта. И еще важно, что появилась публика, способная оценить дар, публика, которую просто так не оставишь. Пермь меняется. Это очевидно. Первое, что приходит в голову, – мы начинаем вылезать из провинциальной судьбы, повторяется ситуация начала века, разумеется, с поправкой на время. Людей незаурядных у нас пока еще не так много, это нужно признать. Перемены связаны с появлением приличного среднего слоя, той самой публики.

А что же Идея? В состоянии ли нынешняя Пермь осознать себя в российском культурно-историческом пространстве? Сначала обратимся к нашим символическим истокам. Можно ли нам вновь припасть к ним? На мой взгляд, их полная реанимация проблематична. Особенно это касается Воли, то есть этнопсихологического своеобразия Перми и Урала. Это своеобразие, похоже, утрачено безвозвратно: колоритный уральский тип сошел на нет под советской теркой, а также под натиском перманентной (начиная с XVIII века) индустриализации.

Пермская область на 80% урбанизирована. Скит – вот здесь чуть теплее. В означенное десятилетие возрождается православие, отстраиваются старые церкви. Духовный поиск идет и за пределами православия, и это располагает к осторожному оптимизму. Но есть основания и для пессимизма: Тень, скорее всего, не ассимилирована. Патологические изменения экосреды труднообратимы. Едва ли исчезла опасность психофизического вырождения. Не изжит комплекс Чужой земли (Безродности): для очень многих Урал – просто место жительства, а не историческая Родина.

Большинство из нас, захваченные азартом настоящего, не хотят и не умеют помнить. Мы продолжаем оставаться жертвами колоссальной инерции индустриализма. Индустриальные ценности (а сейчас и меркантильные) в большинстве случаев преобладают над культурными и духовными. По многим измерениям мы позади других российских областей, например, Нижнего Новгорода и Самары, где историческая память сохранилась лучше, так что можно опереться на традиции, а в Нижнем, кроме того, есть сильные лидеры, работающие на свою малую родину. У нас таких лидеров нет. Пермь сейчас похожа на дом Облонских, где смешалось все: наше прошлое, настоящее и будущее. Что из этого выйдет, знает один Бог.

И все же я надеюсь, что перемены последнего десятилетия достаточно серьезная заявка на будущий подъем, что Пермь впервые в своей истории перешагнет барьер провинциальности, что наши лица и речь (это для меня оселок), часто оставляющие желать лучшего, прояснятся. Мне кажется все же, что в 60 – 80-е, а затем все более в 90-е Идея вновь наращивает свое присутствие в наших палестинах. Однако ее символические и исторические очертания еще не вполне проступили. Она пока инкогнито.

Пермь, 1995

2. Пермь миллениума.

Тринадцать лет спустя

Вышеприведенный текст появился в первом номере журнала «Несовременные записки», вышедшем в 1995 году. Тогда Москва послала Россию на все тридцать три буквы и занялась только собой. Неформально она вышла из состава РФ и стала отдельной страной – Московией, коей и является по сей день. Для нас, впрочем, это имело свои плюсы: провинция получила редкую возможность в одиночку и свободно подумать о себе – о своих дураках, о своем бездорожье, а главное, что она такое и с чем ее едят. Она стала искать, за что бы ухватиться. Потому что жить в пустоте может только боддхисаттва. Остальным нужен собственный мир смыслов, хотя бы нарисованный, как очаг в каморке папы Карло. Лучшая же разновидность опоры – миф, свое, домотканное оправдание жизни и истории. Его я и попытался нашарить в темной, медвежьей полости пермской старины, полагаясь не столько на нашу краеведческую литературу, сколько именно на *вслушивание*.

Глядя на то, что вышло у меня тогда, я испытываю чувство стыда от патетических фрагментов эссе, особенно тех, что ближе к концу. Я нахожу в нем морализаторские, лишние места, академическую риторику и провинциальное слюнтяйство. Мои романтические надежды тринадцатилетней давности на то, что Пермь сбросит смирительную рубашку провинциализма, закономерно не оправдались. Затем, с исторической точки зрения, совершенно нелепа основная дихотомия эссе: индустриализация против местного своеобразия. Именно индустриализация, сначала петровская, а затем большевистская, позволила нам стать заметной частью России. И все же какой ценой... Ценой, в сущности, искоренения прежней этнокультурной среды и изнасилования природы... Последнее, кстати, продолжается. На Урале разрыв с прошлым был куда более травматичным, чем в центральной России. Комплекс чужой земли... Поэтому и сейчас

я не отказываюсь от моего тогдашнего, мифопоэтического видения истории Перми. Хотя сегодня я не стал бы к нему прибегать. Нынешняя Пермь видится мне куда прозаичней. Попробую бегло набросать ее сегодняшней портрет, нимало не претендуя на объективность, более того, заранее от нее отказываясь. Объективность ныне – это полная и безоговорочная капитуляция.

Начну, пожалуй, с реверанса: Пермь не худший город России. Это нормальный город. В нем, если не очень придираешься, все есть: Пермь – это маленькая чеховская Греция. Она старается успевать за временем и встраиваться в его ритмы.

Это город, в котором где-то с конца 80-х можно жить, не слишком отставая от жизни. Принципиальным рубежом здесь я считаю «открытие» Перми, то есть декабрь 1987 года, когда Пермь была исключена из списка закрытых городов. В 1988-м на улицах Перми появились иностранцы. Но на них, что любопытно, не сбегались глазеть толпами: Пермь по-буддийски отрешенно скользнула по ним взглядом и занялась своими делами. А между тем «открытие» Перми – событие, которое трудно переоценить. Оно стоит в одном ряду с основанием города и губернии. Так вот, Пермь не заметила, как стала «открытой». Не заметила этого и местная журналистская ватага, и сие знаменательно: мы живем в городе, который почти не рефлексировывает. Он просто живет, как моя кошка Маня.

Еще один реверанс: Пермь не злой город. Во всяком случае, пока. Об этом мне говорили те, у кого есть возможность сравнивать Пермь с другими крупными городами России, например, с Самарой. Само собой, оценки эти к делу не пришьешь, но как-то тянет к ним присоединиться, особенно по возвращении из Москвы, страны Московии, этого злющего места. Впрочем, таков любой крупный столичный город.

И еще: Пермь – город не скандальный, спокойный, не оглушающий нас обухом стресса сразу, без предупреждения. Вот почему на него порой без сожаления меняют соседний, столичный и уж точно скандальный, амбициозный Екатеринбург. Я знаю таких людей. В то же время пермское спокойствие какое-то заторможенное, переходящее в сонное сопение на ходу. Отсюда я плавно перехожу к иным краскам моей палитры.

Правильней будет назвать Пермь консервативным городом. Консервативным не в смысле убеждений (Пермь чихала на убеждения), а в смысле психического склада. Пермь вяловата, ей откровенно недостает интриги, азарта и амбиций. Пермь как-то не волнует, хотя она и женского рода. Ей не хватает *живого звука*: слишком много фанеры. Здесь говорят под фанеру, думают под фанеру и живут под фанеру. Не все, разумеется, но многие. Хотя, надо признать, изредка Пермь способна на всплески. За последние годы я могу вспомнить пару-тройку таких всплесков: выборы пермского мэра весной 2006 года и краткий карнавалльно-праздничный подъем, произведенный «Урал Грэйтом», а точнее, Сергеем Куценко, пассионарием из народа, слепившим этот самый «Урал Грэйт» совместно с «группой товарищей», вернее, корешей, из того, что было. А было, кажется, немало. Меня особенно радует, что это была не властная инициатива, а в известном смысле общественная, шедшая снизу. Сейчас от карнавала остались только воспоминания. Кончились люди, кончились деньги – кончился карнавал.

Кроме того, несколько раньше, в начале 90-х, я был свидетелем «табачного бунта». То была скорее психофизиологическая акция, нежели социальная (верните народу курево, гады!). А перед этим были баррикады 1905 года в отдельно взятой Мотовилихе. Вот и все, что можно вспомнить за последние сто лет. Так что в Перми все спокойно. Прежде самым тихим городом планеты был, как известно, Багдад. Теперь – Пермь.

Пермский консерватизм переплетен с инерционностью, подражательностью, имитацией имеющихся образцов и подспудной робостью. От образа-парадигмы Эха я не отказываюсь. Пермь никогда не опережала событий. Она всегда держалась за колесом лидеров: они рванут, и мы за ними, проторенной тропой. Но не раньше. По своей ментальности Пермь – город-середняк, никогда не ставивший перед собой слишком трудных или необычных задач.

Подражательность наша откровенно сквозит в архитектурном облике Перми. Барачная Пермь (пермское баракко) – нечто неизбывное. Старые бараки сменяются новыми – панельными, затем кирпичными улучшенной планировки.

А сейчас еще и бараками совершенно монструозного вида, теми, например, что колоссальными давящими катками наезжают на Разгуляй. От них у меня вполне кафкианское чувство абсурда и безысходности.

Кроме отреставрированной до неузнаваемости и затолканной новоделом старой Перми взгляду не на чем остановиться: всюду прилизанная, точнее, слизанная, троечная серость. Нынешняя Пермь застраивается хаотично и бездарно: кто наглее, кто круче, кто может дать чиновникам на лапу, тот и строится. Где хочет. Скажем, в гайвинском бору. Для рабовладельцев в этой стране закон не писан. Писан он только для нас – рабов. У меня такое чувство, что наши власти не контролируют ситуацию. На мой взгляд, нынешняя Пермь проигрывает не только Перми начала века, но и Перми 50-х, более концептуальной, более теплой, более домашней и даже более курьезной. Один из курьезов 50 – 60-х – дом на углу Компроса и Белинского. Там, где сейчас Chicken. Я называю его Дом с фаллосами: по периметру его крыши вызывающе торчат эрегированные кукурузные початки (если не они, то... что?!). Я фантазирую: это архитектурная хохма, нашелся кто-то необычайно смелый для своего времени, рискнувший сочинить анекдот в камне про Никиту Хрущева и его аграрные закидоны. Хотя дом этот был наверняка построен до кукурузной эпопеи.

В отличие от Казани и Нижнего, у Перми нет кремля. В отличие от Самары, мы не имеем «открыточного» старого города. Мы со старта проигрывали им в символическом капитале, в индексе столичности. В качестве компенсации мы могли бы создать у себя приличный исторический центр. Он, кстати, напрашивается, он еще не застроен. Я имею в виду пространство, которое можно структурировать вдоль оси: церковь Всех Святых – Петропавловский собор – и устье Егошихи. Составными частями сюда вошли бы старое кладбище, не застроенный еще кусок Разгуляя с памятником Татищеву и егошихинский лог с местом, где когда-то был медеплавильный завод, местом, откуда пошла Пермь.

Здесь можно было бы создать музей первогорода с выходом на набережную, которую предполагается преобразить согласно проекту «Ворота Прикамья». Кстати, амбициозному.

Для этого в очерченном пространстве нужно законсервировать строительство, облагородить егошихинский лог, провести ряд общественных слушаний и дискуссий в прессе, поднять старые карты и объявить конкурс на обустройство исторического центра. В нем, на мой взгляд, не должно быть высотных, помпезных и громоздких зданий. Это могло бы быть небольшое вкрапление негромкого, но внятного прошлого в городском шуме и спешке, место, где слышится бодрствующее дыхание истории.

Это так, мечтание. Судя по последним новостям, в Разгуляе собираются строить новое здание городской администрации с вертолетной площадкой. Да и остальная земля, я думаю, там уже продана или будет продана. Надеяться на то, что у нас может появиться исторический центр, кажется, уже поздно. До него уже никому нет дела, кроме горстки людей из центра охраны памятников. Инфляция символического капитала Перми продолжится до логического завершения: до превращения ее в заурядный каменный спальный мешок, декорированный попсовым архитектурным прикидом. Пермь будет городом чистого настоящего, местом без материализованных символов и смыслов, связывающих нас с собственным прошлым. Но такой город никому не интересен: ни чужим, ни своим. В таком городе задыхаются. Из такого города бегут.

Пермь – не лидер нынешней России и в обозримом будущем им, я думаю, не станет. Для этого у нее пока нет ни объективных данных, ни повышенной творческой температуры. Температура Перми, говоря словами Иосифа Бродского, всегда, как под мышкой: тридцать шесть и шесть. А может быть, на две десятых ниже.

Идем дальше. Пермь – город, где *живут* чиновники. Точнее, чиновная знать. Остальные в нем проживают. Или приживают (понятно, при ком). Или существуют (непонятно, как). Чиновники – вот настоящие, долларовые, как говорили еще лет пять назад, пермские боги. Тем, *деревянными*, давно пора отвести более скромное галерейное помещение. А этих, в восковом исполнении и со всеми регалиями, на месте тех, старых, надо демонстрировать за отдельную плату. Я думаю, это будет фишка пермской выставочной жизни.

Народ повалит валом. И пусть для кого-то Пушкин – наше всё, для Перми наше все – это Чиновник. Если у Перми и есть собственный стиль, то это чиновный стиль. Чиновным языком пропитаны наши, то есть их, СМИ. Чиновный канцелярит, денно и ночью обволакивающий нам мозги, проникает в язык обывателей и заражает его лингвистическими грибами вроде: «имеет место быть» – типично чиновного искажения русского языка XIX века («имеет быть...») с характерной вставкой «место». Только оно, Место, и «имеет быть» в Перми.

Пермь – это триумф официоза. У нас есть своя, пермская мечта. Не у одних же американцев... Эта мечта – стать чиновником и обрести статус и, следовательно, доступ к ресурсам. Чин и статус в Перми – это все, человек в Перми – это... не все. В ментальном смысле Пермь – все еще феодальный, доренессансный город, до последнего времени косо и боязливо отторгавший все, что ведет себя как-то не так. Только сейчас он начинает открывать для себя статус таланта (если я не льщу Перми). Оттого-то чеховские сестры и кричали: «В Москву! В Москву!» Я так и вижу виртуальный памятник этим почти декабристкам. Над Камой, напротив нынешней галереи три каменные трепещущие тени, судорожно и сверхъестественно, почти переходя в полет, в триедином порыве вытянувшиеся туда, за Каму, на закат, в Москву. Подальше отсюда. Вот, сейчас оторвутся от постамента и полетят клином. А вместо «курлы» – «в Москву, в Москву!». Вот почему этот памятник никогда не будет создан: он будет постоянно отсылать нас к вечной Перми обывателей и язвить наше самолюбие.

Неофициальная Пермь, конечно же, существует. У нас неплохая художническая тусовка и, говоря в целом, нормальная литературная жизнь, в которую в последнее время то и дело вступают интересные ребята. Вот только настоящего литературного журнала у нас нет, такого как «Урал» в Екатеринбурге или «Уральская новь» в Челябинске. И это вызывает некоторые подозрения в справедливости только что сказанного. Впрочем, вот приятная новость из мира литературы: у нас появился литератор, получивший всероссийское и международное признание и, что любопытно, остающийся

в Перми. Хотя жить в Москве и писать об Урале как-то неестественно. Я вполне понимаю Алексея Иванова и, понятное дело, одобряю его нынешний выбор.

Вообще, художественная жизнь Перми интереснее интеллектуальной. Там все как-то живет, без академического снобизма, без его забавного фу-ты ну-ты. Отчасти это относится и к нашим «большим театрам»: оперному и драматическому, и вполне – к нашим «малым» – «ТЮЗу» и «У Моста». В последние годы первые два заметно отходят от академического стиля и облика, чаще вполне оправданно. Хотя назвать их частью неофициальной культуры пока все же трудно. Это привилегированные, этикеточные заведения, культурный фасад Перми.

Что до нашей интеллектуальной жизни, то мы активны: конференции, публикации... Это плюс. Однако при этом мы почти не производим идей. Мы предпочитаем оставаться на уровне фактов и все цитируем их, транслируем... А факты вещь не столько упрямая, сколько инертная. Упрямая в своей инертности. Факты тянут вниз, они пронизаны духом тяжести. И существуют они для того только, чтобы мы преодолевали их притяжение и трансформировали их в идею. Или в образ. Только затем они и нужны.

У нас, к сожалению, не сложилось городское интеллектуальное сообщество, в рамках которого шла бы постоянная и напряженная работа мысли. Может быть, где-то среди наших математиков и физиков что-то подобное и происходит, но мы об этом ничего не знаем. Этакая секта типа шарашки. Или наоборот. А я говорю об открытой, широкой религии мысли. И опять я натываюсь на то, что Пермь, невзирая на исключения, которые лишь подтверждают правило, не любит думать: она любит цитировать, сводить воедино уже сказанное, предаваться риторическому токованию, но не думать. Живя в Перми, ты обязан укладываться в обтекаемый, официальный, репрезентативный образ. Иначе ты не вступишь в «пейзаж», не попадешь в струю. Однако человек, культура и все, что хотите, начинается с рефлексии, с акта самосознания. И связанного с этим риска. Сообщество, не форсировавшее рефлексивный барьер, не вышедшее в пространство Мысли, может рассчитывать только на прозябание.

Продолжу о неофициалах. У нас есть правозащитный центр, известный всей России. У нас есть «Мемориал». Добавлю сюда анархоэкологов. Роман Юшков определенно оживляет наш дремотный, заболоченный социальный ландшафт, за что я ему искренне признателен. У нас есть несколько общественных фондов, в частности «Юртин». Я с благодарностью вспоминаю его литературные акции в доме Смышляева, свидетелем которых мне довелось быть. Где-то в пермских культурных катакомбах все еще обитают последние герои нашего андерграунда, полуголодные, но не сдавшиеся. Недавно его подпитал вернувшийся из Нижнего Олег Селезнев, которому я от всей души желаю здоровья и удачи. У нас есть горстка *странных* людей, известность которых выходит за пределы круга их близких и знакомых. Странных тем, что себя они слушают больше, чем свое время, вернее времечко. Странных тем, что они вольны оставаться собой.

Вот, пожалуй, и вся неофициальная Пермь, которую я могу назвать действительно неофициальной, хотя вполне допускаю, что кого-то я мог по неосведомленности или небрежности не назвать. Разумеется, серьезно изменить наш чиновный стиль эти небольшие островки своеобразия не в состоянии. И дело здесь не в том, что наши чиновники так уж плохи. Я думаю, что пермские чиновники не хуже, скорее, даже лучше, чем в среднем по России. Итак, дело не в них. Или не только в них. Дело – во всех нас. Это все мы до обидного часто выбираем серый цвет, «цвет времени и бревен» (И. Бродский).

Хорошо было бы завести в Перми хотя бы одно (на два мы точно не потянем) литературное кафе, где встречались бы те, кого волнуют жизнь языка и слова, слова, слова... Литература не может существовать без живого общения. Пишущие люди буквально зажигаются друг о(т) друга. Это был бы огонек в рабочих буднях нашей, к сожалению, разобщенной литературной жизни. «Огонек» – так бы я его и назвал – это умозрительное литературное кафе. Но мы не способны даже на подобное небольшое усилие. Что уж говорить о большем. Когда то, в 1987 году, двадцать лет назад, в Театральном кафе (кто знает, где это?) Виталий Кальпиди вел клуб поэзии. Я до сих пор вспоминаю об этом кратком эпизоде с ностальгией.

Нам катастрофически не хватает неангажированных, честных и умных людей. Людей, которые не продаются, которые находят в себе силы идти поперек конформистского потока, разлившегося ныне, как Волга, нет, как Кама по весне. Людей, у которых есть не только личные интересы, но и личные убеждения. Впрочем, их недостает всей России, продолжающей переживать жестокий моральный кризис, который мы предпочитаем не замечать и который в недалеком будущем способен привести российскую цивилизацию к новой критической черте. Нам не хватает граждан. Но мы все их ждем. Без них нам хана. Нам нужны герои, чей героизм задается собственным «я», а не чужим. С 70-х годов прошлого века этот вид стал стремительно вымирать, в 90-х он, в сущности, исчез, только вот не был занесен в Красную книгу. И все же мы ждем, пусть даже и не зная об этом. Нам бы парудругую пассионариев в дополнение к нескольким имеющимся, которые слегка встряхнули бы город. Может, занять под небольшие проценты? Хотя, кажется, мы это уже делаем.

Картина Перми будет явно неполной без «нижнего мира» и его обитателей. Кроме наших небожителей и обывателей, кроме наших «рая» и, так сказать, «чистилища», есть еще «ад». L'Inferno. Есть еще Зона. И Татуированная Пермь как один из ее филиалов. Пермь – одна из криминальных столиц России. Разумеется, не такой «столичности» мы желаем. Наш город с его тройственным строением отражается в топографии «Божественной комедии» Данте. Хотя и как-то пародийно. Ну да все равно. Метафора пошла.

Пермский край занимает первое место в России по количеству зон. Логично предположить, что и по числу зэков. 70% отсидевших остаются тут же. Если я не ошибаюсь, у нас есть города-спутники Зоны, работающие только на нее, мать родную. Представляете эти агломерации?

Зона дышит в подростках и молодцах постарше, добрая часть которых – скорее животные, чем люди. У меня чувство, что они родились в штанах с лампасами, в которых многие из них гордо щеголяют. Они готовы оскорбить или ударить при первом же неосторожном слове или жесте. В них вполне проступает новая, озлобленная, ожесточающаяся Пермь. Проступает и идет в рост. За годы перемен наша биология

решительно взяла верх над нашей историей и нашей моралью, и теперь мы, одичавшие (если не озверевшие), должны заново отстраивать дом, в котором можно нормально жить.

Зона сторожит нас на наших кухнях, где запросто убивают ножом, которым только что нарезали дешевую колбасу, где впору вывешивать *череп два кость* в знак того, что все мы неожиданно смертны. Зона проговаривает себя в повсеместном нашем мате, успешно конкурирующем с канцеляритом. Языки бюрократии и Зоны – сложившиеся комплексы, в сравнении с которыми нормальная русская речь кажется ссохшимся, рахитичным уродцем. Хотя что такое нормальная русская речь? Я этого уже не знаю.

Чиновная Пермь и Зона – не только языковые миры, это два социума, две накаченные, хищные воли, между которыми, как между молотом и наковальней, плющится молчаливая Пермь большинства, Пермь всех тех, кто выживает как умеет и смотрит свой телевизор по вечерам.

В непривычно свободные и смутные 90-е Зона всплыла на поверхность обычной жизни, втиснулась в наши нестройные ряды, перемешалась с общей людской колодой. Ее тузы, короли и валеты стали жить на виду, не меняя ни своего жизненного стиля, ни языка. Десять лет спустя, в привычно несвободные 2000-е, они уже приличные люди, но едва ли это основание считать, что граница между Зоной и нами снова охраняется Карацупой и майором Прониным. Теперь это открытая граница, коммунальный мост, по которому ходят туда-сюда. Мы криминализируемся, они социализируются – вот такой обмен веществ.

Живя над зоной, рядом с нею (просто через стенку), *под ней*, живешь единым днем, зная, что, случись что, за тебя никто не заступится. Если на месте твоей избы какой-нибудь бандит захочет построить свой трехэтажный тадж махал, что ты ему возразишь? Судом, что ли, испугаешь? Так он купит любой суд, а тебя прибьет битой и скажет, что так и было. Вот почему *под ней*. До власти, занятой своими личными делами, высоко, а эти рядом, вот они, малые хозяева жизни, ходят по нашим головам, как по тротуару, и делают с нами все, что хотят (в пределах своей компетенции, разумеется).

Невзирая на очевидную инфернальность, Зона для нас в известном смысле ближе, чем чиновный нобилитет. Между тобой и ею нет психологической, сословной дистанции. Ты без особых церемоний можешь перейти с ней на «ты», тебя тут же назовут братаном, а то и помогут, если понравишься (нет, скорее, это уже в прошлом). С людьми из кабинетов, с «ними», все не так. Они сами по себе, мы сами по себе. Так было, так есть, так, вероятно, будет. И в России, и в Перми. И все же выйти в начальники, попасть в запретный город власти – заветное желание человека третьего сословия. Наши мальчишки и девочки, заканчивающие учиться, спят и видят себя обитателями большого дома. И тут ничего не поделаешь. Это нормальное желание. Было бы смешно, если бы они хотели стать космонавтами или героями какого-нибудь труда. Такое время, господа-товарищи, такое времечко.

Родная обломовщина, мощная чиновная доминанта, темные туберкулезные пятна лагерей и постоянные инъекции эзковской ментальности – все это говорит не в нашу пользу. Кроме того, Пермь по-прежнему остается прежде всего индустриальным городом с тонким культурным слоем, в последние годы маргинализированным и морально фрустрированным. У нас отсутствует нормальный баланс экономики (индустрии) и культуры, и за этот перекося мы платим внутренним дискомфортом и внешней непривлекательностью, отсутствием городского шарма. Стоит только проехать, например, по улице Куйбышева – от дворца Солдатова до Бахаревки, – чтобы почувствовать себя узником индустриальной зоны и заложником той самой железной судьбы.

Естественно, не все так плохо. У нас есть то, чего нет во многих провинциальных городах: «пермский балет», галерея с ее собранием полотен и деревянной скульптурой, концерты в органном зале, регулярная выставочная и литературная жизнь, солидная образовательная инфраструктура и внушительный преподавательский корпус. Здесь мы отыгрываем несколько очков у индустриального рока, не проигрывая ему с сухим счетом. И все же эти приятные и полезные вещи не переходят в ткань обыденной жизни, в малые, локальные культурные ниши, во *внутреннюю культуру*. Наша культура –

все еще культура официального ряда; за ним – обрыв в архаику и бруталность.

Затем, наша культурная среда не автономна, она функциональна, то есть существует для другого (других) – прежде всего как сфера досуга да как средство получения дипломов государственного образца. А между тем культура существует еще для самой себя, для собственного воспроизводства и роста. Иначе она стагнирует и рано или поздно выдыхается. И тогда проигрывают все.

Культура у нас идет, так сказать, на десерт. Наше *первое* – власть, сращенная с индустрией: и власть предержажшие, и индустриальный директорат рекрутируются из одной среды, в пределах которой идет постоянная рокировка нереальных окладов и должностей – часто тоже нереальных. В сущности, это закрытый клуб. Междусобойчик. *На второе* у нас спорт. О десерте я уже сказал. Власть, бизнес и спорт – вот где сейчас драйв, деньги, престиж, адреналин. В культуре ничего этого теперь нет. Да и сама она, похоже, под вопросом в нашем попсоцентричном мире. Неудивительно, что Пермский край, в сущности, лишен культурной стратегии. Приоритеты здесь хозяйственные и спортивные, но никак не культурные. Один пример из последних: знаковое для Перми здание дворца имени Ленина спокойно приобрела церковь «Новый Завет». Власти даже не ощущают все неприличие, всю скандальность подобной ситуации. Я понимаю, что они ответят на упреки в равнодушии: у нас рынок, это не муниципальная собственность и так далее. Но страна или регион, от которых остался только рынок, это огрызок, место которому – в баке для отходов. Вот и стоит теперь на улице Уральской церковь Нового Завета имени В. И. Ленина. Добавлю, что я не большой поклонник «вечно живого» Ильича вместе с его «бесмертным» учением.

Что до спорта, то знаменательно, что в Перми так развиты его боевые виды и дзюдо. Несколько лет назад у нас прошел чемпионат Европы по боксу... Это вам не баран нахихикал. Спортивная Пермь, безусловно, заметна в России. Это оттого, что в спорт, в отличие от культуры, Пермь вкладывает и душу, и деньги. Когда в свою звездную пору «Урал Грэйт» надирал московскому ЦСКА одно место, мне, не скрою, было

приятно, хотя я, мягко говоря, и далек от баскетбола. Об «Амкаре» я суеверно промолчу, чтобы не сглазить.

Вернусь к культуре. Существо культуры – свобода. Когда ценности порядка, столь естественные для нас, в очередной раз загоняют свободу на кухни или даже в Интернет, то вновь проигрывают все. Свобода – это всегда первичный капитал, прочие капиталы производны от этого, человеческого. Как в Перми со свободой? Несколько лет назад пермский журналист Андрей Никитин написал книгу «Пермь – столица российского либерализма». Тогда у нас проходили либеральные форумы, а СПС снимала на пермских улицах приличный урожай голосов. Сейчас, когда слово «либерализм» лучше не произносить вслух, Пермь естественным образом перестроилась и быстренько простилась со своими либеральными грешками, которые правильнее отнести к веянию моды, к блефу, чем к серьезному выбору. Мы всегда гнулись вместе с линией партии.

И все же в Перми присутствуют признаки гражданского сознания: от Пермской гражданской палаты и анархоэкологов до автомобилистских акций и протестного «Пермского обозревателя», который, что удивительно, продолжает выходить. Я допускаю почти крамольную мысль: часть нашего чиновного истеблишмента тихо, про себя сочувствует ценностям свободы.

Еще один позитивный момент. В последнее пяти-шестилетие слабо наметился новый тренд в жизни Перми: часть лучших, покинувших Пермь, казалось бы, навсегда, на какое-то время возвращается сюда или наезжает, живя сразу в двух городах – Москве и Перми. Делают они это, как правило, не просто так, не из ностальгии, но это нормально: мы живем в мире, где уже ничто не происходит просто так. Этих людей мало, но они появились. Это означает, что у Перми есть шанс встроиться в живую систему обмена идеями, образами, смыслами, людьми. Хотя наш «экспорт» по-прежнему превышает «импорт»: те, кто может уехать отсюда, уезжают, чтобы пройти инициацию в Москве и вернуться сюда уже признанными и, следовательно, заслуживающими достойного вознаграждения людьми.

Завершаю. Россия – это по-прежнему колониальный фон, над которым возвышается метропольный суперпрыщ Москвы, соединенный скоростной магистралью с женским

холмиком Питера (инь московского янь, до 1917 года было наоборот). Это фон, на котором уже проступили очертания нескольких лидеров российского провинциального пелетона: Екатеринбурга, Нижнего, Казани, Самары, Новосибирска, в последнее время – Краснодара. Пермь держится в центре этого пелетона, порой вырывается из него, бешено крутит педали, блефует, но затем, сорвав дыхание, откатывается назад, точнее, в середину. Кстати, Пенза – дальше к хвосту. Мелочь, а приятно.

В основных своих проявлениях Пермь – *фоновый* город. Все, что я о ней наговорил дурного и не очень, она, Пермь, делит с остальной Россией. Например, грязь. Или здесь мы все же впереди России всей? Не исключено. Как посмотришь, как вдохнешь – не город, а отхожее место. «Мусорная косточка Перми» (В. Кальпиди). Это, кстати, все чаще отмечают наши гости. Особенно памятен отзыв Базилашвили: столько грязи он не видел больше нигде. И все же я думаю, что и остальная Россия в этом смысле не лучше: страна, чей народ не прошел воспитания чувств, как, например, японцы, семьями идущие смотреть на цветущую сакуру, или литовцы, уносящие в полиэтиленовых пакетах неорганические остатки пикника и закапывающие то, что может дать перегной.

Пермь – *фоновый* город, больной всеми российскими болезнями. Некоторые из них протекают в Перми в острой, переходящей в клиническую, форме. Достоинства же Перми, а таковые, несомненно, также имеются, принадлежат уже не столько России, сколько нашему богоспасаемому граду. Эти достоинства еще не настолько очевидны и убедительны, чтобы Пермь решительно выступила из ряда, но, хочется надеяться, это когда-нибудь произойдет. *Spes contra spem.*

P.S.: 23 марта сего года в Пермь в очередной раз заехал БГ с «Аквариумом». Стакан свободы в нашем рабовладельческом мире. Зал был полон, он подпевал и трогательно тянул руки к сцене. Он жил: от мальчиков и девочек, танцевавших в проходах у стен, до ветеранов рок-тусовок, вполголоса певших с БГ его песни. Что сказать? Пока такое происходит, у этого города есть пульс, есть кардиограмма, есть жизнь.

Алексей Иванов

Город со смыслом

Культурологическое эссе

Приходя, включите смысл

Мы привыкли, мы этого уже не видим, и когда нам говорят об этом, мы искренне удивляемся, а потом обижаемся. И тем не менее у нас «рожа крива».

Пермь – некрасивый город. Несовременный. Непрестижный. Дороги – дрянь, архитектура – почти никакая, за инфраструктуру надо устроить ответственным лицам публичный процесс вроде Нюрнберга. Сколько ни вешай растяжек «Пермь, я люблю тебя!», все это – заклинания, вымучивающие у горожан спуск планки требований. Дескать, «с милым рай и в шалаше». Если Пермь нам мила, то можно превратить город в скопище шалашей.

И все же есть в Перми очень мощный глубинный пласт, держащий в себе корни любви к городу. Иначе город разнесло бы на куски при первой же попытке властей вновь отремонтировать дорожное полотно где-нибудь на северной дамбе. Этот глубинный пласт, как ни парадоксально, держит в себе и корни городских проблем. Надо попробовать докопаться до него.

Вскрытие этого пласта не принесет автоматического разрешения кризисов. А многие горожане и не поверят, что город устроен именно так, потому что каждому конкретному кризису, каждой конкретной болезни есть и сиюминутные, поверхностные причины.

Возьмем, к примеру, набережную. Почему там столь скверно? Поверхностные объяснения будут звучать примерно так: нет приличного выхода, нерентабельны паромоходы, старый генплан оказался неразумен, нет денег на реставрацию, нет закона, запрещающего устраивать из набережной пункт продажи разбавленного пива и пирожков с собачатиной. Все правильно. Но если исправить недостатки, понятные всем, мертвец будет просто раскрашен, а не оживет, налившись румянцем. Когда раскраска сползет – а она сползет, – все увидят, что все как было, так и осталось. Потому что не включили глубинный механизм жизни.

Смыслы города – это глубинный механизм его жизни. Глубже, чем подземные коммуникации, и сложнее, чем согласование законов. Пока мы не включим смыслы города, мы не запустим механизм его жизни.

В поисках «пермского реактора»

Попробуем уподобить жизнь города электрической дуге. Она существует между катодом и анодом. Что является катодом и анодом, между которыми сейчас – пусть тускло – горит электрическая дуга пермской жизни?

Или другими словами. Литературоведы скажут, что действие романа всегда двигает какой-то конфликт. Какой смысловой конфликт двигает действие романа под названием «жизнь Перми»?

Москву двигает конфликт между деньгами и провинцией. «Деньги» и «провинция» – это катод и анод. Петербург движим конфликтом между Москвой и Европой. Петр и строил-то свой город как новую столицу в противовес боярской Москве. Екатеринбург – это Петербург наоборот, его двигает конфликт между Москвой и провинцией. Такой конфликт двигает все большие русские города, претендующие на статус «третьей столицы», – Нижний Новгород, например. А какой конфликт дает энергию жизни для Перми? Какой он, *пермский реактор*?

В любом жизнеспособном городе есть такой *реактор*. Пускай даже он работает не на полную мощность. Если *реактор* гаснет, город умирает.

Чаще всего получается по-простому: *реактор* тождественен градообразующему предприятию. Уральцу это понятно вдвойне: у нас три четверти селений – бывшие горные заводы. Где завод умер, там и селение скукожилось. Но Пермь не горнозаводский город. Пермь перестала быть горнозаводской, когда закрылся Егошихинский завод. Однако примерно с этого времени город как раз и родился: получил нынешнее имя и стал губернской столицей. Поскольку оба этих деяния совершились по мановению Екатерины, значит, она и включила *пермский реактор*.

Гигантской Пермской губернии давно нет, и Пермский край не сравнится с ней по масштабам. А город существует и не собирается помирать. Значит, не губернский статус является *пермским реактором*.

Остается только второй вариант: имя города.

Слово «гордость» – от слова «город»

Древнее слово «пермь» обозначает и народ, и территорию. А город Пермь не стоит на этой территории и не является столицей этого народа. Город Пермь не ровесник своего имени, потому что имя древнее на полтысячелетия. Город Пермь «перми» не ровня.

Для Урала такая ситуация с именем не редкость. Кунгур не стоит на речке Кунгурке, и Оренбург не стоит на реке Орь. Даже Соликамск не «дополз» до Камы. Но название реки в названии города стало просто «мемориальным», и не более. Река – вещь достаточно конкретная; она не изменит русла и в гневе не потечет смывать убежавший от нее город. В Перми же и в помине нет «мемориальности» ее имени.

Слово «пермь» неконкретное, очень многозначное. С ним ассоциируются пермский период, Пермский звериный стиль, княжество Пермь Великая, Пермские боги, святой Стефан Пермский. Все эти явления или понятия не замыкаются на городе Пермь, не сводятся к нему и на десятую часть своего значения не заключены в городе Перми. Получается, город украл, присвоил чужое имя? Вот и конфликт. Вот и *пермский реактор*.

Доказать, что город не вор, можно, конечно, историческими документами. То есть спихнуть все на Екатерину, которая лягнула, не подумав. Столица – она большая, и оттуда кажется, что провинция очень маленькая, что Пермь, Екатеринбург и Тобольск буквально толкаются локтями. Подумаешь, государыня немного промахнулась с названием – на глобусе промашка-то всего на два миллиметра. Такое объяснение – вполне разумное и прагматичное.

Но включается *реактор*. Пермь – город с огромным горором. Пермь не желает оправдывать свое имя ошибкой императрицы. Пермь желает стать равновеликой имени. В общем-то, это неброский, не замечаемый никем духовный подвиг города. В этом ежедневном деянии – в освоении имени – и заключается энергетика символической жизни Перми.

Гордость города за свой вызов судьбе порождает в горожанах убеждение в мессианской роли Перми. Веру в то, что Пермь – город избранный, лучший на земле. От такого способа разрешить конфликт между именем и реальностью в городском мифе рождаются вульгарные пермские преувеличения типа того, что Пермь единственная уцелеет при ядерной войне или что на мысе Стрелка родился Заратустра. В движении к своему имени заключена Пермь идеальная, *Пермь небесная*.

Оставим ее мечтателям. Будем говорить о реальности.

Преодоление имени

Демонстративно принимая свое имя, Пермь принимает и рок, который заключен в этом имени.

Принимая имя, принимает крест.

Как РФ стала правопреемником СССР, унаследовав его имущество и его долги, так и Пермь стала правопреемником древнего понятия *пермь*, унаследовав его величие и его злых духов.

И враги нынешней Перми – они как раз из той древности и из тех глубин, которые называются «пермскими»: ящеры пермского периода и демоны пермского язычества.

Разумеется, проблема не в том, что ящеры вылезут из подземного перехода у рынка, а шаманы выбегут из музея и начнут колдовать направо и налево. Проблема в том, что древние смыслы слова «пермь», которые город Пермь принял вместе с языческим названием, – они не городские. Они бесструктурные, аморфные, вездесущие, и они разъедают город, разрушают его как организованную структуру. А направление действия идеи города – преодоление собственного имени, поиск способов нейтрализовать древние негативные смыслы, а в лучшем случае – превратить их энергию из негативной в позитивную.

Все эти рассуждения вовсе не абстрактны. Смыслы, которые Пермь взяла на себя как чужие долги, вполне материальны. Они все заключаются в определенных формах, как электричество в аккумуляторах.

Что это за формы?

Пермский период – геологическое понятие. Геологию нам демонстрирует рельеф местности. Все остальные составляющие понятия *пермь* так или иначе относятся к язычеству. (Да и ящеры тоже связывают пермскую геологию с язычеством Пермского звериного стиля). А языческое время уральской истории – до-городское, то есть время господства ландшафта над деятельностью человека. И получается, что ландшафт города Перми – это хранилище древних смыслов его имени.

Где Пермь?

О том, что ландшафт города – накопитель древних смыслов понятия «пермь», можно судить по одному очень простому факту. Что мы подразумеваем под словосочетанием «город Пермь»? Какую территорию?

Территорию центра. Ту, на которую в городах, где есть дорожные указатели, указывают таблички с надписью «центр». Когда жители пермских окраин говорят «я поехал в Пермь», они имеют в виду «я поехал в центр». Все остальные части города имеют собственные названия: Балатово, Мотовилиха, Висим, Лёвшино, Гайва, Закамск и так далее. Никто из горожан не назовет Пермью Мотовилиху, хотя, с точки зрения жителя, например, Закамска, разве это не одно и то же? Нет, не одно и то же.

Такому положению дел есть и историческое объяснение. Пермь – не город, а агломерация, то есть объединение под одним названием кучи мелких городишек и поселков. Это объединение было проведено в 1937 году. Но не важно. Важно, что под «Пермью» мы имеем в виду очень ограниченную территорию.

Чем ограниченную? Ландшафтом!

С одной стороны – гигантский проран Егошихинского оврага. С другой стороны – простор Камы. С третьей стороны – небольшая речка Данилиха, подчеркнутая Главной железной дорогой. В пределах этих трех границ и существует тот город, который мы называем Пермью.

Три стены

Эти границы, эти стены, весьма трудно преодолеть. Сколько проклятий звучит на дамбах через овраг, в тоннелях под железнодорожной магистралью, на мостах через Каму? Вечные пробки, вечные ремонты. Всем этим заглушкам есть сиюминутные причины: ДТП, износ. А есть и смысловые причины: Перми еще не хватает сил преодолеть свое имя, своих демонов, и стать городом, то есть консолидироваться,

собраться в кулак. Но только кулаком можно пробить невидимые стены, а пальцем их не проковырять.

Петербург стал городом и преодолел свою рассыпанность по островам дельты Невы. Пермь же не может стать городом и не может продырявить насыпь железной дороги, перекинуть путепроводы через овраг, зацепиться мостами за правый берег. Почему? Потому что это не просто стены, не просто границы.

Это ландшафтные преграды, порождающие те смыслы понятия *пермь*, которые не дают городу Перми стать городом. Ландшафтные преграды, излучающие эти древние смыслы, как радиацию, а радиация разрушает организм города. Это зоны контакта с агрессивной средой.

Агрессивная среда – это в первую очередь уральское язычество, которому чужда урбанистичность христианского города. Ведь не случайно из шести пермских храмов, которые сохранили облик храма, пять стоят именно на границах: у оврага, над Камой и возле железной дороги. Это церковь на Егошихинском кладбище, Петропавловский собор, здание художественной галереи, Слудская церковь и церковь иконы Казанской Божьей матери. Эти храмы как крепостные башни, ограждающие христианскую суть города от языческой среды ландшафта. Даже во времена воинствующего атеизма у руководителей города сработал какой-то подсознательный механизм самозащиты, и храмы не были снесены или перестроены до неузнаваемости.

Значит, существуют катод и анод: город и ландшафт, христианство и язычество, старое имя и новое имя. В таком случае стратегия действия – преобразование ландшафта из агрессивного в созидательный.

Но требуется и тактика, поскольку «стены» Перми – разные.

Егошихинский овраг: ров страха

Первая стена – самая оригинальная и редкая в градостроительной практике: гигантский Егошихинский овраг. Могучий разрыв в теле земли. Овраг – главная «скважина»,

соединяющая пермские границы с бездонным источником подземных языческих энергий. Благодаря оврагу естественные границы города существуют как биологическая система, обвивающая Пермь вроде змеи, а не как мертвая постройка вроде Китайской стены.

Языческий мир, мир предков – он всегда подземный. По своим смыслам город Пермь уходит под землю куда глубже, чем высотками – в небо. Под землей укрылась легендарная Чудь Белоглазая. Про подземных духов писал Бажов, выпускник Пермской семинарии. В земле археологи отыскивают бляшки Пермского звериного стиля и могильники Перми Великой. Наконец, пермский период – это подземное время.

Это там, на глубине в полкилометра, в каменных солях пермского моря простираются бесконечные шахты калийных комбинатов. Подземная соль породила на пермской земле и Строгановых, и современную нефтянку. Главные плательщики бюджета в крае те, кто добывает деньги под землей.

Самый знаменитый бренд Прикамья – Кунгурская пещера, подземелье. Главная уральская дорога, пересекающаяся в Перми с главной российской, – горнозаводская, то есть дорога железных караванов. А эта трасса проходила по реке Чусовой, которая единственная преодолела хребет, то есть совершила фантастический подземный переход. «Пермь подземная» столь богата смыслами и образами, что у нас есть даже собственные диггеры, хотя Пермь не Париж и не Аджимушкай, чтобы иметь катакомбы.

«Пермь подземная» и транслирует на город разрушительные языческие смыслы. Погоня за наживой, поклонение золотому тельцу – это язычество. Конечно, не Егошихинский овраг виноват в том, что в центре Перми громоздится коробка «Колизея-2», будто кассовый аппарат его владельца. Но только в языческой системе ценностей можно купить все что угодно, а в христианской иерархии есть вещи выше денег. И пока в одном месте города зияет замусоренный и нечесанный овраг, куда ночью лучше не соваться, потому что там языческий закон-тайга, почему бы в другом месте не стоять гигантскому кассовому аппарату?

Наличие оврага, такого мощного языческого артефакта, подпитывает языческую среду города, разрушающую его. Это наш ров страха. Что с ним делать?

Египетский вариант

В мусульманском Египте стоят языческие пирамиды фараонов. Никакая мечеть, никакой Камень Каабы не сравнится по силе впечатления с пирамидой. Но почему-то пирамиды не создают угрозы исламу в Египте, хотя де-факто демонстрируют превосходство язычества над магометанством. Почему?

Потому что их негативная энергия превращена в позитивную. Электрический ток может убить, а может вращать карусели. И пирамиды с их энергетикой превращены в карусели, в аттракцион. Это самый разумный путь обезопасить опасное, не разрушая носитель. И не только обезопасить, а сделать полезным.

Ситуация с Егошихинским оврагом точно такая же, как с пирамидами. Из проблемы овраг надо превратить в бонус. Каким образом?

Звучала идея: закатать речку Егошиху под асфальт и положить шоссе. Видимо, нам в городе не хватает гигантской канавы со смогом. Уничтожить Егошиху ради дороги – все равно, что разобрать пирамиду на камни и построить из них гараж на сто тысяч мест. Но столько автомобилей сюда уже не приедет никогда, потому что пирамид не будет: на что смотреть?

Из зоны страха надо делать зону отдыха, как на мемориальных кладбищах. Ужас превратить в рекреацию. Считать овраг не проклятием города, а подарком. Тогда будет где гулять, и нечего будет бояться.

Речку Егошиху надо не истреблять, а возрождать. Если позволяет гидротехника, надо направить в овраг еще речку Иву и никому не нужную сейчас речку Данилиху. Тогда мы получим в овраге каскад прудов с водопадами. А по склонам – парк террасами: нечто вроде садов Семирамиды,

только наоборот. Фонари и хорошо продуманная ливнёвка превратят овраг весной и в грозу в водяное шоу вроде Петергофа.

Такого парка нет ни в одном городе России. В этом парке можно размещать что угодно: ящеров, музейные медные рудники, мемориал Первогороду – это уже не важно. Наличие парка изменит характер прилегающих жилых районов, сделав их престижными и дорогими. И можно будет посчитать, потратился город или разбогател. Приручать звероящеров выгоднее, чем истреблять: вспомните историю Кинг-Конга.

Кама: поток равнодушия

Пора оставить советские заклęcia вроде «Кама – река-труженица». Никогда в человеческой культуре реки не воспринимались как труженицы, хотя трудились не хуже египетских рабов. Реки всегда были символом границы, безвременья, забвения, забвения. Чтобы река стала украшением города, надо было прикладывать огромные усилия. Счастье Перми в том, что Кама большая, а город только на одной ее стороне.

Для города Кама сейчас несет те смыслы, которые нам хотелось бы спрятать. Спокойная, величавая река безразлична к нашим делам. Мы можем купаться в ней, плавать по ней на пароходах, сливать в нее сточные воды, а она как текла, так и течет. Спокойно сметает все, что мы сотворили, – хорошее и плохое. Уносит в никуда. Речь не об экологии реки, а об ее образе для города. И возле такой неумолимости, неизбежности, безответности не рождается ничего хорошего. Ничего не хочется делать – все равно время, как река, все смое. Лежи и бамбук кури, все равно все бесполезно.

Можно превратить в парк Егошихинский овраг и тем самым преобразовать его дикость в прекрасное городское приключение. Но превращение в парк берега Камы ничего не даст. Здесь нужна уже другая культурная технология. Кама – символ природной вечности, и ее можно приручить только тогда, когда она собою будет подтверждать нашу человечес-

кую вечность. Слова пафосные, потому что немому пафосу реки надо противопоставлять звучащий пафос человечества. Самый гармоничный звук – это музыка, а застывшая музыка – это архитектура. Кама должна быть подножием городского фасада – максимальной концентрации архитектурной выразительности. Тогда своей незыблемостью она будет утверждать прочность нашего торжества.

Железная дорога: дорога бегства

Для Перми Кама вытекает из Егошихинского оврага. Тем более, и так все жители знают, что у КамГЭС Кама как бы заканчивается и начинается море. Языческий ужас оврага выкачивает из городских смыслов адреналин, и, лишённые адреналина, эти смыслы равнодушно и безвольно катятся вниз – продолжают Камой.

Но ее городской берег не располагает к оптимизму. Все старое, неухоженное, бессистемное, промышленное. Тоска. Безнадега. Ничего не поделать с такими гигантскими масштабами. Лучше бросить все и уехать. Вот и мост, вот железная дорога. А по ней – как чеховские три сестры: «В Москву! В Москву!» Это – логическое завершение тех эмоций, что испытает человек, пройдя от южной дамбы по оврагу и берегу Камы до Камского моста. Железная дорога, символ бегства, – финал и вывод тех смыслов Перми, которые владеют городом сейчас.

Подхватывая город за южное подбрюшье, железная дорога становится символом провинциальной тоски. «Ничего хорошего здесь нет и не будет, прочь отсюда!» И зовут, зовут поезда. Не на восток, куда Россия всегда стремилась за богатством и волей, а на запад, где тебя обеспечат, но и встроит в сложившуюся систему отношений, разумеется, на подчиненных ролях.

С дороги и города почти не видно: какие-то огороды, пустыри и гаражи. Не видно, что здесь кто-то живет, и живет с комфортом. Тот, кто проезжает через Пермь по железной дороге, не поверит, что Пермь – это место жизни, а не

прозябания. Хотя сама структура города подразумевает, что здесь-то у нас как раз и находится *спальня* – самая уютная и мирная *комната трехкомнатной* Перми.

Пермь как квартира

Если сравнить Пермь с квартирой, то получится *трехкомнатное жилье «вагончиком»*. Точнее – анфиладой.

Все, что дальше к востоку за стадионом «Звезда», Комсомольской площадью и площадью Карла Маркса, – это *спальня*. Ее перегородка – улицы Белинского и Чернышевского с выходом на южную дамбу. За этой перегородкой мы живем, как нам нравится, и гостям тут делать, в общем, нечего. Смысл этой части города – покой и отдых.

В любом городе действует железное правило: если эксплуатация места не соответствует его смыслу, то все превращается в трущобы, маргинализируется. В Перми таких примеров тьма. *Спальня* – один из них.

Промышленная улица Героев Хасана превратила *спальню* в маргинальный район без комфорта и безопасности. Это все равно, что затащить в спальню токарный станок: ни поспать, ни поработать. Конечно, предприятия не выдворить за городскую черту одним волевым решением, но и Москва не сразу строилась. Надо хотя бы расставить приоритеты: будем мы здесь спать, или будем работать, или, как в бытовке, и работать, и спать. Но тогда не обижайтесь, если кто-то пройдет по постели сапогами.

А вот городская зона от *спальни* до улицы Ленина – это *детская*. Здесь словно специально собраны три городских стадиона, ТЮЗ и Театр кукол, все кинотеатры города (а кино – давно уже подростковое развлечение), больницы, кафешки, клубы, парк Горького с каруселями, магазин «Детский мир», гостиницы. Конечно, это зона не только для детей, но ее *детскость* дает самое понятное представление о смыслах территории. Здесь зона досуга, свободы, развлечения.

Дикий диссонанс, просто городская клоака – Центральный рынок. Будто дощатый деревенский сортир посреди

танцпола. Мало того, что он сам по себе какой-то динозавр (пермский ящер), так он еще и стоит не там, где можно. И, согласно железному правилу, мгновенно превращается в опасную трущобу, сколько бы часовен не воздвигали там набожные торговцы.

Наконец, третья комната пермской квартиры – парадная. Это территория от улицы Ленина до Камы. Это репрезентативная часть города, официальная, торжественная. В спальне мы никого не принимаем, в детскую пускаем друзей, в парадной встречаем послов. Здесь у нас здания власти, театры и музеи, многие вузы, престижные рестораны и элитные бутики, памятники. Совсем не к месту здесь зоопарк – он из детской зоны, но про зоопарк на архиерейском кладбище и так все ясно.

Для фиксации городской репрезентативности город сам собою выработал три точки (а опора на три точки самая надежная): эспланада, набережная и Разгуляй. Но о них речь дальше.

Никакой генплан не структурировал Пермь по характеру зон, по смыслам. Но если в мучительной борьбе с советским нивелированием и нынешними подкупами Пермь все-таки выстроила себя так, а не иначе, значит, это самый органичный способ существования города. Ведь если город свободен от диктата денег или идеологии, он выстраивает себя сам в соответствии со своей ДНК – смыслами своих территорий.

Эспланада: чаша весов

Гостей Перми неизменно удивляет эспланада – огромная степь в центре города. Толком непонятно, зачем она нужна. У людей, не понимающих Перми, сразу возникает совет: да застройте вы ее, и нет проблем.

Для пермяка застроить эспланаду невозможно. Это все равно, что приделать Венере Милосской отломанные руки. Существовала идея использовать эспланаду как территорию для гипермаркета, но гипермаркет сделать подземным.

Пермяк не может покуситься на эту священную пустоту. Значит, она зачем-то нужна. Это понимается на интуитивном уровне.

Эспланада откликается на главный смысл Перми: на «пермь подземную», на мир пещер, пустот, а в конечном счете – пустоты. Эта *пустота* связана со смыслом «равнодушия» Камы, ведь равнодушные – это отсутствие реакций, тоже пустота. Ну, разумеется, эспланада ведет и к смыслу бегства по железной дороге – бежать туда, где есть хоть что-то, прочь из этой пустыни.

Однако эспланада – самое удачное градостроительное решение Перми. Вывести эту жуткую пустоту в центр города и обустроить ее, значит лишить ее жути, приручить, освоить. Все это сделано. Этот ящер нейтрализован. Осталось осуществить последнее действие: пристроить ящера к делу. Вот с этим сложно.

В системе города эспланада не имеет позиционирования. Что она такое? Площадь? Бульвар? Арена стадиона? Эстрада, как в парке? Всего помаленьку и ничего внятного. А эта пустота претендует на очень простую и важную роль: быть чашей весов. Чтобы на этих весах взвешивать, чего нужно городу, а чего нет.

В общем, эспланада потихоньку идет к этому и сама. Надо только ей помочь. Превратить ее из поля, «равного на все стороны», в комплекс *путешествия*. Как в театре – в подвижную сцену с многофункциональными декорациями. Эспланату надо срежиссировать. И сделать нескончаемым вернисажем: выставок арт-объектов (которые потом поедут или в музей, или на улицы города, или в кладовку к своим авторам), массовых концертов, общественных мероприятий (не митингов, а более театрализованных, вроде фестиваля).

С таким использованием эспланады, перестроенной именно для этой цели, у Перми не будет желания скопировать с Москвы пешеходный Арбат – у нас будет свое ноу-хау покруче: не городские часы, а городские весы. А пустота эспланады постоянно будет заполняться новым содержанием и регулярно опустошаться. Чаша городских весов обязана быть то полной, то пустой.

Набережная: экспозиция ценностей

Под набережной Камы следует понимать, собственно, всю набережную – от устья Егошихинского оврага до порта (который, действительно, очень здорово было бы переделать в кампус). Хотя освоить такую протяженность у города не хватит не только денег, но и культурного ресурса. Значит, следует отдать неиспользуемую территорию под парк, но с расчетом, что постепенно «фасад» Перми будет удлиняться за его счет.

Под набережной следует понимать не только полосу берега вдоль Камы, а всю территорию от воды до улицы Орджоникидзе. Следовательно, в комплекс набережной должны быть включены не только здание речного вокзала и вокзала Пермь I, но и дом Мешкова (краеведческий музей), сквер Решетникова, ансамбль Соборной площади с Кафедральным собором, архиерейским домом, парком на месте нынешнего зоопарка и зданием бывшей семинарии. А также все остальные здания, которые по качеству архитектурного решения удовлетворяют целям репрезентации.

Набережная должна стать территорией свободного передвижения, но не вымученного гулянья среди помпезных сооружений. Здесь должны быть рестораны и кафе, причалы, какие-то павильоны, скамейки, туалеты, в конце концов. Наверное, именно здесь место для маленьких кинотеатров и выставочных залов вроде галереи «Марис». И театру «У моста» место, видимо, как раз здесь – у моста. Именно в этой зоне должны находиться брендовые пермские музеи: краеведческий (которому все равно будет тесно в доме Мешкова) и художественный (который надо переселять из храма).

Фасад – это не просто самые красивые здания. Это заявка, это репрезентация города, это экспозиция городских принципов и городских ценностей. Причем именно местных. Понятно, что никуда не деться от торговли, но нелепо выдвигать гипермаркет на первую линию города, словно у нас нет ничего ценнее и значимее.

И еще важное соображение. Мы гордимся не всем подряд, а тем, что прошло отбор времени. Доказало свою состоятельность. Или хотя бы не выходит из русла традиции, пусть и модернизирует ее в весьма широком диапазоне.

Поэтому фасад – территория ортодоксальная. Здесь не место зданиям – «космическим кораблям», пусть приземляются на невозделанной территории. И здесь не место выкрутасам музея современного искусства, как фривольной картинке не место на стене зала приемов. Здесь то, чем мы гордимся сейчас, а не то, чем надеемся гордиться в будущем, если не промахнемся с прогнозом.

Разгуляй: пермский алтарь

И, наконец, где же у Перми сердце? На что замыкается городская система кровообращения? Покажите точку, «откуда есть пошла» Пермская земля?

Эту точку не надо выдумывать. Она давно уже существует как священный, сакральный центр города. Хотя выявлена очень слабо. Слабо в архитектуре и городской планировке, но вовсе не в истории.

Речь, конечно же, идет о Разгуляе. За 250 лет чего здесь только не было. Кабаки и рынок (торговые заведения). Трамвайное депо (промышленное предприятие). Управление губернией (административное учреждение). Жилые дома. Ничего не удержалось, все рассыпалось. Потому что Разгуляй – пермский алтарь, и кабаку или депо в алтаре не место. Нынешним жилым домам тоже не место. Поскольку они построены не там, где надо (как шашлычные на набережной), они превратились в трущобы.

За 250 лет на Разгуляе уцелело только одно здание, которое и соответствует священному смыслу территории: храм. Петропавловская церковь, старейшее здание нашего города. Что ж, современные хибары и притоны и без всяких смыслов уродуют город, их надо убирать в любом случае. Но планировать что-либо на их месте лучше, конечно, с учетом особенностей места. С учетом его «священности».

Очень удачное решение – мемориал Татищеву. Памятник плохой, а вот место угадано точно, и потому мемориал жизнеспособен, хотя и путей-то к нему нет, он выключен из инфраструктуры.

Решение перенести мэрию в Разгуляй тоже неплохое. Власть у нас тоже священная, потому что соответствует смыслу территории. В овраге – «пермь подземная», и власть у нас «подземная», точнее, «подковерная», живущая своей тайной жизнью закулисных договоренностей и оглашающая лишь итог, мотивированный задним числом как попало, лишь бы электорат считал, что он в курсе. Мэрия в Разгуляе приживется, как и храм. Но ситуация с мэрией будто из анекдота: «Можно ли построить коммунизм во Франции? Можно. Но жалко».

Жалко Разгуляя для мэрии, потому что «под мэрией» он утратит репрезентативный смысл для гостей города. Да и в виде трамвайного депо судьба преподнесла Перми ценнейший подарок. Здесь-то как раз и стоит разместить музей современного искусства, убив сразу многих зайцев. Во-первых, сохраним памятник истории. Во-вторых, «Депо» – исключительно стильное, точное, емкое, «хай-тековское» название для музея современного искусства (в Париже такой музей организован в здании железнодорожного вокзала). Депо сразу образует арт-комплекс со старинным трамвайным мостом через овраг – вернисажем под открытым небом. Такому ансамблю позавидуют европейские столицы. И в третьих, искусство – вещь мистическая, священная, и оно вполне органично уживется со священностью Разгуляя, пермского алтаря.

Пермский «лук»

Комплекс Разгуляя смыкается с комплексом набережной, а набережную можно соединить с эспланадой. Получится культурная дуга Перми: непрерывная полоса парков, музеев, театров, ресторанов и торговых заведений. Культурная дуга практически полностью совпадет с культовой – линией храмов. Уцелевшие храмы – очень важные индикаторные точки, указывающие, где же в теле города должна находиться силовая линия смысловой опоры.

Эта дуга на концах стянута осью улицы Ленина (Покровской), будто лук тетивой. Получается уникальная градостроительная схема. Такую схему для плана новой Москвы

в 1932 году разработал выдающийся советский архитектор Н. Ладовский. Потом эта схема применялась в строительстве Копенгагена и Токио. Высший образец подобной планировки – город Бразилиа, спланированный великими архитекторами Ла Костой и Нимейером. В Перми же эта схема сложилась сама собой, надо только выявить ее.

Внутри этого лука окажется *приемный зал* Перми со зданиями власти. За «тетивой» – *детская и спальня*. Такая планировка без напряжения поглощает планировку Ивана Лема XVIII века, которой так гордятся краеведы (хотя чего в ней особенного?). Эта планировка позволяет вести застройку (перестройку) и точно, и комплексами, и целыми районами. Перми есть куда развиваться и по линиям, обозначенным концами лука, и вдаль от Камы вдоль Главной магистрали и Сибирского тракта.

Если соединить железнодорожный вокзал с Красавинским мостом, если полноценно включить среднюю дамбу в городскую инфраструктуру и через улицы Островского и Орджоникидзе вывести на коммунальный мост, можно решить транспортную проблему без масштабных сносов. Эти транспортные решения не только не противоречат схеме лука, но и усиливают ее.

У Перми нет причин считать свои проблемы неразрешимыми.

Пермские «стрелы»

И еще одна замечательная особенность городской схемы типа лук. В лук должны быть заряжены стрелы. Они в Перми есть и уже заряжены. Надо только сделать так, чтобы они не улетели в белый свет как в копеечку.

Эти *стрелы* – улицы, перпендикулярные Каме. Значимых улиц четыре: Островского, Сибирская, Компрос и Попова. Пермь устроена так, что именно они позволяют городу дышать. Съезд с дамб Егошихинского оврага на магистраль Островского-Орджоникидзе (сейчас улицы не соединяются) разгрузит центр города от пробок.

Эти четыре улицы интуитивно воспринимаются пермяками именно как главные *стрелы*. Чтобы они не вылетели в Каму, их, как засовами, запирали вертикалями. Островского – вертикалью колокольни Петропавловского собора (колокольня снесена). Сибирскую – вертикалямиobelisks Сибирской заставы и ротонды (снесены). Компрос – вертикалью колокольни кафедрального собора. Попова – особняком женского училища, который, стоя на горе, создавал ощущение вертикали (особняк перестроен и полуразрушен).

Город и сейчас ощущает потребность в этих вертикалях, структурирующих внутреннее пространство. Но масштаб у города уже иной, и прежних вертикалей (даже если их восстановить) недостаточно. Однако, учитывая то, что Пермь нуждается в новом музее и новой галерее, разумнее строить их там, где им место, – на набережной, и так, как требует характер города: с опорными вертикалями. Набережная просто напрашивается заполнить эти арт-объекты, а в образе города зияют дыры именно там, где и нужно поместить новостройки.

Правоту подобного планировочного решения подтверждает новый двойной небоскреб у коммунального моста (на месте вертикали женского училища). Он так точно и органично вписался в среду, что без всяких усилий пиара замещает собою символ новой Перми на въезде в город. Интуиция строителей просто поражает (с отвычки, видимо). Улица Попова – единственная *стрела*, которая вылетает из пермского лука и уносится на правый берег Камы линией моста. И здесь запорная вертикаль сделана двойной, с прозором, чтобы одновременно подчеркнуть ритм города и чтобы не мешать *стреле* лететь.

Конечно, обыватель центра, вышедший из своего подъезда в ближайшую булочную, не «прочтет» в своем путешествии структуры города. Но ведь не это важно. Важно, что структура лука соберет в систему хаотически разбегающиеся потоки городской энергии и тем самым сделает город чище, красивее и удобнее. Покорив и преобразив древние смыслы, город-лук, город-стрелец запустит их в полет с высокого берега Камы прямо в Европу. Нам будет, что сказать и показать.

Алексей Иванов

Уральская матрица

Культурологические очерки

Граница преобразования

В 1829 году знаменитый натуралист Александр фон Гумбольдт после серии измерений и вычислений провозгласил: водораздельная линия Уральского хребта – это граница Европы и Азии. «Ура! – закричала ученая Россия. – Нашли! Наконец-то!» Мало кто вспомнил, что об этом же самом век назад уже сказал Татищев. Но кто будет слушать Татищева, русского? «Произведите меня в немцы», – просил, кажется, Ломоносов.

Граница Европы и Азии почти незаметна, и все же это не умозрительная черта, вроде Гринвичского меридиана. Разница есть, пусть даже неспециалисту ее и не различить.

Уральский хребет – это линия, по которой тектоническая плита Европы «налезла» на тектоническую плиту Азии. Поэтому западный склон Урала относительно пологий, а восточный – относительно обрывистый. Малые меридиональные хребты Урала – это смятые в «гармошку» края европейской и азиатской материковых плит. И этот геологический удар имеет *феномен преобразования*.

Вывернутые наизнанку недра земли вывалили на белый свет толщи пестроцветных глин с костями древних звероящеров. По красным глинам в 1841 году английский геолог Родерик Мурчисон открыл на Урале пермский геологический период. Почему именно на Урале? Потому что только здесь «культурная матрица» позволила сойтись уму и артефакту, как Европе и Азии.

Урал – *место встречи, граница преобразования*. И геологическая история Земли была «преобразена» Мурчисоном, едва он попал в эту загадочную зону невероятного – на Урал.

Урал всегда *место встречи*. Встречи Европы и Азии; Руси и Сибири; христианства, мусульманства и язычества; славян, тюрков и финно-угров. И зона этой встречи – *зона преобразования*. Появления чего-то нового – третьего, получившегося из первых двух. (Как в познании, где самые важные открытия делаются на стыках наук.) Такова *культурная матрица* Урала.

В уральских чащобах в XVII веке встретились беглые раскольники и местные язычники. Раскольникам нужна была «свежая кровь», и они крестили инородцев в свою веру. Что дала эта встреча? Не только выживание микроколлективов, а преобразование культа.

Инородцы внесли в верования раскольников свои представления о поклонении божеству, и в раскольничьих храмах появились идолы Христа – Пермская деревянная скульптура. Это был откровенный вызов православию, где запрещено изображение святых в круглой скульптуре. Скульптура отбрасывает тень, а святые безгрешны: их можно изображать только на иконах, не дающих тени.

Но церковь ничего не смогла поделать с пермской скульптурой. В конце концов церковь разрешила Пермской

епархии иметь в храмах такие святыни. А сидящие «Христы в темницах» оказались настолько значимы и выразительны, что в 1974 году, пока в Москве демонстрировали «Мону Лизу», в Лувре залогом сидели четыре пермских Иисуса. Вот тебе и «код да Винчи».

Что Урал – место встречи, многие народы поняли уже очень давно. В X – XIII веках на Каме и Волге расцвело государство Волжская Булгария. Древнерусские князья отлично знали болгарские города Бряхимов (столица Булгарии, он же «город Ибрагима», город Булгар), Биляр, Сувар, Джукетау (по-русски – Жукотин). На месте болгарского Казана теперь татарская Казань, на месте Ала-Буги – Елабуга.

Булгары торговали с сибиряками, выменивали меха. Со ваться в Сибирь, в страшную страну «яджуджей и маджуджей», они не рисковали. Они построили на Урале четыре города-фактории: Афкул, Чулман, Ибыр и Сибыр. Сюда приходили местные торговцы и выменивали здесь песцов и соболей на персидское серебро.

На Ближнем Востоке воцарился ислам и запретил изображение людей и животных. Вот и поехали на Урал серебряные кубки и блюда, покрытые чеканными изображениями. А уральские шаманы нашли, куда приспособить посуду шахов.

Солнце финно-угров на рогах нес по небу Великий Лось. Земля для него была скверна, и он не мог на нее ступить. На камланиях шаманы раскладывали по земле серебряные блюда – по четыре, под каждое копыто Великого Лося. На блюда высыпали подношения богам, в том числе и самоцветы. От персидских блюд стало серебряным копытце оленя из сказа Бажова. Этот олешек – переосмысленный русскими Великий Лось.

И снова на Урале, на месте встречи, является феномен преобразования. Булгарская торговля и уральское шаманство порождают новое и неожиданное, совершенно самобытное явление – сказки русских горняков.

Для людей, живущих на месте встречи, дороги всегда имеют обостренную значимость. На чем взвилась народная

любовь к Юрию Трутневу, главному «Петровичу» Пермского края? На том, что Трутнев занялся дорогами. Вечный сюжет наших СМИ – колдобины федеральной трассы Пермь-Екатеринбург. Для уральцев дороги важнее даже огородов и дач. Не случайно последним героем уральской «эпохи титанов» стал не воин, а землепроходец.

Соликамский житель Артемий Бабинов подкараулил вогулов у священной Чаньвинской пещеры и по следам их каравана проложил дорогу в Сибирь. В 1596 году Бабиновскую дорогу объявили Государевой. Был город Соликамск на Каме, и были вогулы на реке Туре, а в сумме, встретившись, они дали не только дорогу, но и «сверхприбыль», бонус, носителя нового смысла – народного героя-землепроходца, уральского Микулу Селяниновича.

На перекрестке Волжско-Камской речной дороги и Сибирского тракта маленький поселок Егошиха раздулся до масштабов столицы гигантской губернии. На старинном перекрестке расцвела Ирбитская слобода со своей ярмаркой, второй по значимости в России. Здесь Россия встречалась с Азией и Востоком: торговала, плутовала, глядела глаза в глаза.

Гражданская война на Урале носила «эшелонный» характер: по железным дорогам, среди гор, под прикрытием бронепоездов наступали белые и красные, китайские отряды и чешские легионеры. Да и сами железные дороги – Горнозаводская, Самаро-Златоустовская, Главная – были не просто событиями в истории края, а ключами к развитию территорий.

Когда уральская промышленность впала в кому, по железным дорогам в 1899 году покотился спецвагон с экспедицией Менделеева, которая должна была поставить горным заводам диагноз и назначить лекарства. В конце концов, даже царская семья была расстреляна в доме железнодорожного инженера Ипатьева. Хотя к дорогам эта история не имеет отношения, и тем не менее...

...Народ двигался из северного Причерноморья куда-то на восток. Путь длился многие годы. Но вот остановились огромные деревянные колеса повозок, скрипнув последний

раз. Волы потянулись к сочной траве. Женщины, шедшие пешком, спускали с рук детей, выводили из повозок стариков. Конные воины с высоты седел еще тревожно оглядывали неизвестные просторы, но всем уже стало ясно, что они, великие арии, пришли. Конечно, это еще не конец Исхода, но искать Земли Обетованные пойдут только следующие поколения...

И вовсе они не походили на Штирлица, а были смуглые и черноволосые. Они поклонялись солнцу и воде. Они чтили огонь, изображая его в виде свастики. У них был культ равенства и суровой простоты – женщины даже не знали украшений. Четыре тысячи лет назад арии пришли на южный Урал, в челябинские степи. Построили города и прожили здесь лет 50 – 100. А потом почему-то внезапно все сожгли и ушли дальше. На Урале остались только могильники, заброшенные рудники и заросшие ковылем руины крепостей.

Павел Глоба сказал, что Заратустра, пророк древних ариев, родился на мысе Стрелка, там, где Чусовая впадает в Каму.

Свое летосчисление зороастрийцы, последователи Заратустры, ведут по календарю «фасли» с 1738 года до нашей эры. В том году царь Вишгаспа в древнем Иране принял зороастризм от самого Заратустры. Ну, а Заратустра создал свое учение, упорядочив воззрения древних ариев. Он расставил по местам их богов, разделив все сущее на добро и зло, и написал гимны «гаты», которые составили древнейшую часть книги Ясны – одной из четырех книг Авесты.

Никто не скажет точно, когда родился Заратустра. Историки называют разные даты с диапазоном больше тысячелетия – с XVIII по VI века до нашей эры. Никто не скажет точно, где родился Заратустра. Предание утверждает, что «на слиянии двух великих рек». Никто не скажет точно, на какой территории впервые появился зороастризм. Называют и Восточную Европу, и Южный Урал, и Афганистан, и Иран. Никто ничего не скажет точно, кроме Павла Глобы.

Первый город ариев, Аркаим, обнаружил челябинский археолог Геннадий Зданович в 1987 году и стал Шлиманом XX века. Зданович нашел Аркаим, когда обследовал долину,

предназначенную для затопления колхозным водохранилищем.

Аркаим, словно гигантское тележное колесо, или даже колесо Зодиака, скатившееся с небосвода. По сути, весь город был единым круглым зданием-крепостью, в котором жили около двух тысяч человек. Сейчас археологи отыскиали уже 21 город ариев: Синташту, Чекотай, Берсуат, Исинея, Журумбай... Все вместе их называют Страной Городов.

Может быть, в эту Страну Городов с устья Чусовой действительно пришел Заратустра и объявил здесь свое пророчество, которое преобразило народ. Так говорил Павел Глоба. А «переформатированные» Заратустрой арии обрели цель и тотчас снялись с места.

Но мало ли что говорил Глоба. Дело не в том, где и когда родился Заратустра. Хотя мыс Стрелка действительно «место силы». Здесь в 1240 году объединенные войска уральцев разбили монголо-татар. Здесь в 1919 году полыхал гигантский пожар и колчаковцы, спустив в Чусовую нефть, сожгли весь Камский флот. Но дело, повторимся, не в Заратустре.

Дело в том, что слова Павла Глобы (наверное, неожиданно и для самого Глобы) очень точно попали в уральскую культурную матрицу. Мгновенно всосались в сознание уральцев, как вода в песок. И тотчас стали мифом о том, что мыс Стрелка – родина Заратустры.

Стараниями Здановича и его единомышленников Аркаим с 1991 года стал заповедником. И сюда повалили разные эзотерики и экстрасенсы. На центральной точке городища археологи даже положили для них камень, чтобы эти паломники, отыскивая центр Аркаима самостоятельно, не вытоптали Аркаим, как табун.

А на въезде на территорию заповедника эзотерики облюбовали базальтовую сопку – купол палеовулкана Огненного. Эзотерики назвали сопку горой Шаманкой (хотя у зороастрийцев и ариев не было шаманов), из бульжников выложили на вершине магические круги и спирали и теперь проводят здесь свои доморощенные обряды. Входят в контакт с астралом.

Этот контакт с астралом – профанация, потому что мистика Урала не в том, что Урал – некий «портал» в иные миры. Да и мистики-то нету. Есть *культурная матрица, культурный код*, который подчиняет себе и людей, и народы, и явления истории. Причем здесь астрал, причем здесь Зодиак?..

Уральское чудо преображения – это либо зороастризм для ариев, если Заратустра действительно явился к ним с Чусовой в Страну Городов, либо миф об уральском происхождении Заратустры – уже для современных чудаков.

Уральская матрица производит сверх-продукт: новые идеи, образы, смыслы. Она работает, как плавильная печь. То, что попадает в нее, выходит совсем иным. А процесс плавления в этой печи начинается как цепная реакция: тогда, когда в печи Урала сходятся какие-либо разнородные явления. Слово сливаются два цвета, например, желтый и синий, и появляется не желто-синий цвет, а зеленый – новый, третий. Слово медь соединяется с оловом, и получается не медно-оловянный сплав, а особый металл – бронза. Слово металл натрий соединяется с газом хлором, и образуется не химически абстрактный хлорид натрия, а драгоценная и незаменимая соль – новый минерал.

Особенность преображения в том, что получается не механическое смешение исходных элементов, а нечто новое и неожиданное, со своими неожиданными качествами. Имеющее сугубо уральское происхождение и сугубо уральский смысл. Как Серебряное копытце. Как «Христы в темницах». Как соль-пермянка. Как пермский период. Как Аркаим и Страна Городов, где *уральская матрица* породила новые смыслы если и не для древних ариев, то для нынешних эзотериков. Как Ермак.

Кто он был, Ермак Тимофеевич? Мы не знаем. История «бросила концы в воду». Кама подмыла Орел-городок, из которого Ермак вышел в путь, и подмыла Искер – сибирскую столицу, где путь Ермака завершился. Ермак как из легенды выплыл с Волги на разбойничьем струге и, одетый в царскую кольчугу, ушел в воды реки Вагай, как в легенду. Достоверно мы знаем лишь то, что соответствует *культурному коду* Урала.

В северной Сибири нет ни полей, ни степей. Одни леса да болота. Но именно здесь при Иване Грозном в последний раз сцепились в схватке Русь и Орда, мир пашен и мир пастбищ. Они делили последний ничейный ресурс – пушнину.

Мягкая рухлядь была одной из главных валют эпохи. Из Сибири меха утекали в Европу, где конвертировались в золото конкистадоров. Кто и как повезет пушнину королям Атлантики? Бухарские ханы будут отсылать караваны верблюдов или московские цари – санные обозы?

В борьбе за пушнину Иван Грозный не полагался на уральских воевод – ленивы, трусливы... Грозный сделал ставку на солепромышленников Строгановых. Он подарил Строгановым гигантские земли по Каме. А Строгановы подмяли под себя важнейший перекресток речных дорог Урала – устье реки Чусовой и перехватили пушной торг.

Отряды Кучума преодолевали невысокий Урал и громили крепости конкурентов. Грозный же истрепал все свое войско в бесплодной войне с Ливонией и Строгановым мог помочь только вольностями. И Строгановы, «взяв суверенитета столько, сколько смогли проглотить», сами решили «проблему Сибири». Они призвали с Волги вольных казаков атамана Ермака.

Ермак был разбойником. Строгановы пообещали ему наживу, лишь бы он разгромил Искер. Ермак перешел Урал и разгромил Искер. Но не вернулся к Строгановым за платой, а остался в Сибири и послал посольство Ивану Грозному – подарил Сибирь царю. Вольный разбойник вдруг стал принимать «шерть» – присягу от местных князьков. На кой черт она разбойнику? Или разбойник вдруг сделался государственным?

История не дает ответа. Она очистила образ Ермака от подробностей, чтобы явить народу эталон в его законченном виде. Но кое-что про Ермака можно понять и домыслить, зная об уральской матрице.

Что-то случилось с Ермаком, с его душой, пока он пересекал Урал. Не выход в астрал, как у эзотериков с горы Шаманки, а преображение. Дружине Ермака было не до астрала, не до медитаций: казаки прорывались в Сибирь с боем.

Жестоко дрались с татарами у Берёзовского и Караульного яров, у Бабасанских юрт. Штурмом брали Тарханный городок, Епанчин и Карачин городки, город Чинги-Туру (нынешнюю Тюмень).

И вот на одном из привалов меж казаками началась ссора. Ведь казаки и были казаками, а не суровыми древнерусскими богатырями, что стерегут покой родной земли наполовецких курганах. Яростный атаман Иван Кольцо стремился к главной сокровищнице Сибири – к Искеру. Осторожный атаман Никита Пан предлагал вернуться: поживились уже довольно. А Ермак молчал.

Без сомнения, он уже принял решение: идти на Искер. Если бы он принял решение отступить, то присоединился бы к Никите Пану. Но вот с решением идти на Искер он не мог присоединиться к Ивану Кольцо. И потому молчал, не вмешивался в ссору. Атаманы чуть не изрубили друг друга. «Казачье сидение» продолжалось 40 дней. И всё: впереди замерцал скорый ледостав, а значит, вернуться за Урал дружина не успеет. Надо идти на татарскую столицу. «Либо в теплую избу, либо в мерзлую землю», как в декабре 1918 года говорили красногвардейцы, в седьмой раз штурмуя завод Кын.

Своим молчанием Ермак добился, что казаки двинулись на Искер по собственной воле. Двинулись, преодолев искушение бегством, искушение спасением. Так поступить мог лишь тот, кто для себя уже сделал выбор и знал: этот выбор нельзя навязывать, люди должны делать его самостоятельно. Кто уже был преображен и понимал, как это происходит.

В лице Ермака Европа встретила с Азией, и эта встреча преобразила Ермака. Не было больше рвача и разбойника. Не было наемника. Был человек, переросший собственную шкуру. Человек, которого от статуса народного героя отделял только пока не совершенный подвиг. Но и подвиг ждал не за горами. Разбойник и наемник, перейдя Урал, преобразился. И в долгой, безнадежной, кровавой и великой обороне Искера родился герой последних русских былин.

Урал и сам преображает себя. Ермак первым увидел Сибирь, словно Данила-мастер – Каменный цветок. И, как Данила-мастер, Ермак обрел небывалый дар: превратился

в демиурга. Подарив Ивану Грозному вторую половину его державы, Ермак преобразил Урал. До Ермака Урал был окраиной, границей, то есть пределом русских владений. А через полвека после Ермака русские землепроходцы уже стояли на берегу Тихого океана.

Применительно к временам Ивана Грозного мы говорим «Русь». Это 1580-е годы. А в 1612 году поляков изгоняли уже из России. Что было такого в истории нашего государства между Грозным – Годуновым и Мининым – Пожарским, отчего Русь преобразилась в Россию? Убийство царевича Димитрия? Появление Лжедмитриев? Позорная возня Семибоярщины? Это события не могли сделать Русь Россией.

Россией Русь сделало присоединение Сибири. Урал – скрепа на этом соединении. Русь началась в Киеве, а ее преобразование в Россию началось на Урале. Это не «гумилёвщина», не «перетягивание одеяла на себя», не «СССР – родина слонов». Это факт, который, как ни странно, всегда остается в подсознании русской истории и не озвучивается. Видимо, потому, что Москве слегка стыдно, что Россия начала рождаться не в Кремле, где Гришка Отрепьев миловался с Мариной Мнишек.

Ментально Русь преобразалась в Россию на костромских болотах, где шел Сусанин, и на волжских берегах Нижнего Новгорода, где собиралось ополчение. А географически – на Урале, где Ермак распахнул ворота в Сибирь. И в новой, свежей России Урал из окраины державы преобразился в самый что ни на есть центр – в становой хребет.

Демоны подсознания

Примерно в то время, когда мусульманство пришло на южный Урал, на северный Урал пришла вера в Христа. Но на Урале и христианство, и ислам легли на мощнейшую толщу язычества. И язычество не могло исчезнуть. Оно питалось образами ландшафта: пещерами и причудливыми скалами, бесчисленными «Шайтанами» и «Чёртовыми городищами». Ничто, кроме язычества, не могло совладать с диким ужасом каменных истуканов какого-нибудь плато Маньпупунёр.

И ничем, кроме язычества, невозможно было объяснить уральскую матрицу, которая продолжала работать. Ландшафт и матрица оставались неизменны, а потому и язычество оказалось неискоренимым. Оно просто скрылось с глаз, ушло в подсознание.

Как социокультурный феномен нынешний Урал начался только в XIV веке. И родился он по воле двух полководцев, которые, скорее всего, про Урал никогда и не слышали. Эти полководцы – Тамерлан и Мамай.

С Тамерланом прочно связывают свое обращение в мусульманство жители южного Урала – башкиры.

Башкиры, «люди-волки», произошли от смешения местных финно-угров и пришлых тюрков-монголов. Свадебный венец держала Золотая Орда. Поэтому к XIV веку южный Урал принадлежал уже не финно-уграм, а новому этносу – башкирам. На лицо они были вполне себе азиаты, но по духу невесть кто – язычники.

А Золотую Орду к тому времени пропитало мусульманство, принятое ордынцами от покоренных булгар. Слыша грохот битв непобедимых татарских туменов, башкиры-язычники поняли, какой бог самый сильный. Аллах. И призвали к себе его сынов, чтобы принять новую веру. С тех времен повсюду в Башкирии стоят каменные мазары – почитаемые могилы мусульманских миссионеров. А на Иртыше, в Западной Сибири, – бревенчатые астаны, подновляемые новыми поколениями.

Первого проповедника в 1341 году пригласил в Башкирию Тура-хан. Этим проповедником был Хусаин-бек. Никто уже не скажет, как шла исламизация Башкирии. Если спросить мулл, то они, скорее всего, в один голос ответят: «Мирно! Добровольно!» То же самое о христианизации Урала говорят православные священники. Хотя наверняка многие из тех, кто лежит под мазарами, умерли не своей смертью. И Тура-хан тоже был убит.

Но Тамерлан оказался сильнее даже Золотой Орды. Его войска взяли Дели, Дамаск, Анкару и Багдад, дошли до Ганга на юго-востоке, до Иртыша на севере и до Терека на западе. Они растоптали Астрахань и взяли бы Москву, если б не заступничество иконы Владимирской Богоматери. Столицей мира был тогда не Париж и не Рим, а знойный Самарканд.

Башкиры уверены, что именно Тимур повелел построить на их землях первое кэшэнэ – мавзолей Хусаин-бека. Этот мавзолей и доныне стоит на древнем кладбище Акзират близ поселка Чишмы. А возле деревни Нижние Тирмы – кэшэнэ Тура-хана. А возле деревни Максютово – кэшэнэ царевны Бендэбике. А неподалеку от казачьей станицы Варна в Челябинской области – кэшэнэ уже забытого хана. Удивительные обломки Средней Азии, залетевшие на Урал...

Жаль, что в Варне кэшэнэ отреставрировали, точнее, построили заново. Нелепо читать на мемориальной табличке «XIV век», а на кирпичах, из которых сложен мавзолей, – «Магнитогорский кирпичный завод». Только над крышей новодела возвышается кривоватый граненый купол, чьи камни слегка позеленели от времени. Зато название ближней железнодорожной станции говорит обо всем сразу: станция Тамерлан.

Христианизация Урала парадоксально связана с именем другого великого полководца – Мамай.

Новгородцы знали про Урал уже давно, века с одиннадцатого. Новгородские разбойники, как на работу, ходили на грабеж уральцев. Новгородцы добирались до Урала по реке Вычегде на лодках-ушкуях, а потому звались ушкуйниками. Сам же Господин Великий Новгород считал Урал своей вотчиной.

И у Москвы, что набирала силы, от зависти горели глаза. Серебро закамское, «златокипящая Сибирь», меха, меха, меха – мягкая рухлядь... Но драться с Новгородом за Урал Москва не могла: приближался Мамай. Овладеть «пушной Голкондой» можно было только лукавыми средствами Византии.

В 1379 году Сергей Радонежский благословил на подвиг монаха Стефана – будущего святого Стефана Пермского. Стефан основал на Вычегде вольное и независимое княжество Пермь Вычегодскую (Старую) со столицей в городке Усть-Вымь. Княжество перекрыло новгородцам дорогу на Урал. И спустя какое-то время Москва посадила в Усть-Выми своего князя – Ермолая Вереинского. А Ермолай расширил владения к юго-востоку – до реки Колвы.

На Колве в 1451 году появилось другое вольное княжество – Пермь Великая. Князем ее стал сын Ермолая Михаил. Пермь Великая оказалась последним русским княжеством, а ее столица – город Чердынь – первым русским городом Урала. Земли были уже разведаны: еще в 1430 году солепромышленники Калининковы на Каме основали поселение с варницами – будущий Соликамск.

Православные миссионеры пошли по уральским северным чащобам с крещением. Сколько бы нынешние священники ни твердили о его мирном характере, факты говорят сами за себя: из первых шести пермских епископов двое были убиты, а третий сошел с ума. Однако несовершенная практика христианизации не означает краха евангельских истин.

Но Москва посылала на Урал князей и епископов не затем, чтобы те творили, чего хотели. Едва новгородцы потерпели поражение в битве на реке Шелонь, Москва тотчас отправила войско князя Федора Пестрого на Чердынь: прибрать бесхозную вотчину разгромленного торгаша. Это было в 1472 году.

Пермяки яростно обороняли свою главную твердыню – горную крепость Искор, но московские ратники прорубились через все частоколы. И Пермь Великую присоединили к Московскому княжеству. А в 1505 году Москва вообще упразднила ее, словно обанкротила и присвоила. В Соликамске и Чердыни сели воеводы.

Весь XVI век русские селения Урала вели войну с инородцами. Одна только Чердынь выдержала десять осад и ни разу не сдалась. А инородцы Урала не были жалкими аборигенами, что падают ниц перед «белым человеком». Ко времени прихода русских инородцы, в первую очередь пермяки-коми и вогулы-манси, уже знали, что такое государство. Они имели свои княжества с князьями и дружинами.

Самым сильным было вогульское (мансийское) княжество со столицей в селении Пелым (ныне это поселок на севере Свердловской области). Пермяки приняли русских, а вогулы – нет. И покорить их не смог никто. То есть вообще никто. Сначала вогулы сражались, а потом просто отступали на север. Отступали до самого Полярного круга, до самого XX века.

Но в XVI веке вогулы были еще сильны. К тому же их подпитывало Сибирское ханство, не желавшее сдавать русским пушные места Сибири. Вогулы и татары переходили Урал и обрушивались на русские селения. Русские крепости Урала сражались с врагом в одиночку. Когда изнемогающий Соликамск попросил поддержки у Ивана Грозного, тот прислал на Урал икону. Одолеть силы татар и уральских инородцев оказалось по плечу только Ермаку.

Можно было драться с уральцами, можно было торговать, можно было жить в мире – все равно уральская матрица поглощала пришельцев и пронизывала, как радиация. И свидетельством тому гора Полюд в междуречье Колвы и Вишеры. По преданию, на вершине этой горы жил богатырь Полюд, который охранял Чердынь. Если по Вишере на Чердынь шли вогулы, Полюд зажигал сполох.

Полюд стал первым из недлинного ряда героев уральской «эпохи титанов». И все предания говорят о том, что Полюд не погиб, а окаменел или ушел в недра, в пещеры.

Образ Полюда еще не обрел сугубо уральских черт; Полюд ближе к Святогору, чем к Ермаку. Но, погружаясь в хтонические глубины конкретного Урала, Полюд оказывался связующим звеном между русской и уральской культурными матрицами. Русские вращались в Урал, а Урал вращался в русских.

В XVII веке «очаг возгорания» с северного Урала переместился на южный. В 1557 году Башкирия вошла в состав Русского государства. А спустя век башкиры поняли, что для них в этом ничего хорошего нет. И началась полоса башкирских войн за независимость.

1662 – 1664 годы. Война под руководством Сары Мергена, который привлек к себе правнуков хана Кучума. Цель – создание Башкирского ханства по образцу Сибирского.

1681 – 1683 годы. Война Сеита Садира. Цель – независимость.

1704 – 1728 годы. Война Дюмея Ишкеева и Алдар-бая. Башкиры осаждали Уфу, Казань и Астрахань, завели сношения с исламистами Кавказа, Крыма и Константинополя, повстанцами Кавказа и Кондратия Булавина. Цель – независимость.

1734 – 1740 годы. Война Мандара, Бепени и Тулкучары. Духовный вождь восставших – проповедник Карасакал объявил независимость Башкирии.

1754 – 1756 годы. Война Батырши Алиева. Цель – независимость.

Наконец, в 1773 – 1775 годах, в общей буре пугачёвщины, – башкирское течение Салавата Юлаева.

В 1993 году, на пике постсоветского сепаратизма, в городке Малояз в Башкирии Салавату отгрохали огромный музей-мавзолей. Экспонатов там, по сути, только два: сабля и седло. И те не Салавата. Потому что музей – память не о пугачевском атамане, вроде Хлопуши или Чики-Зарубина. Это память о герое, боровшемся за национальную государственность.

Мало кто помнит, что Салават сражался с русскими и после пленения Пугачева, а Екатерина не казнила Салавата, как других атаманов бунтовщиков, потому что Салават не имел ничего против Екатерины. Он хотел независимости Башкирии, а в России для правителя политический враг всегда нечто менее опасное, чем враг личный.

Конечно, бунтующие башкиры убивали русских, сжигали города и заводы. Конечно, русские войска, подавляя восстания, зверствовали (давя бунт Карасакала, русские солдаты

сожгли и вырезали почти семьсот башкирских деревень). Конечно, противоборствующие стороны принадлежали к разным конфессиям. Но никогда эти войны не носили религиозного характера. На Урале башкиры бились с русскими, но не мусульмане с христианами. Почему?

На Урале христиане не дрались с мусульманами за богов именно потому, что подсознание у них было общее – языческое. Башкирское мусульманство не приняло ни законов шариата, ни паранджи. Башкирское мусульманство осталось таким же полуязыческим, как и русское христианство.

Присмотревшись, это язычество мы видим и сейчас. Оно глядит на нас даже из глазниц христианских святых, даже из глаз Иисуса – пермской деревянной скульптуры, идолов Христа. А язычники не дерутся за богов.

Язычество Урала – оно не только в местных преданиях. Предания лишь верхний пласт, картинка. А язычество переформатировало взаимоотношения человека с миром. Это видно даже по структуре уральского города-завода (тип селения всегда отражает понимание вселенной).

На Урале заводчики селили работников не потому, что работникам здесь хорошо было жить, а потому, что здесь было удобно производить металл. Линия реки пересекалась линией плотины – получался христианский крест. В самой его сердцевине, под плотиной, стоял завод. В символическом смысле завод – это намертво завязанный узел всех четырех стихий, необходимых для выплавки металла: воды, воздуха, земли и огня. И стихии эти языческие.

А крест – символ жертвы. И получалось, что на Урале, где селения строили не для людей, а для железа и меди, люди приносились в жертву языческим стихиям. Это не библейское языческое поклонение золотому тельцу. Это уральское языческое поклонение железу. И саму возможность поклонения кому-то, кроме бога или золота, русские на Урале переняли от язычников.

Квинтэссенцией язычества стал знаменитый идол Золотая Баба. Гонялись за ней, конечно, из-за золота, но для

язычников золото было символом солнца и огня, а вовсе не богатства. Никому не известно, какой была Золотая Баба. Первые упоминания о ней восходят веку к десятому, а последние – к восемнадцатому.

Уральцы уносили своего идола все дальше и дальше от алчных охотников. Любой чужак, увидевший святыню, был обречен на смерть. В XVIII веке миссионер Григорий Новицкий подкараулил ее у вогулов где-то на реке Конде. Новицкий успел переслать письмо, что вот-вот он заполучит идолицу – и все. Ни слуха от него, ни следа.

Золотая Баба осталась недоступной, осталась мистической невестой другого ключевого персонажа уральской ментальности – Мастера. Мастер и вытеснил Золотую Бабу «в подсознание» народа.

Страшная и опасная Золотая Баба вернулась в актуальность в образе Бабы Яги.

Русский фольклор сложился к XV веку, то есть ко времени колонизации русскими Урала. И на Урале русские столкнулись с местной обрядовой практикой. Уральцы устраивали свои святилища на тайных полянах в глухом лесу. Поляну огораживал частокол, на котором вывешивали черепа животных, принесенных в жертву. Посреди поляны стоял священный амбарчик – маленькая избушка. Он назывался сомгях, а по-русски – чамья. Его водружали на стволы подрубленных деревьев, чтобы не забрались дикие звери.

В амбарчике не было ни окон, ни дверей – зачем они нужны? Внутри лежала резная деревянная кукла – «иттарма». В нее вселялся дух умершего. Кукла была одета в национальную одежду – в ягу, например.

Если к образу этого святилища добавить предания о Золотой Бабе, несущей русским смерть («тьфу-тьфу-тьфу, русским духом пахнет!»), то получится Баба Яга. Золотая Баба – кукла в яге, живущая в глухом лесу в избушке на курьих ножках.

На Урале тип древнего святилища, утратив тайный смысл, сохранился в виде охотничьей заимки. Такая заимка стоит, к примеру, в Хохловке. А Баба Яга, все-таки совсем

русский персонаж, обрела двойника – бабу Синюшку из сказа Бажова.

Поскольку сказ повествует об искателях самоцветов, Синюшка сидит не в чамье, а в колодце, точнее, в затопленной грунтовыми водами чудской копи. Копь – это древняя шахта, в том числе и для добычи самоцветов. Копями изрыт весь Урал. Под домами Перми несколько сотен медных копей.

Золотая Баба объявилась в сказах Бажова и Огневушкой-Поскакушкой – маленькой рыжей девчонкой, которая пляшет в пламени костра, если костер разведен над месторождением золота. «Золотая Баба» – вульгарное русское название божества. Манси называют Золотую Бабу «Сорни-Най». Дословный перевод – «Золото-Огонь». Вот и выстраивается смысловой ряд: женщина – золото – огонь. И в костре над золотом рождается девчонка Огневушка-Поскакушка.

Бажов по интуиции, но исключительно точно ухватил суть уральской ментальности. Сказы Бажова, конечно, не фольклор. Но в данном случае не важно, народное или авторское происхождение у сказовых героев. Важно то, что Бажов транслировал древние архетипы, которые русские переняли от местных жителей.

С такой точки зрения, лебеди Ермака из сказа и гуси-лебеди из сказки – варианты единого изначального образа, архетипа Утки – Прародительницы Мира. А Каменный Цветок, цвет папоротника, мандрагора алхимиков и яблоко Евы – все они с древнего Древа Мира, о котором догадались еще шумеры.

Урал небогат артефактами своего языческого подсознания. Легенды легендами, но хотелось бы еще и руками потрогать. Кроме немногочисленных идолов вроде Шигирского, есть только одно явление – зато какое!.. Бляшки Пермского звериного стиля.

Это не просто «художества», это древняя, почти непонятная нам «система мира» с его членением на разные уровни, с его неуловимым перетеканием обличья в обличье, с его борьбой начал и мрачным, застывшим торжеством финалов. Эти маленькие изделия рисуют картину бесконечной и многообразной языческой вселенной. Она была бы безмерно чужой, если бы не сказы Бажова.

Все персонажи Пермского звериного стиля имеют свои аналоги в сказках: Лось – олень Серебряное Копытце; Утка – лебеди Ермака; Змеи – Великий Полоз; Ящер – ящерки Хозяйки Медной горы. Так русские перетолковали и переосмыслили древнеуральские мифы. Но самое удивительное в другом. Если разобраться, то персонажи звериного стиля ведут себя так же, как бажовские.

Верхний ярус бляшек – ярус неба – занимают лосиные и утиные головы. В древних представлениях о мире Лось и Утка были примерно одним и тем же, потому что распластаный лосиный рог походит на утку, раскинувшую крылья в полете. И в сказках Бажова Серебряное Копытце (аналог Лося) и лебеди Ермака (аналог Утки) исполняют одну и ту же роль: ведут героев (Ермака и девочку Дарёнку) к земным богатствам Урала.

Средний ярус бляшек – ярус земной жизни – занимают человеческие фигуры и змеи. И в сказках Бажова змеи обретают человеческий облик: и Голубая Змейка, и Великий Полоз, и «рыжая девчонка» – дочь змеиноного царя.

Нижний ярус – ярус подземелья – занимают Ящер и пауки. Аналог пауков у Бажова – муравьи в золотых лаптях. Они приводили старателей к месторождению золота. А вот с Ящером история интереснее.

Специалисты утверждают, что образ Ящера сложен из двух образов: ящерки (змеи) и Мамонта. Ящерок и змей в сказках Бажова целый серпентарий. А Мамонт – брендовый персонаж Кунгурской пещеры, знакомый еще Татищеву.

Это он, подземный зверь Мамонт, живет в недрах Ледяной горы. Когда он движется под землей, то оставляет за собой проходы-галереи. А если выходит на поверхность земли, то появляются следы зверя Мамонта – карстовые воронки, которыми Ледяная гора покрыта, как после ковровой бомбардировки.

Древний Мамонт представлен у Бажова в образе Земляной Кошки из сказа «Кошачьи уши». Эта Кошка ведет тот же образ жизни, что и Мамонт, но указывает на золото. Поблизости от тех мест, где происходит действие сказа, находится деревня Кунгурка: понятно, как Мамонт перебрался на другую сторону Урала.

А еще поблизости находится урочище Кошкаринский торфяник. «Торфа» – это верхний слой почвы, который снимали старатели, чтобы добраться до золотоносных песков. «Кошкаринский» – значит, принадлежавший кошкарям, жителям поселка Кочкарь в Челябинской области. Наряду с речкой Ис, Рублёвиком и Золотой Долиной Миасса, Кочкарь был центром «золотой лихорадки» конца XIX века.

Кочкари переделались в кошкарей, потому что в русских поверьях рыжая кошка – символ золота. А русская рыжая кошка слилась с уральским Подземным Зверем Мамонтом и превратилась в Земляную Кошку. Но один из ее предков отлит из бронзы Пермского звериного стиля.

Образы Урала – ящерка в короне или зверь Мамонт – через длинную цепочку превращений пришли к нам из глубины веков, из подсознания этноса. Эти образы кажутся нам понятными и однозначными, хотя цепочки смыслов уводят в недра культуры.

Но не всегда все так сложно и туманно. Чудь Белоглазая не погибла под землей. Она живет: гранит кристаллы, рисует картины на малахите и яшме, плавит самородки. И живы ее страшные языческие демоны. Случается, что они рвут привязи и вылетают на поверхность, в наш мир, порождая ужас и непонимание.

В 1959 году на северном Урале зимой погибла группа туристов Свердловского политеха. Группу возглавлял Игорь Дятлов. Лыжный поход был сложным, но не более. Но вдруг случилось нечто.

Группа ночевала на перевале близ горы Мертвецов. Гора получила свое мрачное название потому, что в XIX веке на ее вершине нашли мертвыми девятиерых охотников-манси. Причину их смерти так и не удалось установить.

В группе Дятлова тоже было девять туристов. И ночью внезапно они вдруг распоролы свою палатку изнутри ножом и выбежали на мороз даже без обуви, помчались прочь с перевала. Кто-то разбился о камни, кто-то сумел добежать до леса, но не сумел разжечь костер и замерз. Погибли все.

Что их выгнало из палатки посреди ночи? Причины называют самые фантастические. Например, вызванный завихре-

ниями ветра в скалах инфразвук, внушающий ужас, – что-то подобное предполагают в Бермудском треугольнике, где находят корабли без экипажей. Или, например, вспышка ядерного взрыва, которым военные уничтожили толпу заключенных, поднявших бунт в какой-то северной зоне. А еще ходит слух, что туристы не вняли предупреждениям и для костра нарубили сучьев со священного дерева. Демоны уральского культурного подсознания вырвались из заточения и уничтожили группу Дятлова.

Затоптанное язычество все равно осталось на Урале, как подземные воды. Стоят бесчисленные Молёбные хребты, горы и камни. Текут бесчисленные речки Шайтанки. На месте древних святилищ стоят древние селения, сохранившие нечеловеческие имена: Бондюг, Пянтег, Сурмог. Хребет Басеги называется не от слова «баско», а от имени забытого бога Басега, а горы Лунёжки – от имени забытого бога Лунега.

На северном Урале горы Ялпынги, Эквы и Нёройки – окаменевшие боги. На среднем Урале один из самых старых заводов, Шуралинский, называется от слова «шурале» – «бес». На южном Урале самая высокая гора – Яман-тау, «дурная гора». Может, это языческие демоны потешаются над экстра-сенсами и контактёрами в «аномальной зоне» Молёбки?..

Но дело, опять же, не в топонимике. Сам склад уральского ума устроен по-язычески. Мастер – ключевая фигура уральского менталитета. Мастер – демиург, творец уральского мира. Архетип Мастера воплощается в других образах. Например, в образе Ермака. Это ведь он сотворил русский мир Урала. И Ермак, судя по фольклору, – колдун.

«Образцовый» Мастер – это камнерез Данила из сказов Бажова. И Данила за тайной мастерства ходил в Медную гору, к Каменному Цветку. За своим мастерством Мастер не идет к богу. Его мастерство – это не боговдохновенность и не христианское озарение. Перед тем как взять в руки резец, Данила не молится, как молился Андрей Рублёв перед тем как взять в руки кисть. Потому что в христианском мире творец один – Бог. И если Мастер тоже творец,

демиург, соперник Бога, то его из христианства «вышибает» в язычество.

За своей тайной Мастер идет к демонам и сам становится колдуном. Поэтому и Ермака по Чусовой ведут не ангелы, которые вели святого Трифона Вятского по речке Мулянке, а языческие лебеди. Поэтому гравер Иванко Крылатко на златоустовском булате рисует не Георгия Победоносца, а языческого крылатого коня.

Тайна уральского мастерства всегда связана не с молитвой, а со стихиями творения металлов и минералов: с огнем, с водой, с землей, с воздухом. С судьбой. С демонами языческого подсознания Урала.

Мастер

Кто не видел эту рекламу: дюжие, веселые мужики сидят в бане и пьют пиво. Пиво называется «Уральский мастер». Морально ситуация вполне оправданна: сделал дело – гуляй смело. Да пожалуйста, пусть гуляют. Только эти мужики не мастера. Они профессионалы. А профессионал и мастер – на Урале разные понятия.

Профессионал везде, и на Урале тоже, это тот, кто освоил свою профессию в совершенстве. А мастер, точнее, Мастер, – на Урале, и только на Урале, – это творец мира, демиург. Он, в общем, и не отдыхает. Трудно представить Бога на ланче. Хотя, конечно, Господь, когда создавал наш мир, устроил седьмой день... Но в этом поступке чувствуется некая дидактичность, назидательность – чтобы люди давали себе и другим передышку. Седьмой день не для Мастера.

Не для Мастера хотя бы потому, что Мастер не подчиняется христианскому Богу. Он язычник. Даже если на груди у него – православный крест. Мастер творит свои миры из языческих стихий: огня, земли, воды и воздуха. Мастеру не нужна молитва, он не просит помощи у Всевышнего. Он не богоборец – Богу он «параллелен». А потому Бог может «спихнуть» Мастера в ад, а может «втянуть» в сонм святых.

Христос пришел с неба ангелом, который принес Марии Благовест, и после смерти вознесся на небо. А Мастер, как идол, вырос из камней и корней и ушел в камни, в глубины и в недра. Как Полюд, как Ермак, как Салават Юлаев. Как множество уральских мастеров – литейщиков, механиков, камнерезов, сплавщиков, рудознатцев, чьи могилы затерялись.

Плотины Леонтия Злобина до сих пор держат пруды в Екатеринбурге, Ревде, Невьянске, Тагиле, а где могила мастера? По дороге Артемия Бабинова и сейчас еще иногда проезжают, но уже не могут вспомнить, где схоронили землепроходца: то ли в Верх-Яйве, то ли в Усть-Боровой.

Кто не слышал о «велосипеде Артамонова» – «дурачком двухколесном костотрясе» (так написано в полицейском донесении), а могилу Артамона Кузнецова, тагильского изобретателя, потеряли на кладбище в Суксуне.

Мастера уходят в землю, в хтонь, в «уральскую матрицу», и кресты на их могилах не могут устоять в черством суглинке, будто в зыбком болоте.

За образцом Мастера следует обращаться все к тому же неиссякаемому источнику: к сказам Бажова. В Даниле и воплощен архетип уральского Мастера. Хотя, конечно, Бажову, который писал «Малахитовую шкатулку» в годы Большого террора, приходилось учитывать идеологические установки своего времени.

«Пролетарская культура» во многом базировалась на облагороженной народной культуре, а точнее, на маргинальной, приклатненной. Отторженность Данилы от христианской традиции, от «веры отцов», Бажов реализовал в виде сиротства – любимого мотива жалостливых песен беспризорных и уголовников.

А заводчик, с которым у мастера не должно было возникнуть особенных конфликтов (зачем заводчику давить мастера – резать курицу, несущую золотые яйца?), превратился в злобного тирана и самодура, как и положено при классовом подходе в литературе. Но суть понятия «Мастер» Бажов сберег и донес.

Мастер – это квинтэссенция уральского понимания мира и человека. Наведенный фокус *уральской матрицы*. Культурообразующая фигура, которая отформатировала уральский космос и уральский миф. Но происхождение Мастера не хтоническое и не божественное.

Мастер «начался» с культа труда, который на Урал принесли беглые староверы – суровые ревнителю «древлего благочестия».

В 1655 году Россию расколола церковная реформа патриарха Никона. Те, кто принял реформу, никониане, остались подле власти и на своих местах. А раскольники побежали во все стороны, на окраины державы.

Простым крестьянам вряд ли так уж важна была аутентичность обряда (хотя, конечно, была важна). Энгельс тонко подметил, что в средневековье любое социальное недовольство могло выразиться лишь в форме религиозного неповиновения. А народу, как обычно, было, за что сердчать на бояр и царя.

Тайные селения беглых раскольников усыпали реку Керженец, окрестности города Повенец, студеные земли Соловецкого монастыря. Укромные места сыскались и на Урале, и немало. Это река Яик – нынешний Урал, Ирюмские болота, Веселые горы, таежные просторы по берегам Конды.

Раскольники бежали, словно опьяненные какими-то дикими надеждами, в «праведную страну Беловодье», в «Опонецкое царство», на «блаженные острова Макарийские», в «чудный град Веденец».

Кстати, раскольничьи предания о Макарийских островах и городе Веденец послужили причиной известного мифа о том, что Венеция стоит на столбах из пермской лиственницы. Хотя 400 тысяч лиственничных столбов были забиты в дно Венецианской лагуны в VI–X веках нашей эры, когда про Урал никто еще и не слышал. Лиственницы были не пермские, а пармские, сплавленные от Пармы к Венеции по реке По. Миф о Венеции – очередное чудо *преображения*, как с ариями и Заратустрой.

Во второй половине XVII столетия на Урале кипели лютые раскольничьи страсти. В Соликамске и Верхотурье, по пути в ссылку, проповедовал Аввакум. Спустя годы, в низовьях Печоры, в городе Пустозёрске, Аввакум был «посажен в сруб», а потом сожжен заживо. Но в срубе он просидел долго, и к нему прибегались местные расколоучители.

Они разносили «аввакумов завет» по всем слободам и скитам Урала. С благословения Аввакума пылали страшные «гари» – массовые самосожжения. Огнища зажигали руки восприемников Аввакума.

Русские «гари» начались в 1679 году, когда в Западной Сибири, в Ялуторовском уезде, на реке Берёзовке «сожглись» 1700 человек. Особенно ярко горели Тура, Пышма и Обва.

В 1722 году Петр I приказал разорить скиты на Керженце. Староверы побежали с Керженца на Урал. Здесь их стали называть кержаками, а потом это название распространили на всех уральских раскольников.

Выжить на Урале кержакам было очень непросто. Климат суровый, земли неплодородные, кругом леса, воеводы рыщут по урманам в поисках еретиков, инородцы стерегут свои капища... Молитвой здесь не спасешься. Спасешься только трудом. Истовым, одержимым, каторжным – необходимым.

Хочешь уцелеть – трудись. Труд был не залогом процветания, а залогом выживания. Но плоды труда принадлежали труженику, а не барину. И потому значение труда оказалось на Урале более глубоким и актуальным, нежели обычно в России.

Труд стал всем: смыслом жизни, доблестью, карой, способом познания и преобразования мира. Не случайно век спустя иностранные горные инженеры называли раскольников «русскими протестантами». Причиной тому была трудовая этика раскольников, а вовсе не их политическая позиция: протестанты – реформаторы, а раскольники – кондовые традиционалисты.

Руками кержаков возводились и заводы Урала. Людей не хватало, и власти брали в дело всех: и староверов, и беглых, и татей. Так раскольничий культ труда из скитов проник на горные заводы.

Этот культ не был характерен для центральной, равнинной, крестьянской России. Зачем крестьянину избыточный труд? Сколько ни вспахивай, на одном поле не вырастишь три урожая. А вот на Урале избыточный труд был плодотворен.

Кто больше вкалывает, тот вырубит больше леса, добудет больше руды, выплавит больше металла. Труд – мера всех вещей. И на Урале не складывали сказки, где Иван-дурак получает «полцарства в придачу». Для уральца это неприемлемо, потому что полцарства не заработаны.

В XVIII веке борьба не утихла. Горели Тавда и Межевая Утка. Василий Татищев, столь милый сердцу государствен-

ников-патриотов, растоптал немало раскольников гнезд. Особо памятен раскольникам стал беспощадный тобольский митрополит Сильвестр. В Екатеринбурге специально для раскольников возвели страшную тюрьму – «Заречный тын».

В 1761 году разгорелась Ирюмская «гарь», в «огненную купель» окунулись полторы сотни человек. Чуть ли не в каждом бунте обнаруживался кержацкий след. Раскольники вместе с пугачёвцами под картечью шли в атаки на крепости и заводы, ведь Пугачёв обещал староверам вернуть «крест и бороду».

Даже русский самовар придумали раскольники, которые записывались в казаки, потому что казакам дозволялся любой обряд. В ночных секретках, чтобы не выдать себя башкирцам открытым огнем, казаки-раскольники придумали этот чудо-прибор. Холодной степной полночью он согревал и душу, и тело. Вернувшись на заводы, раскольники принесли самовар с собой. И с демидовского завода Суксун самовар переехал в демидовскую Тулу. А уж Тула «приватизировала» его, как Лиса Колобка.

В 1800 году государство учредило единоверческую церковь – компромиссный вариант между никонианством и раскольниковством. Единоверие начало «отсасывать» человеческие ресурсы. Правда, вряд ли оно одолело бы раскол. Но государственные мужи сделали ставку не на веру, а на природу человека.

Раскольникам запретили заниматься торговлей, руководить производствами, добывать золото. Раскол держался на кошельках купцов и промышленников, «столпов веры». Но без выгоды «столпы» стоять не хотели.

Морщась от неловкости, раскольничьи лидеры потянулись в единоверческие храмы. И раскол рухнул. Его подрубила мамона, а не репрессии. В 1905 году раскольников уравняли в правах с никонианцами, потому что беззубый раскол уже не представлял угрозы государственной целостности. Противостояние завершилось.

Но в *уральскую матрицу*, в образ Мастера непокорные кержаки внесли свой бесценный вклад: культ труда.

Однако образ Мастера культом труда не исчерпывается. Образ Мастера создается еще и другим уральским культом – культом знания.

Пытливость, безусловно, свойство русской души. Но пытливость бессистемна, а знание системно. Культ знания не мог родиться на крестьянских равнинах. В крестьянской среде знание подразумевало знание традиции. Следовательно, культ знания существовал в виде культа традиции. «Как прадеды делали, так и мы будем».

Гигантский опыт русского земледелия означал, что все принципиальное, чего можно было открыть без науки, было уже открыто, опробовано, принято или отвергнуто. И сложился оправданный механизм сельского производства, то есть традиция. Культ традиции, перенесенный в область религии, и послужил причиной церковного раскола.

А вот в промышленности без знания – никуда. Причем не просто знания, а знания в постоянном его развитии и умножении. Если бы это было не так, вместо сотен заводов мы и сейчас имели бы миллионы сыродутных горнов, как в Китае времен Мао.

Промышленностью управляет технический прогресс, поэтому форма жизни промышленности – постоянное развитие, а знание – необходимый фактор существования. Но это в теории.

Практика же показывала, что знания – тот капитал, который конвертируется в жизненные блага. Рабочий живет лучше крестьянина. Мастер живет лучше рабочего. Инженер живет лучше мастера. Какой еще аргумент требуется для доказательства необходимости знания?

Идеалом знающего работника выступали иностранные специалисты. В простодушном, вульгарном восприятии они были до того знающими, что даже русского языка уже не понимали.

Для таких абсолютных носителей знаний нужно было придумать какой-нибудь «противовес». Таковым стала насмешка, с которой иностранцы описаны у Бажова. Хотя в реальности они вряд ли заслужили ухмылки в свой адрес. И нет

ничего унижительного в учебе у иностранцев. Бажов все это, конечно, понимал, но у него были веские причины, чтобы изображать иностранцев сатирически.

Смысл труда и смысл знания для рабочих и для крестьян были разными. И эти два класса ментально противостояли друг другу, хотя социально оказывались близнецами: все крепостные. Но почему-то наличие общего врага – угнетателей-заводчиков – не объединило рабочих и крестьян, как обычно общий враг объединяет Россию.

Поэтому пугачевщина на Урале приобрела черты гражданской войны. Экономически рабочие и крестьяне различались не настолько, чтобы одни пошли убивать других. Но ментально это были уже два разных народа.

Горнозаводский культ знаний проявился в первую очередь в феномене мастеров-самоучек. Многие из них превратились в легенду. Хрестоматийной, значит, архетипической стала история тагильских мастеров Мирона и Ефима Черепановых, которые в 1834 году покатили по «колесопроводам» с Выйского рудника на Тагильский завод первый русский паровоз.

Но были не только мастера-механики. Были самородки-химики вроде Андрея Худоярова, который изобрел немутнеющий «хрустальный лак» и унес его тайну в могилу. Были самородки-инженеры – строители кораблей, зданий, доменных печей и плотин. Скажем, крестьянин Климентий Ушков построил «канаву» – канал, который подал в Черноисточинский пруд воду дальних речек и тем спас завод от «обсыхания».

Были самородки-металлурги. Сплавщики. Наконец, рудознатцы – самоучки-геологи, открывшие все подземные богатства, на которых выросли могучие горные заводы.

Культ знания лег в основу образа Мастера. В сказе Бажова земное, реальное знание Данила получил от старого камнереза Прокопьяча. Но Даниле, как Мастеру, этого оказалось мало. И Данила ушел за Каменным Цветком к Хозяйке Медной горы – ушел не за сокровищем, а за вечным, абсолютным и сакральным знанием.

Культ труда и культ знания, слагаясь, дают фигуру Мастера. Но творчеству Мастера требуется формат. Говоря проще, идеал. Что было для Мастера идеалом? Красота, которая спасет мир? Это слишком поэтично для творца индустриального мира. Слишком обобщенно и неконкретно.

За идеалом Данила ушел в Медную гору. Но он не вынес Каменный Цветок на божий свет. Хозяйка понимала, что этот идеал не нужен уральской матрице.

Экзистенциальным двойником Данилы можно считать мастера Ивана Ползунова. В 1764 году, за двадцать лет до Уатта, на Екатеринбургском заводе он построил первую в мире паровую машину. Но она оказалась никому не нужна. Впервые паровая машина заработала на Урале только в 1793 году. Англичанин Джон Хилл собрал и запустил ее в руднике Гумёшки, в Медной горе, там, где Данила видел Каменный Цветок. История высказалась весьма назидательно.

Смысл назидания в том, что идеал, образец должен быть доставлен на Урал извне. Чудо преображения возможно только на привнесённом материале, а не на созданном здесь и сейчас. Легитимно только чужое.

В такой установке отразились провинциальность и маргинальность уральской матрицы. Даже то, что создано на Урале, должно быть «переозвучено» авторитетом – столицей или заграницей. Конечно, при этой «переозвучке» свое станет чужим, но зато получит право на жизнь. Только такой образец можно присвоить полноценно, то есть развивать и улучшать.

В этой установке отразилось уральское понимание красоты. Красота – чужой образец, доведенный до совершенства своими руками. Образец дают авторитеты – столица или заграница.

Не Черепановы придумали паровоз – они увидели его во время поездки в Англию, а уже потом построили свой в Нижнем Тагиле. И первый пароход на воды Гудзона в 1807 году спустил Роберт Фултон, а инженер Петр Соболевский в 1819 году на Пожевском заводе на Каме построил свой пароход уже по чужой идее.

Инженер Лев Брусницын, который в 1814 году изобрел золотопромывальный ковш, знал, как старатели промывают

золотоносные пески в ситах. Инженер Павел Аносов, который в 1831 году воскресил умершую в средневековье тайну булата, не изобретал булат как таковой.

Почти всегда новый принцип открывал кто-то другой, вне Урала. Зато на Урале инженеры и мастера-самородки придумывали, как применить этот принцип здесь и сейчас. По сути, их изобретения были чудесами преобразования.

Креативность Урала определилась не по античному принципу, а по ренессансному. Уральские мастера – не Архимеды, а Леонардо.

Конечно, на Урале были совершены и абсолютно свои, небывалые открытия. Изобретение электросварки Николаем Славяновым или изобретение радио Александром Поповым не имели мировых аналогов. Были принципиально новыми. Но гений Славянова и Попова породила не уральская матрица. В годы их открытий матрица была размыта эпохой перемен. Размыта на время, до новой фазы кристаллизации.

Уральское понимание красоты и уральский образ творчества ярче всего воплотились в уральском феномене промышленного искусства. Это камнерезный промысел, каслинское чугунное и екатеринбургское бронзовое литье, тагильский подносный и усольский изразцовый промыслы, златоустовская гравюра на стали. Можно назвать явления и помельче, вроде суксунских колоколов или лысьвенской эмали.

Промышленное искусство олицетворило уральское творчество, порожденное уральской матрицей. Хотя его принцип не стоит искать в каждом отдельном произведении, в каждой отдельной судьбе художника, как от каждого отдельного дня человеческой жизни не стоит требовать, чтобы утром совершилось зло, а вечером оно было наказано.

Понятие красоты как культ совершенства (точнее, совершенствования) и было форматом творчества. Инженеры совершенствовали машины и системы. Задача художников оказалась сложнее, потому и Мастер на Урале в первую очередь ассоциируется с художником: с Данилой-мастером или с Иванко Крылатко.

С одной стороны, художники совершенствовали заданный образец, подгоняя его под материал. Так делали камнерезы и литейщики. С другой стороны, художники совершенствовали технологию, чтобы реализовать задуманное. Так, в Златоусте граверы развили технику своих немецких учителей из Золингена, а в Каслях литейщики подыскивали новые составы чугуна и песчаных смесей для отливок.

В Каслях мастера бились на оба фронта. Потому, наверное, каслинское литье и стало символом промышленного искусства.

Каков механизм его производства? Все начиналось с образца или модели, которые придумывались художниками в столице. Камнерезам (и Даниле-мастеру) присылали чертежи ваз и секретеров. Литейщикам предъявляли скульптуры, к примеру, тех же знаменитых коней Клодта с Аничкова моста в Петербурге. И на месте мастера уже смотрели, как им воплотить чужой замысел.

Литейщики уменьшали и «редуцировали» оригинал, разрабатывали технологию каждой конкретной отливки. Камнерезы подбирали камень под каждую конкретную задачу. Так и получалось произведение, которое можно было тиражировать промышленным способом.

Но промышленное искусство уничтожало или нивелировало многие канонические понятия художества. Кто автор? Столичный художник или местный мастер? Где оригинал, а где копия?

Ответов на эти вопросы нет, а потому для тех искусствоведов, которые пожелают, всегда оправдано право снобистски и брезгливо отмахнуться от каслинской скульптуры, екатеринбургской вазы или златоустовского клинка: «Это не искусство!»

Проблема в том, что в набор понятий, определяющий суть искусства, уральские мастера добавили еще одно, доселе не значимое: технологию. Она не выявляла свойства изначального замысла художника; она сама участвовала в формировании замысла.

Поскольку технология зависит от материала, выходило, что уральцы «допустили» в искусство не только личность

художника, но и внеличную стихию природы, создающей материал.

Европеец, гордый индивидуалист, оказался оскорблен тем, что ему навязали соавтора. Соавтором была уральская матрица. Не случайно все мастера так или иначе связывались с язычеством. Про Данилу уже было сказано достаточно. Но можно вспомнить предание о том, как Хозяйка Медной горы разгневалась, что малахитовые колонны украсили Исаакиевский собор Огюста Монферрана, православную церковь, – разгневалась и «спустила» весь малахит в недра. Больше месторождений промышленного малахита на Урале не найдено.

И каслинская скульптура «Пряха» – «чугунная бабушка» в сказе Бажова являлась барыне призраком. И златоустовский мастер Иван Бушуев, Иванко Крылатко, для украшения булата выбрал Пегаса – языческого крылатого коня. А может, это был и не Пегас, а Тулпар – башкирский крылатый конь. Ведь Златоуст стоит на башкирских землях.

Чего уж говорить про лысьвенских художников супругов Колюпановых, эмали которых уже сами по себе и есть древний уральский миф.

Уральская матрица неизбежно форматировала искусство под себя. Лишь в соавторстве с матрицей – с судьбой, с древними языческими смыслами Урала уральский художник, Мастер, обретал полный объем и значение своей личности и своего творчества.

Писатели Мамин-Сибиряк и Бажов, академики Карпинский и Ферсман равно уважали уральского горщика Данилу Зверева. Более всего он знаменит открытием многих самоцветных копей легендарной Мурзинки.

Однажды кто-то сказал ему, что на Урале нет алмазов. Зверев поспорил, пошел и отыскал два алмаза на реке Серебряной. Зверев говорил об Урале: «Здесь есть все. А если чего и нету, значит, плохо искали».

Уральских рудознатцев на сокровища недр выводила не слепая удача, а твердое знание примет. Бывало, что золотой слиток случайно выплавляли, сжигая выкорчеванный пень.

Но чаще сокровища открывали, заметив «следок» и пересыпая землю в ладонях.

И слова Зверева означают то, что рудознатец верит не в фарт, не в удачу, а в силу знания, потому что удачу невозможно «искать хорошо». Умение рудознатцев находить месторождения вызывало такой трепет, что искателей прозвали «чёртознаями».

Чёртознаем был и Данила Зверев. Чёртознаем и, конечно, Мастером. Со Зверева, рудознатца и горщика, Бажов и писал своего камнереза Данилу. И имя ему дал Зверев.

Потому что в уральском понимании Мастер – это не только производитель чего-то, машин или художеств. Это человек, открывающий или формирующий облик уральского мира. И многие значимые персонажи уральской истории отформатированы уральской матрицей по образцу Мастера.

Из чего складывается Мастер? Мастер трудится, познает, совершенствуется и связан с язычеством. Если перевести эти понятия в план литературного сюжета, то окажется, что труд будет переосмыслен как цепочка подвигов. Познание – как движение, путешествие. Созидание – как улучшение жизни ближних. А язычество – как творимые чудеса.

Если с этой позиции посмотреть на многих героев, живущих в памяти уральской истории, то окажется, что они существуют именно по такому сценарию.

Сам факт наличия сценария свидетельствует, что уральский Мастер – мифологическая фигура, вырастающая из матрицы, а не из идеализации высокого профессионала. Профессионал был включен в матрицу позже, во времена горнозаводской державы.

Можно попробовать разобрать значимые для Урала персоны, и всегда под кольчугой Ермака, рваньем Золотого Атамана или армяком Симеона Верхотурского обнаружится Мастер.

Ермак – это обобщенный образ Героя, Защитника, Богатыря. Ермак громит татар – совершает подвиги и облегчает русским жизнь; Ермак плывет по уральским рекам – путешествует; и – о, чудо! – Ермака по его дорогам ведут сказочные лебеди!

Вариант Ермака – Салават Юлаев, тоже ходивший по Уралу, сражавшийся с царскими войсками и громивший заводы. Юлаеву не хватало чуда – и народ вместо каторги в эстонском Рогервике отправил Салавата на вечное укрытие в недра хребта Таганай.

Золотой Атаман, реальный разбойник Андрей Плотников, убивший на Шайтанских заводах заводчика Ширяева, аккумуляровал в себе тип Уральского Разбойника. Он путешествует – плавает по Чусовой; он трудится – грабит богатых; он облегчает жизнь – раздает награбленное. А чудеса входят в арсенал необходимых Разбойнику деяний: чудесные исчезновения под носом у погони, чудесные бегства из застенков, чудесные заколдованные клады...

Антагонист Разбойника – Труженик. На Чусовой таковым выступает тоже реальный человек – бурлак Василий Балабурда. Но его фольклорный образ строится по прежней схеме, пусть Балабурда и противоположность Плотникова. Он путешествует – плавает по Чусовой; он трудится – совершает подвиги силача; он облегчает жизнь – заменяет собой других людей. Ему нужны чудеса? К эпосе о вполне земном Балабурде народ спокойно «прикрепляет» чужеродную сказку: про то, как Балабурда дрался в бане с чертом и вышла ничья. Нелепая, ненужная, с точки зрения стилистики, сказка оказывается просто необходимой, если учесть, что Балабурда входит в сонм Мастеров уральской матрицы.

Матрица сама порождает недостающие для канонизации компоненты. Для вхождения в число Мастеров святой Стефан Пермский слишком мало путешествовал. И, пренебрегая «Житием», народ сочиняет историю, что Стефан приплыл в село Бондюг по реке на камне. И теперь Стефан не только святой, но и Мастер.

В Бондюге Стефану ставят поклонный крест. В 20-х годах XX века крест снесли, а в 2007 году восстановили. И при этом тотчас засвидетельствовали чудо: на спиле бруса, из которого сделан крест, годовые кольца обрисовали фигуру Богоматери с младенцем.

Матрице для Мастера нужны чудеса. Их происхождение *матрицы* по-язычески безразлично. Но оно безразлично церкви, и потому чудеса уральских святых всегда не просто чудеса, а чудеса соперничества, доказывающие христианское превосходство над местным язычеством.

Происхождение уральского святого от Мастера всегда прочитывается в житийном сюжете. Безостановочно путешествуют и вечно гонимый Трифон Вятский, и Симеон Верхотурский. В этом движении они познают мир, как и положено Мастерам. Они трудятся: неистовый Трифон насаждает более суровый порядок монашеской жизни, а безмятежный Симеон просто шьет шубы слобожанам. Трифон и Симеон облегчают людям жизнь: яростный Трифон изгоняет воинственных инородцев, а добродушный Симеон просто не берет платы за свой труд.

Христианство вырвало у *матрицы* ее героев, потому что малолюден был Урал, не хватало своих подвижников. И языческие чудеса заменились чудесами православными.

Как для канонизации, так и для звания Мастера годятся далеко не все значимые персоны. *Матрица* чувствует это очень тонко. Например, Татищев.

Основатель Перми и Екатеринбурга не вошел в уральский пантеон. Видимо, слишком жесток он был к раскольникам и башкирам – носителям *матрицы*. И потому никак не удастся на Урале «протащить» Татищеву в миф.

Не повезло и Мамину-Сибиряку, который, как и Татищев, выполнил все условия *матрицы*. Кроме последнего – чуда. Мамин-Сибиряк оказался беден талантом, не было в нем этого чуда, а потому и *матрица* осталась глуха, сколько бы ни цитировали Мамина краеведы.

Зато уже в *матрице* фигуры Данилы Зверева и Павла Бажова. Им только еще не хватает патины времени. Будет стоять Урал – появится и патина. *Матрица* же никуда не делась. Где-то там, в недрах хребта, в глубинах сознания ее плавильная печь работает по-прежнему. И какого нового кузнеца она перекует в Гефеста, не знает никто.

Держава в державе

Даже не специалист догадается, что название села Орда отсылает к татарам. Но местные краеведы стеснительно говорят: возможно, село наше получило свое имя от страны Артании.

Орда расположена в Сылвенско-Иренском поречье. Артания славян X века лежала на Волге где-то в районе нынешнего Ростова Великого. Ни к Сылве, ни к Ирени ее и за уши не подтащить.

Более известна ситуация с другой мифической страной – Биармией. В Биармию на разбой ходили варяги – норманны, мурманы. Отождествить Биармию с Пермской землей догадался шведский вояка Страленберг.

После поражения под Полтавой он попал в русский плен, очутился на Урале и выдал идею, которая мгновенно превратилась в уральский миф. Хотя, если Биармия и могла найтись, то, скорее всего, в низовьях Северной Двины, где стоит Архангельск.

Впрочем, всем народам свойственно придумывать себе великих предков и легендарные страны, что существовали на их землях в незапамятной древности. Однако на Урале это свойство мышления внезапно обрело особенную живучесть.

История Урала словно река, струи которой то и дело завиваются в воронки. И рождаются «страны» вроде страны Вису или страны Югры. Будто бы в перенасыщенном растворе народов стихийно начинается процесс кристаллизации государств. Будто бы какие-то отдельные течения вдруг заворачиваются в кольцо, замыкаются на себя, изолируются от общего потока.

Удивительное свойство порождать внутри себя новые «страны» присуще Уралу и ментально, и исторически. То есть это свойство вмонтировано в *уральскую матрицу*. Едва отыскивается какое-то отличие – этническое, культурное, социальное, – как носители этого отличия тотчас выгораживаются из окружающего мира.

Так выгородились арии, что построили Страну Городов. Так выгородились булгары, которые не подселялись в местные городища, а возвели собственную «державу в державе»: города-фактории Ибыр, Сибыр, Афкул и Чулман. Но все-таки арии и булгары были пришельцами.

А на Урале отгораживались не только от чужаков, но и от своих соплеменников. Даже от тех, кто был «гарантом независимости». И этническая принадлежность «отщепенцев» не играла никакой роли. То есть это свойство породило Урал, а не ментальность этноса. Первыми это испытали русские.

В 1451 году на Колве было провозглашено княжество Пермь Великая – последнее удельное древнерусское княжество. Первым русским городом Урала стала его столица – Чердынь. Княжил здесь князь Михаил, сын князя Перми Вычегодской Ермолая. А Ермолай обрел свой северный престол под московским мечом.

Но Пермь Великая не считала себя колонией Москвы, или Новгорода, или Устюга, или Вятки. Под крыло московского орла Пермь Великую в 1472 году вернул воинский поход князя Федора Пестрого, да и то лишь тогда, когда Москва на реке Шелони разгромила Новгород. От греха подальше, в 1505 году Москва вообще упразднила княжество Пермь Великая.

Татары вели себя точно так же. От Золотой Орды «отложилось» Сибирское ханство. Хан Ахмет из династии тайбугинов в 1495 году убил хана Ибака и тем самым откололся от Восточного улуса Золотой Орды со столицей в Бухаре. Хан Он-Сон перенес столицу Сибирского ханства на Иртыш в Искер.

Только в 1563 году Бухара вернула Сибирь, когда хан Кучум убил сибирского хана Едигера: железной палкой переломил ему позвоночник и бросил живьем на съедение зверью. Кучумово ханство простояло 19 лет – до похода Ермака.

Но свято место пусто не бывает, и на руинах рухнувших держав поднялась новая – вотчина Строгановых. Она появи-

лась на Каме в 1558 году, когда Иван Грозный дал сыновьям своего любимца Аники Строганова Жалованную грамоту на земли в Приуралье.

У Строгановых было не просто землевладение, а именно внутренняя империя. Со своими законами, со своим войском, с правом крещения инородцев и с правом ведения внешней политики на востоке.

Выделяя Строгановых из общего «контекста», в 1610 году русская власть дала им небывалое звание – «именитые люди». Свод русских законов – Соборное Уложение 1649 года – перечислил наказания: за измену, за убийство, за воровство... и за то, что Строгановых назовут без отчества.

Такой же самодостаточной, изолированной структурой стала и «империя» Демидовых. Акинфий Демидов сперва вырвал свои заводы из-под власти Берг-коллегии, которой подчинялись все заводы Урала. А потом, в 1744 году, и свой род сделал подсудным только государю, а не закону. И на демидовских заводах воцарился свой порядок, не похожий на общероссийский, отдельный.

Убежденность в том, что демидовские владения – это держава в державе, до сих пор подпитывает легенду о мастерах, что в подвалах Невьянской башни чеканили деньги Демидовых. Акинфий Демидов испугался императорских ревизоров и открыл шлюзы тайного канала: затопил подвалы вместе с мастерами.

Может, этого преступления и не было, но легенда – уральское чудо *преображения на месте встречи* рода Демидовых и понятия «самостоятельное государство, у которого всегда есть своя валюта».

И, конечно, лучшим примером уральской державы в державе является держава горнозаводская. В ее организации и в ее судьбе проявились все матричные свойства Урала, в том числе и склонность порождать внутренние империи.

Советская эпоха стала временем возрождения *уральской матрицы*. От начала эпохи и до ее финала, а то и позже, по Уралу шел специфический «парад суверенитетов».

Самостоятельным государством всегда стремилась стать Башкирия. Бесконечные бунты XVII – XVIII веков – лучшее свидетельство неискоренимой жажды официальной самобытности.

Впервые она была удовлетворена (конечно, не полностью) лишь в 1917 году, когда на курултае в Оренбурге шууро (совет) объявил о создании республики Башкурдистан. В 1919 году Башкирское правительство заключило с Советской властью соглашение об учреждении Башкирской автономной республики (БАССР). Ее территория была расширена в 1922 году. А в 1992 году БАССР превратилась в республику Башкортостан.

В 1991 году, в разгар эпохи сепаратизма, в селе Малояз был открыт огромный музей Салавата Юлаева. Этот башкирский Тадж-Махал – памятник не пугачевскому атаману, а борцу за национальную независимость.

Немногим уступали башкирам и другие крупные этносы Урала. В 1921 году был создан первый в РСФСР автономный округ – Коми-Пермяцкий. В 1936 году появилась Коми АССР, ставшая ныне республикой Коми. В 1930 году на карте СССР появился Ханты-Мансийский национальный округ (с 1930 по 1940 год он назывался Остяко-Вогульским). В 1977 году он стал автономным, а в 1993 году вернул себе свое главное имя – Югра.

Но ревнивое самоопределение не означает сепаратизма или полной изоляции. (Так, например, Коми-Пермяцкий АО легко слился с Пермской областью в единый Пермский край). Скорее, это какое-то ментальное напоминание всем вокруг: у нас есть нечто свое, и если вы об этом забываете – вот вам в нос наша ксива.

С этносами все более-менее ясно. Этническая принадлежность и есть тот принцип, вокруг которого «окукливается» жизнь. Но в России, тем более на Урале, даже в национальных объединениях подавляющее большинство жителей – русские. Поэтому принцип не есть причина. Принцип может быть и вовсе не этническим. Может быть и экономическим. И политическим.

По политическому принципу в океане ГУЛАГа на Урале в 1972 году вдруг самоизолировались три зоны: «Пермь-35», «Пермь-36» и «Пермь-37». Один из островов «архипелага» вдруг превратился в «крепость». Причина – в контингенте.

В этих зонах держали «политических»: диссидентов, антисоветчиков, националистов, церковников. Конечно, этот жуткий «треугольник» мог появиться и в Сибири, и на Колыме. Но появился он на Урале. Пока политические зэки сидели в лагерях Мордовии, их лагеря существовали в советской пенитенциарной системе равноправно с прочими. Едва они переехали на Урал, как сразу «схлопнулись», будто космическая черная дыра, стали зоной в зоне.

На советском индустриальном Урале, и без того закрытом для иностранцев, такой же зоной в зоне выросла держава из пяти атомных городов (ЗАТО): в 1948 году Челябинск-40 (ныне Озёрск), в 1949 году Свердловск-45 (ныне Лесной), в 1950 году Свердловск-44 (ныне Новоуральск), в 1952 году Златоуст-36 (ныне Трёхгорный), в 1955 году Челябинск-70 (ныне Снежинск). В 1964 году страну городов-ЗАТО пополнил город Белоярский, где пустили в ход Белоярскую АЭС.

Атомное государство имело свои анклавов, например, закрытые полигоны в Тощке или в Чердынском крае. И, конечно, заводы: Ракетный центр в Миассе и Мотовилихинский завод в Перми.

В каждом конкретном случае для обособления были свои поводы. Роль уральской матрицы заключается в том, что эти поводы находились всегда, и всегда они выглядели очень убедительными.

Само наличие матрицы весь Урал подталкивает к обособлению от России. В 1993 году свердловский облсовет во главе с Эдуардом Росселем провозгласил Уральскую республику.

Матрица и в целом, и в частности работает по-прежнему. Там, где ее власть заканчивается, она упрямо проводит границы, обособляя себя и свою территорию среди прочего пространства иных смыслов.

Чужеземные историки и географы древности всегда подчеркивали странную самобытность жителей Урала. Греки писали о каких-то «козлоногах» и «псоглавцах», арабы – о «яджуджах и маджуджах». Даже библейских «Гога и Магог» примеряли на Урал.

Все это, конечно, здорово: самопознание, самоидентичность... Поэзия. Но по мышлению Урал прагматичен, как мясорубка, иначе он дал бы миру не меньше культурных феноменов, чем, к примеру, Италия.

Евреи искали Землю обетованную, а македонцы – край мира; бушевало Великое Переселение народов; Чингисхан рвался к Последнему морю; рыцари шли отбивать Гроб Господень, а конкистадоры мечтали об Эльдорадо. Русские не уступали миру в пассионарности: землепроходцы, раскольники, даже большевики с их бредом о мировой революции... А Урал стоял, как вкопанный. Пожалуй, только один раз уральцев занесло куда-то к черту на рога – угров в Венгрию; но и угров сорвали с места прошедшие мимо них гунны.

Уральцам незачем было мотаться по свету. Они обрели свой ресурс очень рано. И ландшафт позволял уральским социумам поделить ресурс и разграничить территории по естественным рубежам: по рекам и по горным хребтам, а разграничившись, мгновенно «оуклиться» какой-нибудь «страной». Или археологической культурой.

Конечно, случались междусобойные разборки, вроде войны угров и финнов в начале II тысячелетия нашей эры. Тогда была уничтожена неволинская археологическая культура, а предки вогулов-манси выбили предков коми-пермяков с Чусовой и Сылвы. Но такой передел не был пассионарным «выплеском». Археологические памятники хранят следы пожаров, а последние могилы выкопаны прямо на брошенных городищах. Это следы трагедии, а не романтического порыва за горизонт.

Какой ресурс обрели уральцы? В поиске ответа не придется шарить по всем углам. Этот ресурс – металлургия. Для нас она уже привычное дело, а в древности металлургия наверняка была уральским чудом *преображения*. Не случайно первыми металлургами стали шаманы.

Чудо преобразования и есть тот эксклюзивный ресурс, то ноу-хау, на основе которого какое-то сообщество – племя или народ – могло вдруг «окуклиться» собственной отдельной «страной». Пример – иткульская археологическая культура.

Иткульцы были народом-металлургом. Это их копи изрыли знаменитую Медную гору, указав русским месторождение медной руды и малахита. Иткульцы «сели» на медные поля и никуда с них не сдвигались. Они стали буфером между северными добытчиками пушнины и южными скотоводами. Но не смешались ни с теми, ни с другими, потому что замкнулись на территории, в недрах которой и лежал их ресурс.

Не подпускать чужаков к ресурсу – свойство архаического мышления. Идол тоже был ресурсом, ведь у него можно выпросить и дождь, и удачу. Поэтому идолы стояли на тайных святилищах, дорогу к которым знали только избранные. Только свои. Чужакам грозили смертью.

Христианам в христианской стране прятать храм немислимо. В язычестве также немислимо выставлять святилище на всеобщий доступ – страждущие выпотрошат бога своими просьбами. А чужаки и вовсе могут его спереть, как русские хотели спереть Золотую Бабу.

Народы-пришельцы, очутившиеся на Урале, быстро усваивали эту нехитрую мысль. И арии тоже замкнулись в Стране Городов, ведь у них было свое ноу-хау, свой эксклюзивный ресурс: колесницы и печи-колодцы.

Примерно в то же время, что и арии, севернее Страны Городов появились племена турбинской археологической культуры. Турбинцы шли ариям навстречу: с Байкала и Алтая. Их «эксклюзивом» были кони и бронза. Турбинцы замкнулись не хуже ариев: не смешавшись с местными, они пожили-пожили и ушли дальше – до Балтики.

Ресурс уральцев таился в недрах земли, а ландшафт помогал его сберечь. Потому уральцы и сидели на своих горах, как приколоченные. Разнообразии этносов помогло быстрее уяснить выгоды сепаратизма, и тяга к нему вошла в уральскую матрицу. А уж потом началась эволюция понимания ресурса и понимания сепаратизма.

Урал – земля неплодородная. На Урале пашни не прокормят большой народ. Потому актуальность ресурса была выше, чем где-либо. Если утратишь свой ресурс – медь это, пушнина или соль, не важно, – то грозит уже не прозябание, а вообще голодная смерть. А защитить свой ресурс можно только воинской силой.

И оформление собственных государств на Урале шло быстрее, чем в Сибири. Когда «на Камень» пришли русские, здесь уже были местные княжества. Правда, куда более архаичные и малолюдные. Тем не менее, они простояли под ударами русских дружин два века.

Разнообразие ресурсов и малолюдство оформили Урал как мозаику раннегосударственных образований, мозаику малых этносов. Выстоять против суперэтноса уральцы не могли.

С одним суперэтносом им повезло: конным монголо-татарам не глянулись непроезжие уральские леса, а потому Золотая Орда предпочла союзнические отношения, обязав уральцев платить дань – харадж. Но вот русский суперэтнос был пешим и речным. И он накрыл собою Урал со всей чересполосицей его народцев.

Под суперэтносом поменялось и понимание сепаратизма. Сепаратизм – это в первую очередь приватизация ресурса, а вовсе не государственный суверенитет. Приватизация ресурса и есть держава в державе.

Для нее нужно выстроить особые отношения с верховной властью суперэтноса – с Москвой и царем, с Петербургом и императором. Яснее уральцев это понимали сами пришельцы – русские. Они и оттеснили коренных уральцев.

Оттеснили, но не истребили. Оставили им наиболее трудоемкие сферы деятельности: охоту, добычу пушнины, оленеводство. Поневоле коренные уральцы на своей земле вдруг стали инородцами и очутились в глухих северных лесах.

С ресурсом ошиблись и башкиры. На практичном Урале они почему-то решили, что их главный ресурс – ислам. Видимо, сработала горячка неофитства. И на башкирские земли поползли горные заводы, а башкиры все дрались под зеленым знаменем, не понимая, что для суперэтноса недра важнее веры.

Храм (а в данном случае – мечеть) можно поставить и потом, сначала же надо заполучить землю. Об этом догадался первым только Муртаза Рахимов, за науку поклонившись Салавату «мавзолеем» в Малоязе.

Пермь Великая и Сибирское ханство оказались «государствами-ошибками». Они заполучили свой ресурс – пушнину. В средневековье пушнина была одной из мировых валют наравне с золотом, драгоценными камнями и специями. Но, овладев этим ресурсом под полой суперэтнуса, нельзя было строить отношения с суперэтносом как равный с равным.

Карман не может быть равнозначен всему тулупу, даже если денег в нем хватит на десять других тулупов. Для хозяина карман не имеет права быть зашитым. И хозяин не потерпел строптивости.

Совсем иначе повели себя Строгановы. Их кошель был открыт для любого русского царя. И Строгановы получили свободу рук, чтобы наполнять этот кошель. Со Строгановых начинается политика *невидимых ниток*, крепко связывающих уральские внутренние империи напрямую с главой государства – поверх всей прочей России.

Потому что земные богатства – это только полресурса. Целый ресурс – это земные богатства плюс милость государя. А милость государь оказывает тогда, когда это дешевле капиталовложений.

На рубеже XVI – XVII веков выявилась эта тенденция во всем объеме. Жалованными грамотами Ивана Грозного Строгановы обрели земли, сравнимые по площади с европейским государством. Зато Грозный избавился от расходов на войну с сибирскими татарами.

Ермак поклонился Сибирью именно царю, чтобы его поход стал легитимен, а с его воинов сняли опалу. Грозный легко оказал Ермаку эту милость, потому что она была «с предоплатой».

Борис Годунов объявил Бабиновскую дорогу государственной и сделал Артемия Бабинова ее главным «менеджером», и больше у него не болела голова за Сибирский тракт.

Даже Трифон Вятский кружил вокруг трона, пряча в каком-то из своих монастырей одного из Лжедмитриев, но его труды были напрасными. Он верно понял ресурс, догадался о необходимости царской милости, но вот ошибся с персонай государя. Потому и прогнали его с Вятки из собственной обители.

Та эпоха на Урале памятна еще и «ныробским узником». Борис Годунов сослал в деревушку Ныроб одного из своих конкурентов – боярина Михаила Романова. Стрельцы не желали караулить узника и сидеть в такой дыре, как Ныроб. Они перестали кормить пленника. Жители Ныроба тайком помогали боярину, пока их не поймали и не отправили на пытки. Михаил Романов умер от голода.

Когда же Романовы стали Царствующим Домом, они осыпали Ныроб милостями. С жителей сняли бремя налогов и даже доплачивали им, чтобы сберегали яму, где умер дядя царя и брат митрополита. Чтобы хранили его кандалы, которые прослыли чудотворными.

На романовские деньги был построен храмовый ансамбль. Его дивная Никольская церковь, возможно, самая красивая церковь на Урале – уральский храм Покрова-на-Нерли.

В помощи ныробских крестьян не было корысти, но вот в сохранении ямы был расчет. Расчет не подлый, потому что подвиг имел место, но все равно прагматичный. Подвиг милосердия стал ресурсом, на котором выросло благополучие Ныроба. И чудотворность кандалов здесь ни при чем.

К примеру, захоронения расстрелянного Николая II и его семьи никто особенно не искал, даже когда Екатеринбург почти год был под властью Колчака. Могил не искали, потому что они не стали бы ресурсом. Вместо могил по Уралу пошел призрак неумирающей Анастасии – одной из царевен.

Призрак ходил просто так, по исторической инерции, на всякий случай. Вдруг Романовы опять окажутся ресурсом? Они и оказались – в 90-е годы XX века. И тотчас призрак вернулся в могилу, а могила отыскалась на Старой Коптяковской дороге. Матрица сработала.

Отношение к царю на Урале всегда какое-то интимное и трепетное. Недаром же возникла традиция ставить памятные столбы «Европа – Азия» там, где какая-либо царская особа пересекла эту границу. Недаром после отмены крепостного права рабочие на свои деньги поставили государю два десятка монументов.

Эта особенность поразила Дмитрия Менделеева, который в 1899 году ехал в спецвагоне по уральским железным дорогам, чтобы понять, почему горные заводы не могут развернуться во всю мощь. Менделеев поражался и не замечал, что и сам он движется по колеям *матрицы*, ибо его экспедицию направили и финансировали правительство и государь.

Личному знакомству с Петром I своим взлетом обязаны Демидовы. Стали бы они уральскими магнатами, если бы Петр не подарил Никите Невьянский завод, а попросил Никиту просто поруководить им, так сказать, в качестве кризисного управляющего? Не стали бы. Потому что милость государя вне уральской экономики. Она в *уральской матрице*.

Не случайно совсем иначе сложились отношения Петра со Строгановыми. Петр ввел государственную монополию на торговлю солью. Черт дернул Петра взять в любовницы жену последнего «именитого человека» – всеми уважаемого собирателя рода Григория Строганова. Как-то неудобно получилось... И Петр посоветовал Григорию Дмитриевичу строить заводы, подобно Демидовым.

Григорий Дмитриевич послушался: первый завод – Таманский – был поставлен на Каме в 1722 году. Но совет остался советом – извинением перед рогоносцем и не превратился в милость. Без милости государя Строгановы так и не сравнялись с Демидовыми по размаху предприятий, хотя земли были собственными, а богатства хватало.

Горнозаводская держава тоже стояла на покровительстве царя, потому что горные генералы подчинялись не губернаторам и даже не своему министерству, а сразу Сенату и самодержцу.

Именно на Урале объявил себя Петром Федоровичем Пугачев, потому что нигде больше не поверили бы, что он царь. А на Урале поверили, потому что императорский трон одной ножкой стоял в *матрице*.

И Верхотурскому монастырю, чтобы стать жемчужиной, мало было одного ресурса в виде святого Симеона. Требовалась интимная, личная, без регламента связь с монархом. Такую связь обеспечил бывший послушник Григорий Распутин.

Ресурс Урал отыскивал себе сам – как месторождения меди или гроб Симеона, всплывший из земли на берегу Туры. Но вот построить на ресурсе державу в державе и зажить лучше соседей можно было только по милости Главного Начальника.

Индустриальная мощь и удаленность от границ – вот причины строительства на Урале атомных городов. Но жажда генсека обладать атомной бомбой стала вариантом царской милости, по которой города-ЗАТО превратились в процветающую державу в державе.

И пермские политзоны тоже должны были превратиться в отдельную страну, чтобы ресурс диссидентов и милость государя к их охранникам смогли реализоваться в блага повышенной зарплаты и карьерного роста для этих последних.

Чтобы *матрица* порождала свои державы в державе, всегда должна быть связь ресурса с государем. И ее всегда надо чувствовать не умом, а нюхом.

На Урале родился Борис Ельцин – какая же еще связь может быть роднее и крепче этой? Казалось, на таком ресурсе не будет проблем, чтобы выстроить Уральскую республику. Выстроить по образу и подобию *матрицы*.

Но ресурс и милость не могут совмещаться – получится политический гермафродит. Это невозможно, как невозможно подогреть обед, разводя огонь в котелке с кашей. И Ельцин не утвердил Уральскую республику. Его нюх и его понимание *матрицы* оказались тоньше.

Неволя под ружьем

На Урале Ермак – демиург, творец мира. Ермак – это наше всё, потому что он собрал в себе все смыслы и дал образ всех ответов на все вопросы. Завоеватель он или освободитель? Разбойник или герой? Наконец, он принес волю или принес неволю?

Масштаб личности Ермака еще и в том, что Ермак не был жертвой, хотя и лег на алтарь под нож. Ермак сам принял все решения не только за тех, кто был до него, но и за тех, кто придет после.

У гуманистичности есть размытая формулировка: «невозможно точно сказать...» Ермак опровергает и ее. Сказать точно возможно, потому что образ Ермака ясен, как день. *Уральская матрица* не терпит вопросов без ответов.

Вопрос о свободе, ключевой для европейской культуры, для русского героя Ермака не особенно значим: это вопрос технический. Свобода – это всего лишь поиск алтаря. А Урал и сам стоит посреди державы, будто алтарь. Только на этот алтарь нельзя валить человека неволей.

Урал смешал волю и неволю воедино, как металлы в сплаве. Рожденный волей Строгановых и Демидовых, русский Урал возведен на неволе своих мастеров, вбитых в землю, как сваи. Но ведь рядом свободная Сибирь, где можно укрыться от любого угнетателя. Однако уральцы оставались при заводах. Значит, выбор неволи – это выбор вольный. Значит, свобода – это ценность, а Урал, свое дело на Урале – сверхценность.

Для тех, кто в *матрице*, крепостное состояние – социальная неволя – было только одним из условий жизни. Неплохо было бы изменить это условие, но такое желание не превращалось в точку приложения всех сил. В пределах действия *матрицы*, то есть на географическом Урале, крепостной человек был достаточно свободен, а вне этих пределов он себя и видеть не желал.

Заводские мастера наследовали заводскую работу от отцов, дедов, прадедов. Конечно, объективно эта работа была

принуждением, неволей. Но субъективно она выглядела естественной и органичной, как рост или цвет глаз. Или даже как вера. От такого наследства невозможно было отказать, да кроме него ничего и не было.

Обретение воли порой оборачивалось трагедией. Вольному работнику заводчик должен был платить больше, чем крепостному, а потому вольных часто изгоняли с заводов. Мастер оказывался отлучен от дела. И он шел обратно в кабалу уже без принуждения.

Выход на волю на Урале для мастеров был чем-то вроде символа своей состоятельности, вроде яхты у миллионера, но никак не целью, ведь и миллионер не собирается становиться капитаном дальнего плавания.

Над теми, кто этого не понимал, *матрица* просто насмеялась. Тагильский мастер Климентий Ушков подрядился за свой счет построить канал до Черноисточинского пруда; плату он назначил Демидовым очень простую – вольную. Демидовы согласились. Мастер построил канал – «Ушковскую канаву». Демидовы дали ему вольную. А через год в России отменили крепостное право. И Ушков никуда не ушел из Тагила.

Крепостной рабочий жил не так уж и плохо. Конечно, не катался как сыр в масле, но и ложки не грыз. Завод сам выдавал работникам продукты и отводил участки земли, где трудились «заводские женки». Так в России появились огороды – русское спасение.

Получая вольную, мастер лишался и хлеба, и куска земли, и любимого дела. Поэтому песни о воле слагали крестьяне, солдаты, каторжники, но не рабочие. Дело на Урале было важнее и выгоднее свободы.

Мастер своего дела обретал благосостояние и относительную свободу даже в формате неволи. Крепостное положение позволяло заводским работникам жить так, как они хотели. Крепостные рудознатцы имели право бродить везде, где пожелают, без открепительного талона. Крепостные купцы не платили налогов. Крепостные промышленники заводили свои предприятия и прииски.

Случались курьезы вроде истории с кыштымским купцом Климом Косолаповым, который вместо себя много лет нанимал на завод батраков, а сам торговал. Но в 1822 году он разорился и был возвращен на завод, откуда написал начальству гневную жалобу, что работать не может, потому что «отвык».

Крепостной кричный мастер Григорий Зотов поднялся до управляющего Верх-Исетским горным округом, в то время крупнейшим на Урале. Зотов построил канал от Чусовой к Исети, завел на Каслинском заводе художественное литье, имел золотые прииски, в 1824 году принимал в своем доме императора Александра I. Никакой снисходительностью к собратьям по неволе Зотов не отличался, а потому через какое-то время «за зверство» был отправлен в тюрьму в Кексгольме.

Конечно, рабочие бунтовали. Против огромных норм выработки, против низких выплат, против условий труда. Бунтовали и против крепостной зависимости – как без этого? Бежали с заводов. Поджигали склады или засаживали в доменную печь «козла». Но не бунтовали против завода как такового.

Свобода означала только лишь угрозу уйти со своего завода, если справедливость на нем окажется попранной. Но уйти на другой завод, на пристань, на прииск, то есть на горнозаводское предприятие, остающееся, как и завод, в уральской матрице. А не на пашню, которая вне матрицы.

На Урале рабочие были прикованы именно к заводу, а не к его владельцу. Прикованы и крепостной зависимостью, и «божественной предназначенностью». Завод для рабочего почти всегда был своим, а заводчик – зачастую чужаком. Его и ненавидели.

На Шайтанских заводах владелец Ширяев лютовал и дурил. Люди работали у печей в кандалах и сидели в клетках, конторские служащие за мелкой бумажкой ходили в Петербург пешком. Такой беспредел спустили бы Демидовым, которые построили эти заводы.

Но братья Ширяевы получили заводы в обмен на свою сестру, выданную замуж за Демидова. И для Ефима Ширяева

все закончилось киллером. Заводчане практически наняли разбойника Золотого Атамана, который убил заводчика при всем честном народе.

В сознании рабочих не завод был угнетателем, а заводчик, который и сам владел заводом постольку-поскольку – посессионно. На заводчика можно было написать жалобу. Если его злодеяния действительно взывали к небу, горное начальство ограничивало власть людоеда или вообще изгоняло его с Урала. Приструнить удавалось даже частных.

Например, в 30-х годах XIX века заводчики Всеволожские довели свои предприятия до того, что зарплату рабочим пришлось выплачивать «кожаными деньгами». Рабочие пошли к горному генералу Глинке. Пожевской завод братьев Всеволожских был взят в опеку. Горное начальство из своего кармана рассчиталось с работниками за мотовство хозяина.

В пределах физического мира полная свобода – это свобода перемены *матрицы*. То есть, системы правил жизни. Переменить крестьянскую *матрицу* на рабочую. Или батрацкую на эксплуататорскую. Или русскую на американскую. А требование свободы внутри одной *матрицы*, одной системы, на самом деле означает требование справедливости – кто уж как ее для себя понимает.

В вульгарном сознании свобода и справедливость сплошь и рядом подменяют друг друга. Но когда человек требует свободы, хотя не желает менять *матрицу*, он требует справедливости. Поэтому на Урале все заводские бунты означали не то, что озвучивали.

Свобода от крепостной зависимости не означала свободу вообще, потому что и вольные, и подневольные рабочие оставались в одной общей *уральской матрице* и все равно подчинялись ее порядку. Бунтовщики Урала на свободу и не замахивались. Как пугачевские мятежники не замахивались на учреждение республики.

Именно пугачевщина и выявила *уральскую матрицу*. Пугачевщина состояла из многих течений: и башкирской

борьбы, и раскольничьей, и казачьей. Был и просто разбой, и просто месть. Однако была и матричная составляющая, когда крестьянская *матрица* пошла войной на рабочую – то есть уральскую.

Силами одних только рабочих заводы не могли обеспечить себя рудой и углем. Потому с самого начала XVIII века государство стало приписывать к заводам крестьян. Их брали из окрестных деревень.

Уральские земли неплодородны. Кормильцами горнозаводского Урала были кунгурские деревни и зауральские слободы. Отсюда крестьян и сгоняли на заводские работы – в качестве барщины. Крестьяне ломали руду, выжигали на уголь дрова, возили продукцию, строили. И все это вместо того, чтобы пахать и сеять на своих полях.

Крестьянам просто некогда было растить хлеб. Приписка к заводам ставила крестьян на грань голодной смерти. Первый бунт не заставил себя долго ждать. Он вспыхнул в 1703 году в Кунгуре. Повстанцы осадили бревенчатый кремль и обещали «убить до смерти» воевод.

Шквалы крестьянских мятежей качали дредноут *горнозаводской державы* все годы его плавания, пока власть сама не затопила дредноут.

Император Петр III своим указом отменил приписку крестьян к заводам. Крестьяне молились на Петра Федорыча. Но Петр III правил всего полгода, а потом во дворце в Ропше его убили братья Орловы, и на престол взошла Екатерина.

Она скопом отменила все указы бывшего императора, в том числе и указ об упразднении приписки. И едва Петр Федорыч воскрес, крестьяне двинулись под его знамена – под знамена Пугачева.

Горнозаводскую линию пугачевщины возглавил атаман Иван Белобородов. Он был родом из деревни Медянки на Ирени – одной из демидовских приписных деревень. Войско Белобородова сначала громило заводы по Сылве: Уинский, Ашاپский, Бымовский, Суксунский, Тисовский, Шаквинский, Сылвенский.

Потом Белобородов перешел на Чусовую. Его ставка была на Шайтанских заводах. Отсюда он планировал поход на

горную столицу – на Екатеринбург. Крестьянская *матрица* готовилась раздавить заводскую.

Пугачевщина охватила примерно половину уральских заводов. Очень многие заводы сами сдавались бунтовщикам. Рабочие были не прочь отомстить начальству и хозяевам, восстановить справедливость.

Но когда речь пошла о жизни и смерти, *уральская матрица* преобразилась. Теперь при виде мятежников заводчане выкатывали на плотины пушки. И война превратилась в гражданскую – рабочие против крестьян, *матрица* против *матрицы*.

Рабочие и крестьяне были социальными близнецами: все подневольные. Но между ними разверзлась ментальная пропасть – пропасть между *матрицами*. Драться друг с другом с такой яростью могли только свои, которые внезапно осознали, что в реальности они чужие.

Повстанцы Белобородова дважды штурмовали ледяные стены завода Старая Утка. Повстанцев сметали картечью. Пушечная канонада была столь сильна, что ядрами рабочие разнесли 49 собственных домов.

В третий раз крестьяне пошли на штурм по льду пруда, толкая перед собой возы с горящим сеном. В дымовой завесе они укрылись от артиллерийского огня и ворвались на плотину, где стояла заводская батарея. Порубили всех. Старая Утка пала.

Но неподалеку сумел выстоять завод Сысерть. Здесь догадались взорвать на пруду лед. Бунтовщики затащили пушки на Караульную гору и несколько дней бомбардировали завод. Заводчик Турчанинов под обстрелом гарцевал на коне.

Бунтовщики пошли на приступ. В рукопашной схватке заводчане отбросили их на Щелкунскую дорогу. Сысерть отбилась. За храбрость Екатерина даровала Турчанинову дворянство.

Прозрение рабочих не могло обойтись без санкции свыше. Кто-то должен был обеспечить легитимность противо-

стояния рабочих крестьянам. Эту роль взвалили на святых. И защитники Полевского и Северского заводов, что готовились дать отпор пугачевцам, получили одобрение авторитетов: увидели над Думной горой явление святого Николая и апостолов Петра и Павла.

В схватке с заводами деревни потерпели поражение. Это повторилось и потом, при сталинской индустриализации, которую проводили за счет коллективизации села.

Но пугачевская метель обмела кровавыми снегами и тем впервые выявила незримые стены *горнозаводской державы*, что стояла не просто на Урале, а в *уральской матрице*.

Пугачевщина, страх перед разрушением *уральской матрицы* восстановили матричные нормы неволи. Но бунт был не единственной угрозой горнозаводской державе. И даже не самой страшной. Самая страшная угроза зрела за морями – в Британии.

Для горных заводов пугачевщина стала в некотором смысле даже благом. Среди сожженных заводов было немало таких, что устарели, но власти никогда бы не раскошелились на модернизацию. А теперь заводчики выпросили гигантские ссуды на восстановление. Молёбский завод, близ которого на Сылве инопланетяне устроили ныне форменную вакханалию, построен Демидовыми как раз на эти субсидии.

И обновленный Урал вскоре вырвался в мировые лидеры металлургии. Завалил Европу своим железом так, что греческие купцы на английском железе подделывали уральское клеймо «старый соболь» – иначе не продать товар.

К концу XVIII века Англия вырубилась свои леса, а рек для прудов не хватало изначально. Английские заводы умирали. И тогда началась научно-техническая революция пара. В 1784 году инженер Уатт изобрел паровую машину. С ней английским железным заводам стали не нужны ни пруды, ни леса.

Паровые машины англичане строили из русского железа. В индустриальной войне русским железом Англия разбила Россию, как сто лет назад Россия в обычной войне разбила Швецию шведским железом. И с XIX века Урал начал сдавать позиции.

Заводчики не могли понять, на кой черт им паровые машины, если руды, лесов и рек у них немерено. Только вот железо, произведенное с помощью паровых машин, оказалось более дешевым.

Уральское железо перестали покупать – кому охота платить лишнее? Уральское железо тоже надо было удешевить.

Европой правил прогресс. Он и заставил сменить технологию: пруды на паровые машины. И железо стало стоить меньше. Уралом же правила матрица с ее культом совершенства. Как удешевить железо, исходя из культа совершенства?

Совершенствовать плотины и водобойные колеса дальше некуда. Можно совершенствовать лишь общественные отношения на заводах. То есть неволю. И с 1834 года начинается апофеоз *горнозаводской державы* – то, что получило название военно-заводской режим.

Это была полная милитаризация горнозаводской жизни. Горных инженеров приравнивали к офицерам. Подчинили жизнь новому Горному уставу. Ввели шпицрутены, гауптвахты, военно-полевой суд. На заводскую работу работников рекрутировали, как на службу. Обязали подчиняться безжалостной военной дисциплине с ее нарядами и пайками. Зато через 35 лет работы на заводе – по выслуге лет – стали давать вольную, как в армии.

Контора Гороблагодатских заводов, отказывая рабочим-просителям в какой-то гражданской просьбе, простодушно пояснила: «потому что рабочие суть солдаты».

На Урале из военно-заводского режима получилось что-то вроде горнозаводской аракчеевщины. Мамин-Сибиряк писал, что Урал, едва ли не самая дальняя от границ провинция, был военизирован, «как осажденная крепость».

Русский Урал начинался с войны – с походов и осад Перми Великой, со схватки Строгановых с Сибирским ханством, с Ермака. Вся русскую историю Урал оставался беспокойным краем: то вогулы, то ногайцы, то башкиры налетали на русские слободы.

Войска усмиряли бунты и ловили раскольников. В уральских урманах никогда не смолкала ружейная пальба и треск

солдатских барабанов. Первые заводы были построены последними воеводами. И сразу Урал препоясался линиями крепостей, что начались с Исетской линии от Екатеринбурга до Кунгура, а закончились Яицким казачьим войском и оренбургской полосой заграждения.

Крестьянские мятежи превращались в маленькие войны, вроде «Дубинщины», которая в 1762 году держала в осаде каменную крепость Далматовского монастыря. И, конечно, Пугачев. И, конечно, пушки.

Пушками до сих пор украшены мемориальные комплексы на старых заводах – в Сатке, в Каменске, в Мотовилихе, в Златоусте. Если, согласно культу совершенства, совершенствоваться уральский порядок до его логического финала, то завод превратится не в фирму, а в полк. Так и вышло.

Только милитаризация заводам не помогла. Дело-то было в машинах, а не в дисциплине. Урал проиграл. Канонада Севастопольской обороны показала, что в производстве оружия важна не строевая выправка горного офицера, а свобода решений горного инженера. Возможность инженера менять *матрицу* мышления. Менять прадедовские водобойные колеса и доменные печи на современные локомобили и конвертеры Бессемера. При новых вызовах *матрица* оказалась неспособна к адекватному ответу.

В 1861 году в России отменили крепостное право. Для заводов Урала это значило то, что *матрицу* отвергли. Неволя и милитаризация могли существовать лишь в крепостном бесправии.

Последней демонстрацией обесиленной мощи «матрицы» в 1864 году стала Пермская Царь-пушка. Мотовилихинский завод изрыгнул это стальное чудовище, которое не смогло утратить никакого врага, потому что не нашлось силы, чтобы дотащить орудие до границы.

Неволя и милитаризация – вот формула уральской промышленности на протяжении трех столетий. Исключением стали полвека между отменой крепостного права (и военно-заводского режима) и началом Первой мировой.

Что успел сделать Урал, оставив свою *матрицу*? В общем, почти все главное. Перешел на паровые машины и новые способы производства металла. Проложил железные дороги. Породил пролетариат (хотя и непохожий на европейский, но все равно пролетариат). Акционировал предприятия и привлек капитал. Дотянулся до угольных копей Кизела, Егоршино, Кузнецка. Построил 14 заводов нового типа. Изобрел электросварку. Отвоевал мировой рынок. Вошел в общероссийское правовое поле.

Но дальше начались война, революция, террор, хаос – *матрица* вновь вышла из подсознания, и все скатилось в ее наезженную колею. Советская власть восстановила *уральскую матрицу* в ее самых примитивных, грубых, вульгарных формах. Восстановила в промышленности неволю и милитаризацию. Потому что *матрица* является простейшей, природной, наиболее органичной и совершенной формой возрождения индустрии.

Все началось с трудовых армий 20-х годов, когда молодая Страна Советов принудительно мобилизовала людей на работы. На смену трудармиям быстро пришел ГУЛАГ не только с его эсками, но и со спецпереселенцами, которых было гораздо больше, чем эков.

Первым промышленным объектом ГУЛАГа в 1929 году стал Красновишерский целлюлозно-бумажный комбинат. Сюда на стройку завезли узников Соловецкого лагеря. Так и возник ГУЛАГ: соединение завода и тюрьмы. Страшное чудо *преображения*, сотворенное на Урале.

Неволя выстраивалась обратно с пугающей скоростью и слаженностью. Новая власть практически пренебрегла прежними заводами. Упор был сделан на суперкомбинаты.

Главным стала Магнитка. Из 72 тысяч ее строителей 12 тысяч были эсками, а 40 тысяч – спецпереселенцами. Магнитка вступала в строй поэтапно с 1931 года. И значимость Магнитки для Урала не в том, что здесь работали комсомольцы-добровольцы, а Свиридов написал музыкальную пьесу «Время, вперед!», чья мелодия стала саунд-треком программы «Время». Значимость Магнитки в том, что один этот комби-

нат давал столько же металла, сколько все остальные заводы Урала вместе взятые.

А потом гиганты пошли строем: Уралмаш, Уралвагонзавод, Челябинский тракторный, Коркинский разрез, Бакальский рудник, Соликамский и Березниковский комбинаты... Неволя плодоносила.

Не хватало милитаризации, так Урал получил ее во время Великой Отечественной. Милитаризация въедалась в сознание и подсознание. Не случайно для Урала культовым героем стал Уральский добровольческий танковый корпус. Городишки, где и заводов-то нету, ставили на постаменты «тридцатьчетверки».

Война давно прошла, но если по площадям уральских городов собрать все пушки, танки и «Катюши», можно вооружить целую армию. Дело не в памяти солдат той великой войны, а в том, что уральский менталитет – менталитет агрессивный и мобилизационный.

Война возродила *матрицу* до ее полного объема. Бесчисленные секретные, оборонные заводы привели к тому, что сам Урал стал закрытым для иностранцев, а на Урале появились атомные города, недоступные даже для большинства граждан страны. И символично, что главного вояку державы – маршала Жукова – сослали на Урал. Где еще он мог почувствовать себя в своей тарелке?

Урал с его ментальностью не боится конфликта, хоть ты тресни. Он готов идти на конфликт. Уралец Борис Ельцин вверх Россию в передел 90-х годов, а уралец Станислав Говорухин назвал это время «криминальной войной».

Массовый криминальный выплеск – это следствие неволи и милитаризации. Где в России бандюган просто так, от широты души стрелял из гранатомета по зданию областного парламента? В Екатеринбурге. Нечего и удивляться, что президент-екатеринбуржец не побоялся приказать танкам открыть огонь по российскому парламенту.

Слишком давно ни с кем толком не воевали, чтобы спустить пар милитаризации. Вот и передрались между собой. Если все время готовиться к войне, рано или поздно ее придется начать. «Шоу должно продолжаться».

«Дикое счастье»

Этот поселок переименовали в Ленинск и тем самым словно закрыли маской его дикое, фантастическое прошлое. А до революции поселок назывался Царёво-Александровским.

Император Александр I посетил его в 1824 году и даже соизволил немного подолбить землю кайлом, чтобы узнать, каково это. (Помнится, Екатерина Великая спрашивала у помещика: «Голод – это как? Живот болит или просто скушно?») Из-под императорского кайла вывалился золотой самородок весом в три кило. Государь был в восторге. Местное начальство тоже. Поселок переименовали в честь царя, а царское кайло выставили на всеобщее любование.

Конечно, государя обдурили. Самородок ему подсунули. В народе этот самородок так и прозвали – «подкидыш». Царь приехал на золотой прииск потому, что услышал о безумном богатстве местного месторождения, предсказанном британским геологом Джозефом Меджером.

Меджер оценил месторождение правильно. Долина реки Ташкутарганки, притока реки Миасса, оказалась первой в мире по концентрации золота. Оно лежало в земле полосой длиной в 8 километров, а шириной от 100 до 600 метров.

В 40-х годах XIX века на этой полосе работало 54 прииска. Они давали по 6 тонн золота в год. Здесь бушевала «золотая лихорадка» не хуже, а точнее, не лучше, чем на Клондайке. Те же тысячи старателей, самородки, тайные скупщики, убийства, взлеты и падения, карты, водка и ножи.

В Золотой Долине Миасса перерыли каждую пядь земли. К 1842 году нетронутой осталась только земля под золото-промывальной фабрикой. Фабрику тотчас снесли к чертям. И под ней 17-летний мастеровой Никифор Сюткин откопал гигантский самородок весом 36 кг.

Самородок прозвали «Большим треугольником». Сейчас он мерцает под бронестеклом Алмазного фонда России.

А Сюткина тоже облапошили: выплатили ему разве что сотую долю стоимости самородка. Но и это были огромные деньги. И парня завертело. Запил, забуянил, закуражился и закончил кандалами и публичной поркой.

А Урал не удивился. Урал уже знал, что случилось с парнем. Этому уже было название, которое потом Мамин-Сибиряк оттиснул на своем романе: «Дикое счастье».

Сначала бывал фарт – удача старателя. Самородок. Золотоносная жила или россыпь. Гнездо самоцветов. Потом приходило богатство. Иногда баснословное. А потом начиналось «дикое счастье», когда счастливец золотил сабли городовым, усыпал площади ассигнациями, мыл коней шампанским. В финале – в лучшем случае горькое похмелье. А то и петля, пуля в висок, сума нищего, каземат.

Екатеринбург славился своими купцами-миллионщиками, сделавшими капитал на сибирском и уральском золоте. В центре города на Вознесенской горке стоит настоящий Акрополь – усадьба промышленника Расторгуева. Его дочь Мария вышла замуж за промышленника Петра Харитонов. Свадьба изо дня в день бушевала целый год. Расторгуев успел умереть, а вот жениха через несколько лет заковали в кандалы «за покушение к лиходейству». Как он закончил жизнь – неизвестно. Дворец с парком и прудом опустел.

Богатство не давалось даром. Свои миллионы промышленники наживали каторжной работой, напряжением всех сил, талантом и сметкой. В надежде на фарт люди переворачивали горы. Золото было щедро оплачено трудом, хотя и не всякий труд вознаграждался золотом. Но искатель счастья был готов приложить – и прилагал титанические усилия. Если везло, начинался фарт. И за поворотом уже ждала вакханалия «дикого счастья», когда все, что обретено, пускается в распыл, по ветру, на причуды во всю ширь души и фантазии.

В селе Косой Брод на Чусовой старатель Василий Хмелинин нашел самородок «Лошадиная голова». Два года Хмелинин провел в кабаках, спустил все нажитое, до смерти спойл любимую жену. А потом вновь взял лопату и лоток старателя. Но фарта больше не было.

Старика Хмелинина прозвали «дедушка Слышко» за любимое присловье: «Слыш-ко, братец». Дедушка Слышко сидел в сторожке на вершине Думной горы возле Полевского завода и оглядывал горизонты. Если видел пожар, бил в колокол. А вокруг старика толклась заводская ребятня.

Старик развлекал детишек сказками: про Великого Полоза, про Огневушку-Поскакушку, про Каменный Цветок и Хозяйку Медной горы, про оленя Серебряное Копытце... Среди той ребятни был мальчик Павлик Бажов.

Фарт и «дикое счастье» распространялись не только на добытчиков золота, платины и самоцветов. Распространялись на всех. И на все времена. Нельзя сужать «дикое счастье» – оно не только для старателей. Просто золото всегда на виду.

Волшебный фарт выпал Никите Демидову – даром получить от царя целый завод! Сын Акинфий трудился на Урале как каторжный и оставил своему наследнику уже 15 заводов. Внук Никита тоже не упустил фарта.

А вот дальше род Демидовых сорвался и закружил в «диком счастье». Проигрывали в карты, строили дворцы, покупали бриллианты...

В целом Демидовы на Урале в разное время владели 55 заводами. Но те, кто тащит Демидовых в уральские святцы, не вспоминают, что большевики на Урале не отняли у Демидовых ничего. К 1917 году Демидовы продали все сами. Продали просто подчистую. Шаром покати. «Дикое счастье» развеяло их капиталы.

Конечно, не всякий фарт вел к «дикому счастью». Вечным укором Демидовым были Строгановы. Ведь оба этих рода очень похожи. И Строгановы, и Демидовы поднялись милостями деспотичных государей – Ивана Грозного и Петра I. Оба рода развивали горнозаводскую промышленность: солеварение – Строгановы, черную металлургию – Демидовы. Оба рода достигли предельных высот: стали графами и князьями, браками породнились с Царствующим Домом (и друг с другом). Но, если взглядеться внимательнее, какая обнаружится разница!

Заводовладение Демидовых не представляло единого семейного комплекса. Все ветви рода были по отдельности. Когда в 1731 году Василий Демидов пожелал построить Шайтанский завод, за деньгами он обратился к дядюшке – легендарному Акинфию. Василий намекнул ему, что ведь его отец – брат Акинфия, и получил блистательную отповедь: «Моему карману брата нет!»

Сын Акинфия Прокофий долго судился с братьями, отсудил Невьянские заводы, родовое гнездо, и, вопреки завещанию батюшки, продал их чужаку – Савве Яковлеву. А брат Акинфия, Григорий, был убит собственным сыном Иваном, который боялся, что Григорий все заводы завещает не ему, а его сестре.

Строгановы вели себя противоположным образом. В середине XVIII века они начали терять родовые вотчины, которые уходили в качестве приданого. И в 1817 году Павел Строганов оформил майорат – институт неделимости владений. Отделить можно было ренту, дивиденды, а не землю и заводы. Так в XVI веке завещал еще Аника Строганов: «Родовые владения остаются в роду!»

Но и с уже отделенными заводами строгановские заводы работали в кооперации. Благодаря Строгановым, на Урале сложился сиятельный альянс из благородных семейств Шаховских, Голицыных, Всеволожских, Лазаревых, Шуваловых. В строгановском Усолье особняки Строгановых, Лазаревых и Голицыных стоят бок о бок.

Но Уралу важнее было даже не это. Демидовы не владели землей, а владели – посессионно – только заводами. Поэтому они первыми сформулировали и реализовали принцип «срывания вершков». Это когда при свеженьком месторождении быстро возводится завод и снимаются сливки. А потом завод со всеми появившимися проблемами продается, кому получится, и история повторяется на новом, нетронутым месте.

Такой способ хозяйствования называется экстенсивным, количественным. И 55 демидовских заводов – это только количество, не перешедшее в качество.

А строгановские заводы вырастали на строгановских землях. И землю продать никто не мог. Поэтому Строгановы

заботились, чтобы заводы работали, не закрывались. Кончалась медная руда – переходили на железную. Дорожало железо – совершенствовались доменные печи. Не могли угнаться за техническим прогрессом – изменяли социальные отношения на заводе.

И первая в России фирма возникла у Строгановых в 1864 году. Ею стал завод Кын, который после отмены крепостного права закрылся бы как нерентабельный. Но, став фирмой, он проработал еще 47 лет.

Фарт навязал Демидовым дикий, хищнический способ хозяйствования. А при нем заводской человек для Демидовых стал никем. Или же вором, разбойником, которого надо устрашать плетью. «Много в них лукавства и пронырства живет», – говорил о своих рабочих Акинфий. «Всех вас как раков раздавлю!» – писал своему управляющему Никита Никитич Демидов.

С такими хозяевами рабочему приходилось думать о себе самому. И ковался новый человеческий тип: активный в поиске знаний и благ, ищущий удачи здесь и сейчас, готовый принять насилие над собой и применить его к другому. Человек такого типа при фарте сразу срывался в круговерть «дикого счастья».

И совсем иными получались люди из вотчин Строгановых. Строгановы были внимательными патерналистами. Заводили школы и больницы, отправляли одаренных детей учиться в столичные и заграничные заведения. За благочестивую жизнь награждали своих работников медалями. Уже в XVIII веке Строгановы ввели на своих заводах пенсии по старости или увечью. В синодике строгановской церкви в Орле-городке на помин души крестьяне записывали своих родственников рядом с господами: для Бога все были равны.

Строгановский порядок вырабатывал другой тип личности. Эти люди могли сберечь и обустроить землю, но не смогли бы завоевать ее. Смогли бы устоять против «дикого счастья», но не смогли бы вырвать у судьбы фарт.

Строгановы и Демидовы – только самый яркий пример удивительной двойственности Урала. На Урале по гребню хребта

словно бы поставлено зеркало, и чуть ли не все явления существуют в двух экземплярах. Словно в двух ипостасях.

Екатеринбург и Пермь – исторические близнецы, основанные одним и тем же деятелем – Василием Татищевым. Екатеринбург отличается от Перми тем же, чем и памятник Татищеву в Екатеринбурге отличается от памятника в Перми. Екатеринбургский Татищев – вельможный, барочный, как и генерал де Геннин. А пермский похож на Медного всадника, из-под которого ускакала лошадь.

На пермском Урале, западном, живет народ коми. На екатеринбургском Урале, восточном, – народ манси. На западе – святой Трифон Вятский, на востоке – святой Симеон Верхотурский. На западе – падающая Соборная колокольня в Соликамске, на востоке – падающая башня в Невьянске.

Торговый Кунгур и торговый Ирбит. Культовая Чердынь и культовое Верхотурье. Пожевские пароходы и тагильские паровозы. Монетный двор в Екатеринбурге и монетный двор в Аннинске. Губернатор Огарёв и горный начальник Глинка. Пермские пушки и екатеринбургская броня. Более-менее точные подобию найдутся почти всему.

Можно оспаривать эту странную закономерность и называть местные уникальности, которым нет аналогов за хребтом. Или апеллировать к тому, что религия, этнография, торговля и металлургия не могут иметь общих культурологических свойств. Но интерпретировать – плодотворнее.

И в таком случае двойственность Урала будет означать, что *уральская матрица* – это нечто вроде спектра, диапазона, а близнечные противоположности – края спектра, границы диапазона.

Например, Строгановы и Демидовы – самые яркие воплощения двух типов хозяйствования: патерналистского и фартового. И любой другой уральский промышленник находится в этом спектре ближе к одному или к другому его краю.

Строгановым «не повезло». Вне Урала вообще мало кто ассоциирует их с Уралом. Даже на Урале строгановским солеварням почему-то отказывают в праве числиться среди предприятий «горнозаводской державы». Хотя в этой державе не

только горные заводы, но и рудники, прииски, лесосеки, пристани, курени, гранильные фабрики. И среди шести горных городов, учрежденных в 1834 году, был город Дедюхин, ныне затопленный Камским водохранилищем, – город солеварен.

В советское время Строгановых упоминали как абстрактных вельмож, зато Демидовых гвоздили конкретно за Урал. А в постсоветское время Демидовых отмыли и потащили на постамент.

Объяснить это можно тем, что ни в советское, ни в постсоветское время строгановские принципы хозяйствования не были актуальны. А демидовские были. Весь XX век на Урале – сплошная и тотальная «демидовщина».

Легендарная Магнитка – фарт советской эпохи. А Уралмаш, завод заводов, вдруг ставший бизнесом частного человека, – фарт современности.

Свобода – это возможность перемены *матрицы*, а «дикое счастье» – свобода вообще от любой *матрицы*. Мечтать о таком фарте может лишь тот, кто совсем не имеет свободы, кто задавлен неволей, нищетой, работой. Кому надо оторваться (очень удачное жаргонное словечко). Россия никогда не испытывала недостатка в подобных бунтарях. А Урал тем более.

«Дикое счастье» легко сочетается с криминалом, с уголовщиной, ведь оно само – забвение всех законов и правил. И «дикое счастье» логично выводится из *уральской матрицы*. Но корни его не только в «неволе под ружьем».

Корни «дикого счастья» в маргинальности, провинциальности самой *уральской матрицы*. Уральское чудо *преображения* творится только из того, что привнесено извне, ведь Урал – это *место встречи*.

Получается, что значимо и дорого только то, что извне. Говоря по-бандитски, то, что чужое. Присвоить чужое силой – беспредел. Но, став своим, оно дешевет. Значит, его не жалко разбазарить. А это – «дикое счастье».

«Диким счастьем» стали 90-е годы – время свободы от *матрицы*, время «великой криминальной революции». Но говорить о том, что криминальный взрыв 90-х был следствием советского тоталитаризма, то есть неволи, не совсем верно.

Криминальная революция выводится из советского тоталитаризма через промежуточный этап – через внедрение маргинальных ценностей. После отмены крепостного права в 1861 году не было никакого криминального взрыва, хотя было все остальное: банкротства, безработица, растерянность. Но в сознание народа крепостники не вбивали маргинальных ценностей, вот потому народ потихоньку сориентировался и начал работать, а не взял кистень и не пошел на большак.

Маргинальные ценности – это ценности рабов. Советская система исподволь внушала их трудовым людям. Внушала, когда окружала и замещала свободных рабами. Когда потихоньку закабалила и стирала границу между волей и неволей.

С самого начала советской эпохи Урал становится зоной ссылки, а потом и каторги. В 20-х годах на Урале работали трудармейцы, мобилизованные на работу как на армейскую службу. В 1930 году появился ГУЛАГ и закрыл своей тенью весь Урал. В девяти свердловских лагерях, в пяти пермских и в трех челябинских было сосредоточено около миллиона человек – столько же, сколько на Урале имелось своих работников.

А ведь были еще спецпереселенцы. И депортированные народы. И военнопленные. Рабы «транслировали» и навязывали вольным свои ценности. Такого напора не выдержит ни один народ – и пропитается чужими ценностями, примет их за свои.

Эти ценности и отформатировали 90-е годы, когда власть объявила: «Тоталитаризм окончился. Всем спасибо!» И наступила свобода от *матрицы* – «дикое счастье». Его криминальный вариант – беспредел. И уралмашевские беспределы вошли в историю России наравне с солнцевскими.

Хотя одних только маргинальных ценностей для «великой криминальной революции» мало. Еще нужна демидовщина, то есть возведение маргинальных ценностей на уровень политики.

И весь XX век государство кренило *уральскую матрицу* на сторону демидовских принципов и образцов, то есть приучало жить в надежде на фарт. На залежи руды, угля, нефти. А где надеются на фарт, туда вместе с фартом придет «дикое счастье».

Экстенсивная промышленность СССР, которая эксплуатировала богатства недр, а не технологии, – это фарт государства, которое вдруг по-демидовски хапнуло все недра и заводы. Рабство бесчисленных зэков – фарт государства, которое вдруг по-демидовски хапнуло целую армию бесплатных рабов – от дремучего крестьянина до академика.

Государство было словно пьяным от «дикого счастья», пока не растрясло своих богатств, как растряс их род Демидовых. Но пока государство трясло богатствами, в подсознание народа въедалась отравка: вот так и надо жить.

Оставалось только придумать механизм Великого Хапка. «Дикое счастье» и здесь давало подсказку: приватизация.

В 1702 году Петр I подарил Никите Демидову Невьянский завод. Готовый, целый, работающий казенный завод. Это, в общем, и есть приватизация.

Фарт Демидовых не мог оставить равнодушными тех, кто хотел пожить. Их время пришло в эпоху бироновщины. С подсказки фаворита, герцога Эрнста Иоганна Бирона, императрица Анна Иоанновна в 1736 году щедро приписала крестьян к казенным горным заводам, а потом объявила приватизацию этих заводов.

Бирон успел спустить 18 предприятий. Лучшие заводы попали в руки его партнера барона Курта фон Шемберга. В том числе и недавно построенный Кушвинский завод при богатейшей горе Благодать – самый мощный казенный завод России.

«Дикое счастье» длилось недолго. Анна Иоанновна умерла. Бурхард Миних, фаворит новой императрицы Анны Леопольдовны, сверг Бирона и отправил в ссылку на северный Урал – в Пелым. Миних не собирался менять политику, но и сам был вскоре тоже низвержен – и тоже отправился в ссылку, и тоже в Пелым, откуда ему навстречу в Россию ехал освобожденный Бирон. В отличие от Бирона, Миних прожил в Пелыме 20 лет. И «дикое счастье», и тюрьма всегда связаны одной веревочкой.

А Курт Шемберг, разорив заводы, похитил 400 тысяч из казны и бежал за границу. Так закончилась вторая приватизация.

Но не последняя. Третья началась в 1754 году при императрице Елизавете. Желающие хапнуть больше не стеснялись. К раздаче в частные руки приговорили все – все! – заводы Урала, кроме двух: Екатеринбургского и Каменского. Приговорили – и раздали.

В то время заводчиками и заделались графы Воронцов и Ягужинский, генералы Гурьев и Глебов. По той приватизации Полевской завод с Хозяйкой Медной горы достался безродному соликамскому промышленнику Алексею Турчанинову.

Турчанинов – исключение из общего ряда. А правилом была история вроде истории графа Шувалова. За 179 тысяч он выкупил у казны Гороблагодатский округ (с Кушвинским заводом), разорил его и за долги был вынужден вернуть в казну, а точнее продать государству, но уже за 680 тысяч.

Неудачливые владельцы не оставались в накладе. Казна обратно выплачивала им деньги за заводы, но теперь уже «по рыночной стоимости». Или же заводы покупали промышленники со способностями – вроде Саввы Яковлева, у которого из 22 заводов 12 были бывшими приватизированными.

Это для старателя, для бородатого купца понятие «фарт» означало найти золотой самородок. Деятели государственного масштаба составляли себе капитал, не касаясь земли. Для них понятие «фарт» означало «приватизация».

Борис Ельцин, первый президент России, вряд ли знал историю Урала. Но он был уральцем до мозга костей. Он родился в маленьком поселке Бутка Свердловской области, учился в школе в городе Березники Пермской области (в этом городе родился и Станислав Говорухин), высшее образование получил в Уральском политехническом институте, партийную карьеру сделал в Свердловске, где и стал секретарем обкома.

Ельцин не вылезал за географические пределы уральской матрицы. Думал он об Урале или не думал, он все равно вырос в уральской системе ценностей, в уральской ментальности. Разумеется, скособоченной на демидовщину.

Путь к президентству был очень непрост. Чтобы добиться этого титанического результата, надо было приложить

титанические усилия. Но что может ждать уральца там, наверху, на плодах форта? «Дикое счастье». И Ельцин обрушил в него всю страну, потому что в эпоху «великой криминальной революции» Россия вела себя, как загулявший купец-миллионщик.

Если судить уж совсем по-крупному, то Ельцин, безусловно, желал России добра. Счастья. Но каков образ счастья в ментальности уральца? Не в уме – в ментальности. Потому что если делать по уму, то все получится, как задумано, а если делать по ментальности, то все получится, как всегда. По ментальности – это как в советском анекдоте: «Наворовал я на работе детали, чтобы швейную машинку собрать, да все у меня пулемет выходит».

Образ счастья для уральца – это сперва форт. Фортом для России стала приватизация. А вслед за фортом в ментальности уральца идет «дикое счастье». Им для России стали малиновые пиджаки и беспредел – «великая криминальная революция».

Эпоха Ельцина всю Россию запихала в *уральскую матрицу*. Но *матрица* эта годится только для Урала. Она не плохая и не хорошая. Она такая, какая есть. Каждый должен выбирать для себя сам: подходит она ему или нет. И не надо никого и ничего силком заталкивать в нее внутрь или выталкивать из нее наружу.

Практика счастья всегда очень много говорит о *матрице*, в которой и формируются представления о счастье. Но «дикое счастье» в народе воспринималось и воспринимается одновременно и с завистью, и с неодобрением. Как-то изначально ясно, что «дикое счастье» – вовсе и не счастье. Просто истерика на том месте, где должно быть счастье.

Потому что в *уральской матрице* отдельного счастья нет. *Уральская матрица* завершена и совершенна. Уральское счастье – это находиться в *матрице*, в ее обыденности и повседневности. Просто жить здесь по тем правилам, которые органичны, и так, как выпало по судьбе. Быть здесь нужным и востребованным. Двигаться вверх, не отрываясь от земли. В горах это возможно. Даже в невысоких.

Приложение

«Горное уложение»

Еще до разгрома краеведческого движения в СССР, еще до рождения заводов-гигантов, в 20-х годах XX века, профессор Пермского университета Павел Богословский, историк, этнограф и филолог, произнес это почти магическое словосочетание: *горнозаводская цивилизация*. Оно и звучит-то как изысканная стихотворная строчка – с повторением ритма и аллитерацией. Эти слова и эту мысль историки Урала негромко и упрямо повторяют уже 80 лет.

Профессор Богословский в первую очередь смотрел на структуру селений. Все древнегреческие города похожи: выстроены по линии акрополь – гавань. Похожи все древнеримские города: шахматные доски улиц военного лагеря. Похожи древнерусские города: словно срез пня, где в сердцевине кремль, а вокруг кольца посада, земляного города и слобод. Повторение структуры селения свидетельствует о наличии самобытной цивилизации: Эллады, Рима, Руси.

Но и уральские селения-заводы тоже похожи друг на друга: пруд и плотина, завод и поселок, церковь и пристань. Одна и та же схема повторяется и в огромном Екатеринбурге, и в вымирающем Бисере. И все это – на Урале. Единство времени, места и образа – разве не свидетельство цивилизации?

Из каких компонентов складывается цивилизация?

Общий характер хозяйства – раз. Общие законы существования – два. Общая судьба – три. Общая ментальность – четыре. Общая культура – пять. Комплекс уральских селений-заводов полностью удовлетворяет этим требованиям.

Горная промышленность – первому. Горные Уставы – второму. История горных заводов – третьему. *Уральская матрица* – четвертому. Ну, а местная культура базой своей имела русскую культуру, только специфически измененную финно-угорским язычеством и промышленным характером деятельности населения. Уральские пельмени никто не спутает с московскими пирожками, каглинское литье – с дымковской игрушкой, а сказы Бажова – с русскими народными сказками.

Однако остановимся на законах *горнозаводской державы*. Практика практикой, а быт бытом. Но лишь законы – главное юридическое свидетельство своеобразия жизнеустройства. Не менее значимое, чем облик селения и труд населения.

Многочисленные уральские державы в державе собственными законами особенно-то не заботились. Чаще всего уральская держава была уменьшенной копией вмещающей державы (так и хочется привести сравнение: по принципу карцера в зоне). Пермь Великая – княжество в княжестве. Сибирское государство Кучума – улус в улусе. И так далее. Башкурдистан – советская республика в советской республике. Атомные города (ЗАТО) – «шарашка» в лагере. «Пермский треугольник» политзон – ГУЛАГ в ГУЛАГе. Уральская республика губернатора Росселя – Россия в России.

Но бывали и другие расклады. Иногда уральская держава строилась не на законах вмещающей державы, а на личных предпочтениях уральского хозяина. Например, на предпочтениях Строгановых и предпочтениях Демидовых. Или же на Урале хотели основать государство чуждого России типа: ханство Сары Мергена и правнуков Кучума или эмират Карасакала.

И только держава горных заводов по внутреннему устройству оказалась уникальной. Она не копировала устройство России, не копировала устройство какого-либо иноземного царства-государства (пусть и называли, к примеру, Златоуст «русским Бирмингемом»). Горнозаводское государство было полностью самостоятельным и самобытным.

С ним может сравниться разве что Страна Городов древних ариев, но у ариев не имелось вмещающего государственного «контекста». А у горнозаводской державы этот вмещающий «контекст» имелся – собственно Российская империя. Поэтому о законах уральского мира (точнее, одного из его вариантов) интереснее всего говорить на примере горнозаводской державы.

Она, горнозаводская держава, и сформировалась-то, в общем, апофатически, то есть «отрицая имеющееся», от противного. Первым сводом законов стала Берг-привилегия,

то есть список разрешенных нарушений общероссийских законов. А вскоре появилась и собственная «Конституция». Ее составляли и уральские горные генералы, и столичные чиновники. Она называлась во всякое время по-разному: Горный Устав, Горное Уложение, Правила Горного начальника заводов Хребта Уральского и так далее.

И в Горном Уставе, Горном Уложении в полном наличии были все уровни законодательства: не только Конституция, но и законы, подзаконные акты, указы и распоряжения.

Имелось свое правительство: Обер-бергамт, Канцелярия Главного заводов Правления, Генерал-берг-директориум и так далее. Из столицы – Екатеринбурга – волю горной власти во все концы горнозаводской державы доносили фельдъегери и зачитывали гербовые бумаги на заводских площадях рабочему люду.

А рабочий люд порой бунтовал – именно против горнозаводских законов, а не против общероссийских. Так, в 1703 году крестьяне требовали от кунгурского кремля отменить приписку к заводам частного Демидова, а в 1841 году углежог Ревды рядами маршировали с кольями в руках перед полковником Порозовым, требуя уравнивать их трудовые нормы с казенными. И там, и там дело закончилось пушками. Горное государство само давило бунты своих холопов, не спрашивая дозволение столицы.

На каких принципах существовало горное государство?

Первый, краеугольный принцип – крепостное право. Этот принцип был так важен, что государство горных заводов просуществовало ровно до 1861 года, до отмены крепости. Всех подданных российского государя-императора уравнивали в правах, и сразу горнозаводской державе пришел конец. В 1864 году академик Владимир Безобразов, посетив Урал, так и огласил: «Горное ведомство как особый административный мир, который был назван горным государством, более не существует».

Но и крепостное право на Урале имело свои черты – черты «неволи под ружьем». Рабочие были прикреплены не к заводчику, а к заводу. (Все равно как если бы крепостной крестьянин принадлежал не помещику, а сохе). Афера Чичикова на Урале не прокатилась бы.

Существовали нормы: на каждую доменную печь – 50 крепостных рабочих, на каждые 10 пудов выплавленной меди – 1 рабочий. И заводчик был обязан кормить своих рабочих (а помещик не заботился, чего крестьяне едят). Апофеозом этой системы отношений стало время военно-заводского режима.

С другой стороны, зависимость от дела, а не от господина порождала у рабочих и свободы, немыслимые для крестьян. Рабочий числился при заводе и представлял собою одну абстрактную силу – вроде лошадиной силы. Вместо себя рабочий мог поставить батрака, а сам был волен заниматься, чем ему угодно, но в поле зрения завода, разумеется. Мог, например, торговать. Или даже завести свое предприятие. Скажем, продавать заводу уголь или руду.

А еще рабочий получал зарплату. Об этом уже в 1719 году побеспокоилась петровская Берг-привилегия: «Мастеровые люди, которые подлинно в дело произведутся, не токмо от поборов денежных и солдатской и матрозской службы освобождаются, но и в определенные времена за их работу исправную плату получать будут». Правда, зарплату часто выдавали продуктами.

И тем не менее рабочий мог скопить денег и выйти на волю. Крестьянин собирал копейки, продавая свой продукт на сторону, а рабочий продавал свой продукт хозяину своего завода, на котором этот продукт и производил. Между хозяином и рабочим были не только товарные, но и денежные отношения. Их тоже регулировал горный закон.

Благодаря своим навыкам рабочий мог подняться вверх на «социальном лифте» и стать мастером, управляющим заводом, а то и заводчиком, как раскольник Григорий Зотов. И это укрепляло в рабочей среде культ знаний.

Первые горные начальники Урала сразу же уловили эту тонкость и поняли, что ей нужен реальный эквивалент. Российские рубли не годились: их до Урала доходило мало, на них было слишком много охотников, за их тратой чересчур въедливо следили узколюбые чиновники, не понимавшие связи труда и капитала. И уже генерал де Геннин попробовал ввести в горнозаводской державе собственную валюту – медные платы. Но Петербург не позволил. Такого

суверенитета для горнозаводской державы столица допустить не могла.

Помещику деньги были нужны только на то, чтобы тратить их в столице и где-нибудь на Карлсбадских водах. А заводчику деньги были нужны не только на выезды, стос и бриллианты, но и на машины, на инженеров и на хлеб. Заводчику было дешевле покупать хлеб, чем растить, и поэтому даже те крестьянские деревни, что были приписаны к заводам, насильно отлучались от крестьянского труда. Приписные крестьяне работали для нужд завода в рудниках, на лесных куревищах, на санных обозах, на плотбищах и на железных караванах.

Крестьянину некогда было растить хлеб даже для того, чтобы кормить рабочих. Поэтому уральский рабочий кормился не от уральского крестьянина, а от уральского хозяина плюс свой огород. А вот крестьянину оставалось только сосать лапу, потому что кормить себя ему тоже было некогда. Отказ от приписных работ считался преступлением, и ему было особое название – «огурство».

Но крестьяне были не медведи, сосать лапу не умели и бунтовали против заводов, против приписки. Ненавистную приписку отменил император Петр III. А братья Орловы «отменили» императора, и Екатерина отменила все указы покойного супруга. И когда на Таловом умёте в уральских степях вьюжной ночью воскрес Петр Федорыч – Пугачев, крестьяне поднялись за него стеной.

Наверное, не очень понимая сути сказанного, Есенин в поэме «Пугачев» сочинял монолог Хлопуши: «Знаю я, за Сакмарой рабочие для помещиков пушки льют. Там найдется и порох, и ядра, и наводчиков зоркая рать, только надо сейчас же, не откладывая, всех крестьян в том краю взбунтовать». Пушки льют рабочие – а взбунтовать Хлопуша предлагает крестьян. Вот и гражданская война.

Башкиры оказались примерно в том же положении, что и русские крестьяне. Заводы не нуждались в плодах исконного труда башкир и крестьян. Башкирские табуны не были нужны заводам, потому что рабочие сами выращивали скотину –

коров, лошадей, овец, коз, свиней (Данила-мастер начинал свою жизнь пастушком). И хлеб уральских крестьян заводам тоже не был нужен, потому что на неплодородных уральских полях его собирали мало. Экономичнее купить хлеб в зауральских слободах – сразу и сколько надо, а не выращивать свой да еще все равно докупать недостачу.

Заводы нуждались не в крестьянском хлебе, а в крестьянской трудовой силе, которая пригодится на рудниках и лесосеках. Нуждались не в башкирских табунах, а в башкирских медовых лугах и гольцовых горах, под которыми лежат рудные месторождения.

Дополнительная угроза – угроза бунтов башкир и русских приписных крестьян – вынуждала «державу» иметь и собственную «горнозаводскую армию». Таковой стало Уральское (Яицкое) казачье войско и екатеринбургские солдатские батальоны. В придачу разные команды «инвалидов» (ветеранов), горная стража – полиция, и лесная стража – егерская служба. И все это породило отдельный свод законов об армии, которые действовали, разумеется, лишь в пределах уральской державы.

Оборотной стороной пугачевщины оказалась Ирбитская ярмарка. Для своих рабочих заводчику недосуг было покупать по мешку зерна; заводчик покупал сразу тысячи мешков. Подобные объемы закупок подразумевает только оптовая торговля. Нужна была суперярмарка. В таковую и превратилась ярмарка Ирбитской слободы. Не случайно ведь статус города Екатерина присвоила Ирбиту за борьбу слобожан против пугачевских бунтовщиков.

Если уж речь пошла о городах... Горнозаводская держава была городской цивилизацией. И пускай подавляющее большинство ее селений официально значились селами. До 1918 года селом считался Нижний Тагил (что вызвало изумление Менделеева), хотя размерами Тагил превосходил многие губернские столицы.

Горнозаводская держава выклинивалась из общероссийского «контекста» еще и потому, что это был компактный комплекс промышленных городков среди бескрайней аграрной страны.

Иными были и ритмы жизни горнозаводской державы. Для крестьянина год делился на три трудовые части: посев – страда – отдых. А в горнозаводской державе было совсем иное включение в природные циклы.

Зимой ломали руду (потому что вода замерзала и не топила рудники), выжигали уголь (чтобы не устроить лесного пожара), возили руду и уголь на заводы, а железо на пристани (в санях это было легче и производительнее, чем в телегах). Заводы же зимой работали неспешно, только световой день, потому что нечем было освещать огромные цеха.

Весной заводы начинали дымить по-настоящему, а на плотбищах строили барки и спускали на воду железные караваны. Летом заводы останавливались (все равно пруды обсыхали), и рабочие расходились по огородам и покосам – пасти сено для своего скота. (Этот летний отпуск рабочих, которому не было аналогов в Европе, тоже поразил Менделеева). Зато с осени завод начинал вкалывать по полной – и до зимы. Дальше цикл повторялся.

Другой блок горных законов, по важности не уступающий законам о крепости, был блоком законов о земле. И здесь горнозаводская держава опередила всю Россию, потому что ее отношение к земле уже не было феодальным. Но и капиталистическим оно еще тоже не стало.

Бог не спрашивал, в чью землю ему положить месторождение, – в частную или в казенную. Чтобы построить заводы, Берг-привилегия разрешила искать руды на любых землях. Кто где найдет, тот там и может ставить свой завод. А горная власть наделит везунчика землей в радиусе 30 верст вокруг завода, даст ссуды, крепостных рабочих и приписных крестьян.

Так Строгановы и начали терять свои вотчины, которые по лоскутам расходились для заводов казны и Демидовых. Ситуацию надо было как-то разрулить.

Разрулил ее закон 1721 года. Этот закон ввел понятие «посессионного владения». То есть земля с месторождением отдается в аренду заводчику на энное количество лет. Заводчик строит завод, но ведет хозяйство так, как ему предпишут

горные власти. Рубит лес лишь там, где дозволено. На любые изменения своего завода спрашивает разрешение начальства. Не имеет права закрыть завод.

Все заводчики Урала, кроме Строгановых, были посессионными. Даже Демидовы. Все они владели не землей, а только заводами. Да и заводами только с условием. Условие заключалось в том, что заводчик был обязан соблюдать на своем заводе законы горной державы и был обязан ежегодно продавать казне такое-то количество продукции по такой-то цене.

То есть право собственности было, конечно, нерушимым... Но вот право управления собственностью (и продуктом ее эксплуатации) принадлежало горной власти.

Если власть была недовольна тем, как заводчик ведет свое дело, она могла взять заводы под опеку, под контроль или вообще под казенное управление. Так, в 30-х годах XIX века лишились возможности управлять своими заводами на Каме заводчики братья Всеволожские, сиятельные друзья Пушкина, но никудышные хозяева.

А в 1848 году сами Демидовы разорили Суксунский горный округ и были отстранены от управления. Получайте, мол, свои дивиденды и не рыпайтесь вести хозяйство, если ума не хватает. Но вот заставить заводчика открыть двери прогрессу горная власть, увы, не могла никак.

Горная власть очень внимательно отслеживала соблюдение законов о посессионном владении. Когда заводчики накупили земель в Башкирии и настроили там заводов, считая их совсем своими, казна в 1806 году объявила эти земли не частными, а посессионными.

Только Демидовы и Строгановы догадались построить свои заводы на Чусовой, главной дороге горнозаводской державы, и потому только они имели собственные пристани. А все прочие заводчики платили в казну денежку, чтобы увезти свое железо с казенных пристаней. Проведем аналогию к современности: горная власть отдала частникам нефтяные скважины, но накрепко вцепилась в вентили трубопроводов. И законы горнозаводской державы не позволяли частникам приватизировать вентили.

Сущее горе для заводчиков случалось тогда, когда на их землях находили золото или серебро. Эти земли (и заводы на них) горная власть безжалостно отнимала. Так, Демидовы в XVIII веке полностью лишились своих Колывано-Воскресенских заводов на Алтае. Из-за этого закона страшную кару принял раскольник Алексей Фёдоров из Невьянска. Расчищая пашню, он жег пни и случайно выплавил золотой слиток. Чтобы Фёдоров не выдал месторождение золота, Демидовы посадили его в глухой подвал Невьянской башни. Фёдоров просидел там 33 года.

Своеобразие уральской державы предопределяло наличие собственных законов. Контроль за исполнением законов предопределял активное участие горных властей во всех сферах жизни державы. Но в России понятие «активное участие» в первую очередь означает участие в бизнесе. Через доменные печи уральских заводов горная власть так сплавилась с бизнесом, что разделить их стало невозможно.

И горнозаводская держава превратилась в офшор XVIII века. Приняв бизнес-правила за свои, горная власть продвигала законы, лоббирующие интересы горных заводов. Это называется «протекция».

Сама Берг-привилегия уже была протекцией горным заводам. Но она оказалась не первым примером. Можно вспомнить закон «о малых печах», который раздавил мужицкие заводы. Да что там мужицкие домницы!

Постановление о приписке крестьян к заводам и Невьянский завод в подарок Никите Демидову – это уже свидетельство о «зеленом свете», который большая Россия включила для малой – для горнозаводской державы. Указы о приватизациях – ярчайший пример особого режима максимального благоприятствования, переходящего в дремучую коррупцию и откровенное воровство. Однако, как говорили древние римляне, «закон суров, но это закон».

Подобных законов был целый сонм. Горная власть ярко отстаивала интересы горного дела, ну и свои собственные. Заводы были освобождены от постоя солдат и от сдачи рекрутов. Да и сам военно-заводской режим, вопреки всем

нормам общественной жизни России, нацеливался на укрепление горного дела (хотя и не мог этому помочь).

Мало ли какие права декларировались в России. Не только права крестьян, но даже права помещиков (базы русского самодержавия) были ущемлены в пользу горнозаводской державы: везде в России беглых холопов отправляли хозяевам, а на Урале оставляли заводчику, который их поймал. «Вся власть заводам!» – главный лозунг Урала.

Горнозаводская держава была создана искусственным путем, а поддерживала ее хитроумная конструкция из особых законов. Но причудливая искусственность этого мира вдруг так точно вписалась в уральскую матрицу, что привозное дерево пустило прочнейшие корни и вросло в почву. Пусть оно искривилось и потеряло задуманную стать, зато оказалось небывало живучим. И все вышло не по российской традиции: «хотели как лучше, а получилось как всегда», а прямо по Тициану: «нужный цвет в нужное место».

История заводов

1. От восхода до зенита

В эпоху индустриализации писатель Максим Горький решил поддержать пролетариат художественным словом и бросил собратьям по перу почин: писать романы для общего цикла «История заводов». Идея Горького мало кого вдохновила. И все же стоит попробовать описать историю заводов, хотя бы уральских. Но не как историю технологий или рабочего класса, а с точки зрения культурного кода. Судьба уральских заводов – это квинтэссенция уральской специфики и основной материал для воплощения *уральской матрицы*.

Сама металлургия уже была чудом *преображения*. Она родилась на Урале задолго до появления здесь русских и вообще задолго до появления русских как народа. На Урале осваивать металлургию русские начали далеко не сразу, а лишь в XVII веке. В 1622 году кузнец Невьянского острога Богдан Колмогор нашел первую руду на берегу речки Ницы. Тобольский воевода Трубецкой приказал ставить здесь завод – Ницынский.

Завод XVII века состоял из нескольких сыродутных горнов, каждый величиной с термитник, из кузницы размером с баню и земляных ям, где копали руду. Такие заводы назывались потом «мужицкими». Здесь работали по десять-двадцать человек. Однако продукции и прибыли хватало – разное железо купцы не возили на Урал из России, а устроители заводов насовсем оставляли свои пашни. При 80 уральских слободах коптили небо около 40 мужижких заводиков.

Если же такой заводик затевал сам воевода, а не слобода, то к производству воевода неотлучно прикреплял определенное количество работников из крестьян. Так зарождалась система приписки.

Эти неказистые «мужики» положили начало уральской индустрии. Они развели руды и научили крестьян железному делу. На базе «мужиков» выросли первые настоящие заводы: Невьянский при Ницынском заводике и Каменский при Железянском заводике Далматовского монастыря.

«Мужики» поставили большие заводы на ноги, чтобы этими ногами большие заводы их и растоптали. В 1717 году вышел Указ о запрете выплавки металла «в малых печах». Государство боролось за доход от продажи железа и лишило крестьян возможности самим изготавливать себе гвозди, серпы и плуги.

Период от первого Ницынского заводика (1623 год) до Указа о запрете «малых печей» (1717 год) можно считать временем мужицких заводов. Эпохи заводской истории Урала накладываются друг на друга, и следующая эпоха наступает, когда еще не успела завершиться предыдущая. Время первых заводов началось в 1699 году – с закладки Невьянского завода.

Петр I собрался серьезно воевать со Швецией. Но как с ней воевать, если у нее же Россия и покупала железо? Собственные заводы России истощались чуть ли не быстрее, чем строились. И в Туле, и на Олонце заводам не хватало руд, лесов и рек. Урал казался спасением. Уже в 1696 году дьяк Сибирского приказа Андрей Виниус получил задание добыть образцы уральских руд. Руды оказались замечательными. И Петр распорядился ставить на Урале два завода – Невьянский и Каменский. Оба они вступили в строй в 1701 году.

Но Урал был слишком далеко. Слишком затратно казне было вкладываться в заводы где-то у черта на куличках. Было бы лучше переложить эту ношу на чужие плечи. И плечи отыскались сразу же – плечи тульского кузнеца Никиты Демидова.

Никита просил у Петра разрешения построить завод в Туле, а Петр послал его на Урал, щедро подарив Невьянский завод. Раздраженный Никита отправил на Урал сына Акинфия.

В поступке Петра не было никакой горькой вынужденности: якобы Невьянский завод загибался, и Демидов его спас. Да, дела Невьянска шли не блестяще. Для Петра подарок стал формой экономии. Так свойственно уральской матрице, где милость государя дешевле капиталовложений.

Для Урала же подарок стал началом новой стратегии горного дела: началом частной инициативы. Ну, а для Демидовых

подарок оказался фартом. Правда, Демидовы осознали это не сразу. А может, осторожничали. Но сначала Никита долго скармливал доходы Петру – карточными проигрышами и прямыми взятками. Лишь в 1716 году Акинфий заложил второй уральский завод – Шуралинский.

А государство потихоньку определялось с правилами игры. Зимой 1702 – 1703 годов Андрей Виниус поехал в Тобольск к картографу Семену Ремезову. Хитроумные дьяки придумали, как возить тяжеленные пушки с Урала в Россию: по реке Чусовой на судах.

Этот путь подсказал Ермак. Он прошел от Камы до Тобольска, а Ремезов – от Тобольска до Камы. Семён Ремезов служил памяти Ермака, словно апостол: он отыскал в Кунгуре старейшую летопись о легендарном походе и сам написал хронику. Трудami Ремезова Ермак, как демиург, продолжал творить уральский мир.

Весной 1703 года на Чусовой для Каменского завода Семен Ремезов основал Уткинскую пристань. Уловив замысел Ремезова, Демидовы для своего Невьянского завода тотчас основали на той же Чусовой пристань Курью. Так горнозаводская держава начала прирастать отраслями производства: к рудникам, лесосекам и заводам прибавились пристани и плотбища.

В 1704 году казна заложила еще два горных завода – Алапаевский и Уктусский. В облике первых заводов уже проступила общая система. Завод стоит на перекрестье речки и плотины, и все селение предназначено в жертву заводу. Эта рациональность была совершенно языческой, без всякой гуманности. Да и сами язычники, уральские инородцы, вдруг оказались при деле: они потребовались заводам, чтобы указать месторождения в своих горах и лощинах.

Рационализм продиктовал и приписку к заводам крестьян из окрестных слобод. Первый же опыт большой приписки дал и первый бунт – в Кунгуре в 1703 году. А первый бунт дал понять, что пушки пригодятся не только на границе со шведом, но и подле собственных печей. Над Уралом забрехала «неволя под ружьем».

На излете второго десятилетия XVIII века на Урале дымили около десятка заводов. У Петра назрела необходимость как-то выделить заводы из общего «контекста», потому что, общий, он связывал промышленность по рукам и ногам. С помощью Чусовой молодые заводы решили проблему дорог; на подходе была проблема дураков. Наступило время Берг-привилегии.

В 1719 году Петр провел реформу горного дела. Вместо Приказа рудокопных дел была учреждена Берг-коллегия. Она управляла пятью Обер-бергамтами, которые вели заводские дела по всей России. Причем Обер-бергамтам подчинялись конторы не только казенных заводов, но и частных. Сами же Обер-бергамты подчинялись не Берг-коллегии, а Сенату и государю. Так от горных заводов *невидимые нитки* протянулись прямо к трону.

А государева милость воплотилась в Берг-привилегии. Этот странный документ был вовсе не законом, а перечнем нарушений закона, которые можно допускать ради процветания горного дела. (Потому, собственно, и привилегия).

Например, по Берг-привилегии заводчик имел право оставлять у себя изловленных беглых крестьян, хотя любой помещик обязан был возвращать их хозяину. По Берг-привилегии любой, кто найдет месторождение, мог «объявить» его властям, и не важно, кому принадлежит земля.

Этот порядок получил название «горная свобода». Название очень точное, потому что оно как раз и подразумевает свободу в смысле смены *матрицы*: любая прочая меняется на горнозаводскую.

Горным командиром, главой уральского Обер-бергамта (со временем он получил название Екатеринбургского) Петр поставил капитана артиллерии Василия Татищева. Татищев прибыл на Урал. Сначала он разместил свою ставку в Соликамске, потом перебрался в Кунгур, а потом – на Уктусский завод.

Татищев только-только начал выстраивать горнозаводскую державу, как прищемил хвост Демидовым – отнял их пристань Курью. Демидовы тотчас настрочили донос. В 1722 году Татищева сняли с должности с позорной формуровкой: «за казнокрадство».

Его место занял генерал Виллим де Геннин. Честный служака, он оправдал своего предшественника, причем в письме Петру написал о своем отношении к Татищеву напрямую: «...хоть и рожу его калмыцкую не люблю».

Ресурсом, вокруг которого начала «окукливаться» уральская горнозаводская держава, разумеется, были горные заводы Урала. Монаршей милостью стала Берг-привилегия. *Невидимыми нитками* – личное знакомство горных командиров с Петром. Причём эти *нити* натягивались с обеих сторон: Петру нужны были пушки, а горным командирам нужна была независимость, иначе вороватые чиновники сожрут их заводы со всеми железками.

Уральская матрица форматировала жизнь и работала не на какой-то там самобытности, а на здравом смысле, на трезвой логике, на жестком расчете.

И заводы принялись «плодиться и размножаться». В 1722 году Демидовы основали Нижне-Тагильский завод и перенесли в Тагил свое «родовое гнездо». В том же году и Строгановы основали свой первый завод – Таманский на Каме. Горнозаводская держава легла на Уральский хребет, как седло на лошадь, – на обе стороны.

Увернуться от горного дела Строгановы не смогли. Петр объявил государственную монополию на скупку соли, и строгановские варницы начали оглядываться на окрики бергамта. Держава властно присоединяла к себе новую отрасль производства: к заводам, рудникам и пристаням приплюсовала солеварни.

Этапным стал 1723 год. Почти одновременно вошли в строй Егошихинский и Екатеринбургский заводы: будущая губернская столица Урала и вновь учрежденная горная. Так из общего корня рождалась уральская *двоичность, зеркальность*.

Де Геннин перенес из Уктуса в Екатеринбургский завод Обер-бергамт (в состав которого вошли Пермский, Казанский, а потом и Оренбургский бергамты). Так кристаллизовалась государственная структура горнозаводской державы. Заводами руководил горный командир и Екатеринбургский Обер-бергамт, а не губернаторы Казани или Тобольска

(Оренбурга или Уфы). И не важно, что стояли заводы во владениях губернаторов.

Де Геннин обозначил пределы горнозаводской державы: четыре казенных завода (Екатеринбургский, Уктусский, Алапаевский и Каменский), 18 приписных слобод и две пристани. Потом границы державы, конечно, раздвинулись.

Время Берг-привилегии активировало и другие черты уральской матрицы. В первую очередь – милитаризацию. Заводы изготовляли пушки и пушками отчитывались не перед Берг-коллегией, а перед Военной коллегией. Горными командирами назначались люди служивые: капитан Татищев и генерал де Геннин. Уральская неволя все отчетливее определялась как «неволя под ружьем». Точнее, не как неволя под угрозой оружия, а как неволя армейской службы. Конституцией горнозаводского государства стал Горный Устав.

В 1722 году Петр ввел новый порядок престолонаследия, и по России прокатилась волна раскольниковых волнений. Староверы не хотели целовать крест «царю неназванному». Близ Урала особенно ярился Тарский бунт – мятеж раскольников у крепости Тара.

В центральной России вскипели гневом скиты на реке Керженце. Войска подавили бунты, а бунтовщики с Керженца побежали на Каменный Пояс и стали уральскими кержаками. Бездомных, гонимых, их хватали заводчики и представляли к заводам: ведь имели полное право не выдавать беглых. И в уральскую матрицу вошел раскольниковый культ труда.

Впрочем, на Урале не хватало не только рабочих – инженеров тоже не хватало. Иностранным специалистам платили впятеро больше, чем русским, да еще и приплачивали за дорогу, за кров и за дрова. Европейские мастера с охотой поехали в Россию.

Среди них встречались всякие люди. Кое-кто, подделав аттестат, не мог отличить чугуна от железа и вскоре, почесывая бока, укатывался восвояси. А кое-кто вкладывал в Урал все навыки, все силы да и всю жизнь. От европейцев в уральскую матрицу вошел культ знаний.

Новое время началось в 1736 году. Настала эпоха двойной игры. Горнозаводская держава поглощала частные ресурсы – подчиняла себе заводской порядок на предприятиях Демидовых, Строгановых и разных мелких заводчиков. А частник поглощал горнозаводские ресурсы: приватизировал заводы. Пример Невьянска и Никиты Демидова окончательно сформировал понятие «высшего фарта»: приватизация по милости государя.

Первую приватизацию начал герцог Эрнст Бирон, фаворит императрицы Анны Иоанновны. Бирона сверг Бурхард Миних, фаворит новой императрицы Анны Леопольдовны. Сверг, но политику продолжил. Фавориты успели раздарить 18 горных заводов.

Но оба они, и Бирон, и Миних, завершили свою важную государственную деятельность бесславной ссылкой в старинное селение Пелым на северном Урале. Заводы же казна через некоторое время выкупила обратно.

Однако для российской знати опыт этой приватизации показал отнюдь не вероятность Пельма на долгий срок жизни. Опыт этой приватизации показал недостаточность размаха затеи Бирона и Миниха. Курляндцы побоялись достичь «точки невозврата», до которой все можно отработать назад, за то и поплатились. Преодолеть «точку невозврата» новые фавориты осмелились уже при императрице Елизавете.

С 1754 года началась вторая волна приватизации. Теперь на подарки предназначили все заводы Урала, кроме Екатеринбургского и Каменского. Предназначили – и методично раздарили. Графы, князья и генералы в одночасье стали уральскими заводчиками, хотя даже не знали, в какой стороне от Петербурга находится Урал.

Почти все сиятельные заводчики оказались пустодырами. Уже через 5 – 7 лет они разорили свои заводы и принялись их продавать. Многие предприятия казна милосердно выкупила обратно, но остальные достались настоящим хозяевам. Этим хозяевам никогда не светило получить заводы по приватизации – рылом не вышли, но вот купить приватизированный и разоренный завод они все-таки могли. И вошли в ареопаг уральских заводчиков.

Самая известная персона того периода – Савва Яковлев, бывший Собакин. По преданию, свою фамилию он получил за уличную торговлю пирожками с собачатиной. Торговец пирожками таинственным образом вырос до винного откупщика, составил капитал и принялся покупать, а затем и строить заводы.

В конце XVIII века именно Яковлев оказался главным заводчиком Урала, а вовсе не Демидовы. Савва Яковлев владел 22 заводами, из которых 12 были бывшими приватизированными.

Приватизации своим блеском затмили куда более важные события. В 1745 году раскольник Ерофей Марков нашел золотой самородок. Это было первое собственное золото не только на Урале, но и в России. В 1748 году близ Екатеринбурга заработал Берёзовский золотопромывальный завод.

В это же время первые копи появились и на самоцветных полях Мурзинки. В 1768 году итальянцы братья Торторри близ Мурзинской слободы откопали копь Тальян – подземную сокровищницу сказочных по красоте аметистов. Золото и самоцветы – это был фарт для бедных, кому никогда не светит получить задаром целый завод.

Горнозаводская держава довела до полного комплекта ассортимент своих предприятий: медеплавильные, чугунолитейные и железоделательные заводы; механические и гранильные фабрики; соляные варницы; лесосеки и пильные мельницы; углежжения; пристани и плотбища; рудники и шахты; копи и прииски.

Этот ассортимент сугубо горнозаводских производств был своеобразным аналогом сугубо государственных учреждений типа армии, флота, суда, полиции, почты. То есть горнозаводская держава стала действительно особым государством с такими производствами, каких не могло быть нигде, кроме Урала. Или нигде, кроме Урала, они не были собраны все вместе. Культ совершенства сформировал горнозаводскую державу до логического конца.

А пока на поверхности горнозаводского моря бушевали штормы приватизаций, в глубинах зрели совсем иные тече-

ния. Они вышли на поверхность в 1753 году, и началась новая эпоха – эпоха роста.

Пределы Среднего Урала оказались уже тесны и заводчикам, и заводам. Государство тонко уловило это ощущение. Оренбургская экспедиция Ивана Кирилова, Василия Татищева и Ивана Неплюева оковала Южный Урал цепями казачьих крепостей. Яицкие казаки встали дозорами на путях мятежных башкирских отрядов.

В 1753 году казна запретила горным командирам строить заводы на землях башкир. Казна заботилась, конечно, не о башкирах, она самоустранялась, чтобы своей конкуренцией не отпугнуть частных заводчиков от южного Урала. Новоиспеченный оренбургский губернатор Неплюев призвал частных приходиться под его защиту. И заводчики ринулись на нетронутые месторождения.

Впереди всех неслись, как всегда, Демидовы. В 1757 году Никита Акинфиевич основал завод Кыштым и перенес в него из Нижнего Тагила «родовое гнездо». В ту эпоху среди башкирских медовых лугов и гольцовых гор появились Златоустовский, Каслинский, Миасский, Саткинский, Кусинский, Белорецкий заводы.

Северный Урал привлекал меньше, хотя и там было чем поживиться. Ямщик Максим Походяшин на сарафан жены выменял у простодушных вогулов месторождение самородной меди. На нем в 1753 году Походяшин основал в северной тайге Богословский завод. Потом этот завод станет центром могучего горного округа, а Походяшин – одним из богатейших людей России.

На запад уральская горнозаводская держава вылезла камскими Ижевским и Воткинским казенными заводами, а на восток – алтайскими Колывано-Воскресенскими заводами Демидовых (эти заводы казна у Демидовых отберет).

Урал дымил и грохотал. Полторы сотни горных заводов отливали пушки и ковали железные полосы. Уральское железо завалило европейские рынки. Урал превратился в главную домну цивилизации.

Проблем, конечно, хватало. Но основными были две: недостаток мощностей и недовольство народа. Обе проблемы разрешились в русле уральской матрицы.

Заводы не испытывали нужды в рудах и лесах. Но они не могли выплавлять железа больше, чем позволяло количество воды, которое удерживал пруд. Ведь все заводские машины работали на водобойных колесах. Кончилась вода в пруду – и хоть лоб расшиби, но машины останавливаются. Культ совершенства подсказал решение: удвоить заводы.

И на многих предприятиях выше или ниже их по течению появились заводы-близнецы: Верхний и Нижний Алапаевские заводы, Верхний и Нижний Сысертские, Верхний и Нижний Шайтанские, Синячихинские, Юговские, Салдинские, Сергинские, Каменские, Кыштымские... Подобным образом к тяжелому железнодорожному составу цепляют два локомотива.

С недовольством народа оказалось сложнее. Недовольны были чуть ли не все. Недовольные рабочие Шайтанских заводов наняли киллера, и он убил заводчика Ширяева. Недовольные крестьяне устроили «Дубинщину» – целую войну с монахами Далматовского монастыря. Недовольные раскольники выжгли все свои селения на Межевой Утке. Недовольные казаки требовали уравнивать в правах Яицкое войско с другими казачьими войсками России. Башкиры же были недовольны всегда. Выход недовольству дала уральская матрица.

Беглый казак Емельян Пугачев провозгласил себя императором Петром Федорычем. Вряд ли где в России поверили бы, что император может воскреснуть не в Петербурге, не в Москве и не в Варшаве, а на каком-то казачьем умёте. А на Урале поверили.

Потому что – *невидимые нитки*. Потому что на Урале все жители знали о милостях государей, о фарте заводчиков. Может, теперь милость государя обратилась на простой народ и пришло время его форта? Ведь и Аника Строганов, и Никита Демидов, и Савва Яковлев были из смердов... Чем они лучше Емельяна Иваныча?

Пугачевщина заметалась по Уралу. Она собрала в одно русло множество разных потоков гнева: башкирский гнев, раскольничий, казачий... А самое главное – крестьянский. Крестьяне желали оставаться в своей матрице – в крестьянской. Они не желали ломать руду, жечь уголь, возить пушки,

тонуть в Чусовой на железных караванах. Они хотели пахать, сеять и жать. А уральская матрица силком выкорчевывала их из привычной жизни.

И разразилась гражданская война: матрица против матрицы. Огненная и кровавая линия очертила границы миров – крестьянского и горнозаводского, русского и уральского. Громом рабочих пушек впервые была озвучена мысль: «мы – разные!»

Пугачёвщиной в истории заводов закончилась эпоха роста... чтобы продолжиться эпохой зенита. Эпохой славы. Потому что для заводов пугачёвщина подоспела очень вовремя. Нож пугачевщины вскрыл все нарывы, топор бунта обрубил все мертвые ветви.

Как волк – «санитар леса», так и Пугачев – «санитар Урала». Он порушил устаревшие заводы, которые никто не собирался реконструировать. А государство выделило деньги на восстановление хозяйства, то есть на реконструкцию.

Но, затеяв реконструкцию, власть одновременно принялась ломать то, что строила. Отстегивая миллионы на возрождение заводов, власть параллельно начала и реорганизацию той системы, которая показала столь блестящий результат.

Сначала власть учредила наместничества: Вятское (1780), Пермское и Уфимское (1781). Затем в 1782 году отменила горную свободу и Берг-привилегию. А в 1783 году взяла в осаду закопченный феодальный замок уральского барона совсем всерьез.

В этом году была упразднена Канцелярия Главного заводов правления (бывшего Екатеринбургского Обер-бергамта). Заводы от горных генералов перешли под власть губернских чиновников. Горнозаводскую отрасль развинули на отдельные узлы – Горные экспедиции, и эти узлы подключили к совсем другим машинам – к губерниям. В 1784 году в Петербурге закрыли и Берг-коллегию. Держава горных заводов де-юре прекратила свое существование.

Правда, все это было ненадолго. На престол поднялся Павел I и перевернул реформы Екатерины вверх тормашками.

В 1796 году он восстановил Берг-коллегию. Пространства России вновь перекроили и «нарезали» губернии: Вятскую и Пермскую. Чтобы Пермь не занеслась, в 1797 году в Екатеринбурге воссоздали Канцелярию Главного заводов правления и вернули ей все полномочия. Горнозаводскую державу собрали обратно.

Но главный итог был в том, что на Урале равную легитимность получили два взаимоисключающих центра власти: гражданская (губернская) власть в Перми и горная (заводская) власть в Екатеринбурге. *Двойственность Урала* оформилась окончательно; диапазон *уральской матрицы* раздвинулся до своих крайних пределов.

А XVIII век заканчивался. За XVIII век на Урале было построено около двухсот заводов. Это был умопомрачительный результат. Россия начинала век, покупая железо везде, где могла, и заканчивала, продавая железо всему свету. Парадокс в том, что своей мощью Россия и выковала свое грядущее падение. В России так всегда: богатство – залог застоя.

А бедной была Англия. Для своих заводов Англии не хватало лесов и рек, которыми в избытке владел Урал. Англия покупала русское железо и из этого железа строила паровые машины. Ими-то она и начала бить Россию, как сто лет назад Россия начала бить Швецию оружием из шведского железа. На Урале же первая паровая машина появилась в 1793 году на руднике Гумёшки. Ну, и всё. Появилась – и бог с ней.

Уральские заводчики и горные власти не желали верить, что этот громоздкий агрегат потенциально сильнее сотен рек и тысяч лесосек. Перестраивая промышленность на паровые машины, Англия мощно пошла вперед, догоняя Россию. А в России посчитали, что для сохранения лидерства достаточно будет административных реформ.

Реформы начались в 1806 году с весьма здравого замысла: отменить приписку. К тому времени на Урале было около 85 тысяч рабочих и около 200 тысяч приписных крестьян. Но здравость замысла вскоре превратилась в административный кордебалет.

Приписку отменили, но вместо нее ввели неких «непременных работников». Они оставались крестьянами, но 200 дней в году были обязаны работать для завода. То есть власть сменяла шило на мыло. Уменьшилось число недовольных, но корень недовольства (и тормоз развития) остался сидеть в *матрице* так же глубоко и прочно, как и прежде.

Берг-коллегию опять упразднили. Горное начальство опять переехало из Екатеринбурга в Пермь в подчинение пермскому губернатору. Из-под его власти освободили только шесть горных городов: Кушвинский, Богословский, Ижевский и Юговский заводы, Екатеринбург и Дедюхин. Екатеринбург, Кушва и Ижевск – ныне города, Богословский завод – город Карпинск, Юговский завод – поселок Юго-Камск, а городок Дедюхин в 1953 году затоплен водами Камского водохранилища. Заводское хозяйство Урала разделили на 30 горных округов.

И все было прекрасно, только металлургия не развивалась, а Британия догнала и перегнала Россию.

2. Барон умер – да здравствует барон?

Российские власти и российские заводчики ничего не могли понять. Как так? Заводов – две сотни, труд – дешевле не бывает, руды целые горы, лесов хватит на сто лет... а русское железо дороже английского! Но все пошло по привычному русскому образцу: если непонятна причина, должен быть найден козел отпущения.

Кроме народа, никто на роль козла не соглашался, а у народа и не спрашивали. Виновен – и точка. Разболтался! И с 1834 года началось очередная эпоха в истории горных заводов: эпоха военно-заводского режима.

Вместо того, чтобы переводить заводы на паровые машины, власти ужесточили дисциплину. И получилась некая горнозаводская аракчеевщина. Зато горнозаводская держава переживала пик своего воплощения. Все было при ней: и суверенность, и подневольные подданные, и языческая жертвенность, и милитаризация, и все культы – труда, знаний и совершенства. Полный комплект уральской *матрицы*.

И прежде рабочих набирали на заводы рекрутским способом, но с 1834 года заводскую работу приравнили к военной службе. Все стало как в армии. Продукты превратились в провиант, который распределялся бесплатно и поровну. Благословение на свадьбу давали не родители, а начальник завода. Вместо суда – трибунал. Вместо закона – устав. По выслуге лет рабочий, как солдат, получал вольную. Заводские начальники стали офицерами, и высшим учебным заведением стал военный Корпус горных инженеров.

Правда, во главе горнозаводской державы оказался человек исключительной порядочности, некогда либерал и почти декабрист – генерал Владимир Глинка. Конечно, он был сторонником жесткой дисциплины, но никак не солдафон. Благодаря его личным качествам держава сохранила человеческое лицо.

Но индустриальный потенциал неудержимо падал. Горнозаводского барона подтачивал смертельный недуг, хотя рык барона еще был зычным. Еще казалось, что все, в общем, нормально. Грела душу надежда на фарт, вроде того, что в те же годы выпал старателям Золотой Долины Миасса.

Владения Горного начальника располагались в пяти губерниях: Пермской, Тобольской, Оренбургской, Вятской и Казанской. Законы недостаточно четко разграничивали полномочия, и часто у горного начальника случались конфликты с губернаторами, особенно с пермским, потому что большинство заводов располагалось в Пермской губернии.

Соперничество генерала Глинки и губернатора Огарёва стало темой сотен уральских анекдотов. И во всех анекдотах генерал посрамлял губернатора. Значит, военно-заводской режим в народной душе был оправдан – приемлем и даже органичен. Значит, уже и менталитет жителей Урала был сформатирован *уральской матрицей*.

А технический прогресс на Урал не спешил. Да и не было для него условий. На реорганизацию производства нужны деньги, а где их взять? Русский банковский капитал не верил заводам. Только в 1846 году в Екатеринбурге было открыто

первое представительство Кредитного банка. Но в 1858 году правительство взяло курс на тотальную экономию и запретило выдавать ссуды даже под недвижимость. Капитал парализовало, и он ничем не мог помочь заводам.

Акционирование тоже не приживалось. Первая акционерная компания появилась по инициативе министра финансов в 1848 году. Она была создана на базе Суксунского горного округа Демидовых. Суксунский округ Демидовы вогнали в долги настолько, что над округом уже установили государственную опеку. Акционирование было антикризисной мерой, которая спасала заводы от разорения, а вовсе не частной инициативой, чем, собственно, и должен быть бизнес.

К середине XIX века на Урале работало 154 горных завода. В реве Севастопольской канонады старые уральские заводы окончательно проиграли европейцам конкурентную войну. Феодалный барон горнозаводской державы был разбит. Никого не пугала его Царь-Пушка, которую он не мог выкатить из ворот своего замка.

Спрос на уральский металл падал, да и сам металл стал считаться низкосортным. Исчерпались рудники, поределли леса. Слишком хлопотным и дорогостоящим стал вывоз продукции по Чусовой. Терпеть далее не представлялось возможным. Россия погрязла в средневековье. Надо было менять все: и технологии, и заводские агрегаты, и отношения с рабочими. Разум и жизни рабов стали обходиться заводчикам дороже найма свободных людей.

В 1861 году в России крестьяне получили личную свободу, а в Лондоне была запущена первая линия метро.

Только по официальным, заниженным данным, свободу получили 300 тысяч горнозаводских работников. Рабочие благословляли государя. На собственные деньги они поставили по всему Уралу два десятка памятников Александру II, царю-освободителю. Каждый второй храм из тех, что сейчас еще имеются в заводских поселках, возведен в честь отмены неволи.

Вслед за крепостным рабством рухнула и горнозаводская держава. Подневольные рабочие и приписные крестьяне

были тем ресурсом, которым «рулило» горное чиновничество. Этим ресурсом оно держало в узде горные заводы, а «упряжью» были порядки державы. Но исчез ресурс, и «рулевые» оказались не нужны.

Была упразднена власть горнозаводской администрации, и начальник завода больше не решал, можно жениться Ивану на Марье или не судьба. Трибунал и горную стражу распустили, а горнозаводский мир стал подчиняться общим законам государства. Ликвидировали статус горного города. Заводы перешли в подчинение хозяевам, гражданским властям и министерствам.

Горнозаводскую державу никто не истреблял, как римляне Карфаген. Ее сшибла с ног логика промышленного развития, а государство добило строптивного и свирепого уральского барона, потому что перестало в нем нуждаться.

Хотя живы были и заводы, и люди, горнозаводский мир начал постепенно утрачивать свою индивидуальность и растворяться в общероссийской индустрии. *Уральскую матрицу* вытеснили в подсознание. Однако уничтожить ее никто не мог, как никто не может уничтожить свой генетический код.

Реформы, как всегда, обсчитали и обманули людей. Реформы требуют денег, а не энтузиазма и духовного подъема. Рабочие стали вольными, и заводчики все средства пустили на зарплату. Проводить реконструкцию оказалось не на что.

Доменные печи не ломали и не заменяли на современные конверторы, а печам требовался древесный уголь. Поэтому заводы не могли отдать рабочим земли, на которых росли леса, а рабочие без земельных наделов не могли уйти с завода и упрямо добивались работы, которая имела только у доменных печей. Образовался заколдованный круг – месь *матрицы*. Урал засосало в этот водоворот, выхода из которого никто не видел.

Банковский капитал на заводы не стремился, потому что имелись и другие, более прибыльные сферы вложения. Акционирование же целиком и полностью зависело от воли хозяев заводов. Но ни государство, ни частники не желали

расставаться со своей собственностью, пускай та и разваливалась на ходу.

Исключение составили только Строгановы. В 1864 году они акционировали умирающий завод Кын на Чусовой, и завод воскрес, проработал еще более 40 лет. Однако пример Строгановых никого не вдохновил.

Над заводскими трубами нависла мрачная тень кризиса. Заводы закрывались. Росла безработица и смертность. Росли цены, а государство вводило новые налоги. На работающих заводах падала зарплата, или же ее выдавали продукцией.

В 1866 году Александр II утвердил план продажи убыточных казенных заводов. Но при всем при этом казна вынуждена была сама получать обратно от частников такие же убыточные заводы. И ничего не менялось.

Спасение пришло оттуда, откуда его и не ждали. В России грянул бум железнодорожного строительства. От государства и от банков на уральские заводы пролился животворный ливень заказов на рельсы. С усмешкой поглядывая на мелких «капиталистов» вроде Кына, старинные заводы раздули обомшелые домны. Мол, мы и без ваших акций и паровиков востребованы, не пропадем и так!

Но старые заводы обманули только самих себя. Они не просто выпускали рельсы, они тем самым переделывали себя на новый лад. Чтобы освоить щедрые средства, они подтягивали к себе нитки железных дорог, волей-неволей модернизировали печи, приспособились к каменному углю вместо дров, закупили паровые машины... Сами не замечая того, один за другим они теряли перья из орлиных крыльев прадедовских гербов. Ржавчина денег разъела цепь горнозаводской державы.

Первую железную дорогу на Урале начали строить в 1874 году. С этого года и можно отсчитывать новую эпоху в жизни заводов. Хотя для многих предприятий, которые обошел рельсовый бум, старая эпоха не закончилась. Ни шатко ни валко они влачили дальше как получалось – с хлеба на воду.

Последний горный завод, Ивано-Павловский, был построен в 1875 году на реке Белой. К Уралу уже подбирались

паровозы, а здесь по-прежнему шлепали плечами водобойные колеса.

В 1899 году по новым железным дорогам Урала проехал вагон с экспедицией Дмитрия Менделеева. Правительство попросило великого мыслителя съездить на Урал и разобраться, почему же там все как-то не так и ничего не получается?

Менделеев разобрался и поставил диагноз: заводы не отдают землю, а потому не могут догнать прогресс и выйти на уровень рентабельности. С кандалами на ногах не побегаешь. «Старое здесь не старится», – желчно сказал Менделеев об Урале.

Менделеев начал свой путь, пересев с парохода в вагон на станции Пермь I. От Перми до Екатеринбурга пролегла первая железная дорога Урала, которая и называлась Горнозаводской. Ее сдали в эксплуатацию в 1878 году. И сразу начали строить другие дороги: от станции Чусовская – к Соликамску, от Екатеринбурга – к Челябинску.

Поначалу эти дороги были островными, то есть не соединялись с общероссийской сетью. Соединение произошло в 1892 году, когда Самаро-Златоустовская дорога через Челябинск подключила Урал к России.

Второй линией подключения стала Главная дорога, прошедшая через Вятку, Пермь и Екатеринбург на Тюмень. Она напрямую связала Урал с центром и с Транссибом. Заводы Урала получили все, чего было нужно: доступ к углю Кизела, Егоршино и Кузнецка, к рудам Бакала, к рынкам Поволжья, Средней Азии и Сибири.

Но *матрице* благоприятная конъюнктура безразлична. Заколдованный круг, из которого не могли вырваться старые заводы, и был *матрицей*. Чем бороться с ней, проще было начать все с нуля и сразу вне *матрицы*. Так и сделали. В 1883 году заработал новый Чусовской завод. В 1884 году – Теплогорский и Сосьвенский. В 1885 году – Инзерский. К 1905 году таких новых заводов было уже 14.

Все они стояли при железных дорогах. Все они работали на каменном угле, а потому им не нужны были ни пруды, ни лесные дачи. И на всех этих заводах дымили новые паровые

машины и мартеновские печи. Никаких домн, никаких водобойных колес. Это были поистине заводы нового поколения. Уже не горные. Просто металлургические. Время горных заводов закончилось.

Остались только призраки непогребенных мертвецов – фарт и «дикое счастье». Именно в эту эпоху они овладели душой масс, блеском золота затмили убожество старой жизни. Десятки тысяч старателей в угаре «золотой лихорадки» рыли пески в Золотой Долине Миасса, на кривых полях Кочкаря, на диких берегах реки Серебряной и реки Ис, на угорах Косого Брода, на платиновом «Рублёвике» – речке Мартьян в бассейне Межевой Утки.

Власти в гневе запрещали старателям уничтожать копиями свои покосы, тогда в деревне Крестовоздвиженской на Койве алмазы стали искать в истлевших костях на кладбище.

Сотни самоцветных копей испещрили окрестности Мурзинки, луга вдоль речки Адуй, лесные склоны Ильменских гор. Сколько безвестных хитников зимними ночами в своих балаганчиках ждали, когда по крыше затопочет олень Серебряное Копытце? Сколько их до слепоты вглядывалось в костер, отыскивая Огневушку-Поскакушку?

Но удача не улыбнулась никому. Пропил счастье Василий Хмелинин, бажовский дедушка Слышко. Закопал от коммунак и забыл место клада великий старатель Сергей Южаков, окончивший жизнь полусумасшедшим стариком в тайной лесной избушке за огромной копьей Мокруша. А знаменитый горщик Данила Зверев, прототип Данилы-мастера, под старость лет угрюмо оценивал чужие камни на экспропрированных ожерельях и диадемах, привлеченный советской властью как эксперт. *Матрица* была беспощадна.

Рубеж веков выявил все родовые травмы русского капитализма. Недальновидность, хищничество, картельные сделки, монополии, экспансия зарубежного капитала, владельцы которого не утруждали себя соблюдением кодекса чести в отношении к аборигенам. Бездарная политика государства, равнодушие заводчиков к своему делу... Конечно

же, еще и отмеченная Менделеевым бессмысленная тяготи́на с землей для рабочих.

Каждую беду можно было превозмочь по отдельности. Но нелепая и трагичная русско-японская война сгребла все беды в одну кучу. Новая эпоха попала между Русско-Японской, Первой мировой и Гражданской войнами, как между молотом и наковальней.

Критическая масса неурядиц вызвала цепную реакцию кризисов. 32 уральских завода обанкротились и закрылись; 8 горных округов прекратили свое существование. В таких условиях ошалевший от безнадеги пролетариат, конечно, задумался о перемене власти. Управлять страной так же плохо он мог и сам.

Попыткой исцелить заводы Урала стало создание акционерных обществ на базе горных округов. В них призвали иностранный капитал. Из 22 оставшихся округов 18 акционировались. Но история не дала возможности узнать, помогло бы это спасти горные заводы или нет.

Маховик недовольства был раскручен уже так, что остановить его у правительства не хватило сил. Революция и Гражданская война завершили историю горных заводов. Под канонаду бронепоездов горнозаводская держава, как погасший вулкан, величественно опустилась на дно.

Из Гражданской войны Урал вышел разоренный и обожженный. У новой власти средств на восстановление заводов не хватало. Советская Россия не могла выбраться из разрухи Гражданской войны на одной лишь вере в грядущий коммунизм. В стране была объявлена новая экономическая политика – НЭП, временный возврат к частной инициативе.

Началась краткая эпоха реставрации, а может, ренессанса. Лебединая песнь свободы от *матрицы*. НЭП возрождал торговлю, легкую промышленность, отчасти сельское хозяйство. На индустрию его сил не доставало. Силы нашлись за бугром.

В Советскую Россию были допущены иностранные компании. Наиболее крупной из них было английское акционерное общество «Lena Goldfields Limited». В 1925 году ему

в концессию передали Полевской, Северский, Сысертский, Бисертский и Ревдинский заводы, рудники Дегтярки и Гумёшек, угольные шахты в Егоршино и огромные лесосеки. Компания заработала необыкновенно успешно.

Акцияеры вложили огромные средства в реконструкцию старых заводов. Перспективы обрисовались просто блестящие. Но едва они заблестели, советская власть прикрыла лавочку. В начале 30-х годов договор о концессии был расторгнут, а компания выброшена из СССР. Убытков концессионерам никто не компенсировал. Так и надо буржуйам. Обманули дурака на четыре кулака.

Причина расторжения концессии была не только в желании заполучить всю наметившуюся прибыль. Причина заключалась в том, что советская власть поверила в себя. А точнее, интуитивно поняла все выгоды *уральской матрицы*.

Матрица была самым простым, самым логичным и экономичным способом ведения дел. Самым простым, следовательно, самым понятным для невежд. И плевать, что этот способ не сопрягался с мировой экономикой или с понятием «права человека». Главное – железо. Кроме *уральской матрицы*, никто и ничто не произведет железа так много с таким минимумом усилий.

В 1926 году был принят план индустриализации СССР. По этому плану упор делался не на реконструкцию старых заводов, а на строительство новых сверхгигантов. Внешне это выглядело так, как было с 14 заводами пореформенной эпохи – на новом месте с нуля. Но на деле – просто восстановление *матрицы* в сверхгигантских масштабах.

В 1931 году вступила в строй первая очередь Магнитки. А Магнитка одна давала столько же продукции, сколько все горные заводы Урала вместе взятые. Возводя Магнитку, власть возрождала и *матрицу* в ее базовом принципе – принципе неволи. Две трети строителей Магнитки были заключенными и спецпереселенцами.

В ближайшей перспективе намечались вторая и третья очереди Магнитки, Челябинский тракторный завод, Уралмашзавод, Нижнетагильский, Соликамский, Березниковский комбинаты, Бакальский рудник, Кизеловские шахты,

Коркинский разрез, Кузнецк... Для такого грандиозного строительства *матрица* требовала рабов. И на Урале параллельно заводам строились фабрики узников – лагеря ГУЛАГа. Главное – начать с неволи. Неволя сама доведет все остальное до нужного формата.

Все составляющие *матрицы* возрождались из небытия, из генокода, словно сами собой. Лозунг «искупление трудом» и энтузиазм – это культ труда. Страх попасть в мясорубку рабочих бригад – это культ знаний, дающих возможность пробиться в бригадиры, в мастера, в мелкое начальство.

Советская ориентация на валовые показатели и штурмовщина – это культ совершенства. Индустриализация проводилась за счет крестьянства; это повязало заводы и власть *невидимыми нитками* общего социального преступления. Но заводам от преступления достался ресурс, а власти – фарт и «дикое счастье».

А старые горные заводы оказались в роли стоптанной обуви. И надеть неловко, и выбросить жаль. Что с ними делать? И тогда «стариков» разделили на три группы по количеству необходимых капиталовложений. В первую, наиболее многочисленную группу попали заводы, обреченные на умирание. Денег в них не вкладывали вообще. Так, платили мизерные зарплаты работникам, лишь бы люди выжили, а заводы развалились. Эти заводы позакрывались в 30-е годы XX века.

Заводы второй группы были слегка модернизированы. Они еще могли приносить пользу. Малоощутимую экономически, но значительную социально, потому что перерабатывали не столько руду, сколько недовольство работников. Эти заводы внезапно оказались востребованы в годы войны, когда на их базе монтировали оборудование эвакуированных предприятий.

Наконец, в третью, самую малочисленную группу вошли те горные заводы, которые были реконструированы и получили новый профиль работы. Если сейчас мы говорим о горном заводе, который проработал почти три века и работает донныне, значит, мы говорим о заводе-счастливчике из этой третьей группы.

Матрица уже не существовала как держава в державе, но зато расплзлась на весь Урал, пожирая и то, что раньше ей никогда не принадлежало. Заводские поселки превращались в маленькие города. В деревни приходили совхозы, МТС, мелкие производства, подсобные хозяйства промышленных гигантов, и деревни порабощались заводами.

Молох металлургии, машиностроения и промышленной химии по-язычески требовал принести ему в жертву все, а христианское человеколюбие сгнуло в ГУЛАГе вместе с попами из обезглавленных храмов. Колокольни и благовест заменили заводскими трубами и заводскими гудками.

Возрождение *матрицы* завершила война. Урал был мобилизован: заводы-великаны гнали броневую сталь, танки и пушки, двигатели для машин и самолетов. Химические заводы производили порох и взрывчатку. Даже мебельные мастерские стругали приклады к автоматам, а шерстобитные и портняжные артели валяли солдатские валенки и шили маскхалаты. И везде были охрана, КПП, пропускной режим.

И дембеля после победы никто не дождался. Оказалось – рано. В Великую Отечественную Урал вполне обошелся без иностранцев – так какого черта их пускать снова? А ведь начинается холодная война. И танки с автоматами нужны по-прежнему: в непокорной Восточной Европе, в Египте и в Корее, в Африке, в Азии и в Латинской Америке.

Да и на самом Урале растут атомные города, где сквозь свинцовое стекло реакторных окошек люди могут поглядеть прямо в глаза сатане. После войны Урал сделался тем самым запасным путем, на котором и стоял наш бронепоезд. Отменить охрану бронепоезда страна не собиралась.

Военный импульс, слабея, дотащил старые уральские заводы до 70-х годов. Только в 70-е исчерпался «запас плавучести», который принесла старым заводам эвакуация. По Уралу покатила предпоследняя волна ликвидаций. И наступил покой.

Средств в заводы вкладывалось немного, но и спрос был невелик. Лишь бы все было шито-крыто. Без истерик. Так над аэродромом кружит аварийный самолет, сжигая остатки

топлива. А топлива оказалось много до безобразия: крупнейшие в мире залежи калийных солей Соликамска, подземные нефтяные моря Ишимбая, десятки других уникальных месторождений. И самолет кружил, кружил, кружил... Пока не сбили из зенитки.

Советский Союз разлагала энтропия. Она же разлагала и уральскую матрицу как местный вариант русской матрицы. Уральская матрица еще ни с чем подобным не сталкивалась. Ее грубо отстраивали, грубо ломали, отменяли и загоняли в подсознание – да, это было. Но чтобы вот так, на медленном угасании, на анемии, на бессилии... Однако матрица – это скелет, и без него организм существовать не может, будь он хоть здоровым, хоть больным.

И в 90-е годы матрица поперла к жизни дурным цветом «дикого счастья». Не беда, что заводы и рудники, дома и дороги устарели и обветшали. На пропой годится любое наследство. «Дикое счастье» рушило Урал не хуже пугачевщины.

Рано еще делать выводы, но можно понадеяться, что «дикое счастье» окажется таким же залогом расцвета, каким оказался великий крестьянский бунт. Что в конечном итоге именно «дикое счастье», перетасовав заводскую колоду, приведет к выигрышу не шулеров, а игроков расчета и удачи.

Эпоха «дикого счастья» уже миновала. Закрылись те старые заводы, что исчерпали инерцию жизни. Уцелевшие разобраны новыми хозяевами. Угар прошел, и похмелье, вроде бы, закончилось. В чехарде советских новоделов, не затерявшись среди гигантов, по-прежнему стоят и работают кряжистые, узловатые горные заводы: Каменск, Невьянск, Алапаевск, Кушва, Мотовилиха, Салда, Куса, Пашия, Касли, Ревда, Златоуст, Сатка, Северка, Шайтанка, Миасс, Белорецк, Катав, Кыштым, Берёзовск, Миньяр, Лысьва, Нытва, Синара, Суксун, Сысерть...

На своем веку заводы повидали столько, сколько никогда не повидать и олигарху, облетевшему Землю на личном самолете, хотя все триста лет заводы не двигались с места.

Философ Бодрийар называл ситуацию постмодернизма состоянием «после оргии». Сейчас Урал – в постмодернизме. И в искусствоведческом, и в индустриальном смысле этого термина – постмодернизм как постиндустриальная цивилизация. Хотя, наверное, рано сбрасывать заводы со счетов.

Но на Урале – и вправду «после оргии». «Дикое счастье» отбушевало. Взятки взяты, козыри биты. Начинается новый кон. А игра все та же, правила не поменялись, *матрица* цела. Что дальше? Удастся ли вырваться из нее, или снова придется вживлять в себя ее жестокие рычаги и поршни? Или спасение только в *матрице*?

Как всегда: QUO VADIS ?

2008

Содержание

Д. Ризов.
На пути от Руси к России 3

Л. Баньковский.
Пермистика 7

В. Раков.
Пермский диптих 191

А. Иванов.
Город со смыслом 219
Уральская матрица 241

Культурологическое издание

Лев Владимирович Баньковский. **Пермистика**
Вячеслав Михайлович Раков. **Пермский диптих**
Алексей Викторович Иванов. **Город со смыслом. Уральская матрица**

Идея проекта **Алексей Иванов**
Руководитель проекта **Илья Вилькевич**
Оформление серии **Ольга Давыдычева**
Издатель **«Продюсерский центр «Июль-медиа»**

Редакторы **Надежда Гашева, Ксения Гашева**
Корректор **Любовь Шуплецова**
Верстка **издательство «Мастер-ключ»**

Издание подготовлено при поддержке
министерства культуры и массовых
коммуникаций Пермского края.

Отпечатано в ОАО ИПК «Звезда». Россия, 614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34;
тел. (342) 248-24-00, факс (342) 248-34-26.
Подписано в печать 24.03.2009 г. Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.
Объем 11 печ. л. Тираж 2500 экз. Заказ № 591

Министерство культуры и массовых коммуникаций Пермского края

В конце девятнадцатого века, основываясь на только что прошедшей переписи населения России, Д. И. Менделеев написал замечательную работу «К познанию России». Тогда, как, впрочем, и теперь, большинство наших провинций были удалены из сознания современников... Менделеев попытался начать процесс познания Россией – России. Однако задача эта оказалась непосильной даже для гениального одиночки.

Я очень рад, что содержание этой книги в основе своей соответствует замыслу Менделеева – познанию одной из частей России, нами еще слишком мало понимаемой.

Дмитрий Ризов

ISBN 978-5-88187-386-8

9 785881 873868